

Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»
№ 2 (30) 2011
ISSN 1996-0522

Учредители
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы» и
НП «Институт развития города»

Издатель
Челябинский институт (филиал)
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
Ю.В. Зацепилин – к.ф.н.
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.В. Павлов – д.ф.н., профессор
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор

Политология

С.Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
А.В. Понеделков – д.полит.н., профессор
О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор

Социология

Е.В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н.Б. Костина – д.с.н., профессор

Юриспруденция

В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
А.Л. Фартыгин – к.ю.н., доцент

Экономика и управление

О.В. Артемова – д.э.н., профессор
Т.Ю. Савченко – к.э.н., доцент

Культурология

С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Л.Б. Зубанова – д. культурологии, доцент
А.Н. Лукин – к. культурологии, доцент

История

С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
В.Н. Новоселов – д.и.н., профессор

Главный редактор

доктор политических наук,
профессор С.Г. Зырянов

Заместитель главного редактора

доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция

А.Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С.Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии
Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии

А.Л. Фартыгин – зав. рубрикой
государства и права

Т.Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономической политики и управления

С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры

В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории

А.В. Павлов – ответственный
за международные контакты

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
А.А. Куштым

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-16702 от 15.10.2003 г.

Выдано Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 06.06.2011 г.
Формат 70×108^{1/16}.

Усл. п. л. 11,9. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3386.

Издание подготовлено к печати
и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

Цена свободная

СОЦИУМ

Г.Г. Горелова, В.А. Степанов

Личностные проявления профессионального
кризиса у работников госбюджетной сферы..... 5

Т.В. Дуран, В.А. Костин

Институциональное управление в системе видов
государственного управления..... 10

М.С. Начкебия

Теоретические аспекты исследования
управленческой культуры в системе
муниципальной службы..... 15

Е.А. Волосникова

«Северный город»: новая трактовка понятия 19

А.А. Александров, Л.С. Карымова

Роль средств массовой информации
в формировании этнонациональных отношений
на региональном уровне..... 24

ВЛАСТЬ

А.Б. Белоусов

Пропаганда и демократия в России: проблемы,
противоречия и вызовы современности..... 28

Г.А. Криворотова

Кризис представительной демократии в системе
политического управления в современном
обществе: теоретические проблемы исследования 33

Е.В. Ишменев

Опыт изучения концепта «символической
политики»: основные традиции и перспективы..... 37

Е.И. Хубулури

Особенности государственной политики и
управления социальной защитой населения:
теоретико-методологический аспект..... 42

И.Г. Романычев

Функционирование ветвей власти в контексте
детерминант возможного перехода региона
в нестабильное социально-политическое состояние 47

Д.В. Буяров

Межрегиональное взаимодействие России и Китая
на примере Дальнего Востока..... 51

О.П. Петрова

Политические акторы региональной экологической
политики и сетиизация третьего сектора..... 56

А.А. Зайцева

Отражение социальной политики в СМИ как
критерий эффективности работы журналистики... 60

В.В. Рудой, А.В. Понеделков, В.Д. Лысенко

Практика применения методов социологического
анализа в политических исследованиях на Юге
России 65

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

А.И. Голованов

Правовой аспект реализации концепции
суверенной демократии в России..... 69

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,**

в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика и управление, культурология, история.

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 136

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@urags-chel.ru

Адрес в Интернете
<http://urags-chel.ru>

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности, несут авторы публикуемых материалов

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

Журнал выходит 4 раза в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

С.А. Пискунов

Переселенческая политика соотечественников на российский Дальний Восток: прорыв или провал? 72

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

И.В. Лавров, М.И. Лаврова

Уровень жизни населения Уральского федерального округа в условиях экономического кризиса..... 79

Н.Ю. Коротина, С.И. Катаев

Эволюционная динамика развития агропромышленного комплекса Пермского края 83

КУЛЬТУРА

В.Н. Савин

Правовая культура студентов в современных условиях: социологический анализ..... 88

Н.В. Киммель

Факторы формирования новой культурной идентичности представителей русскоязычной диаспоры в условиях культуры Турции..... 93

Г.Ю. Чернов

К вопросу о подходах к экспликации понятия «демаксификация»..... 98

ИСТОРИЯ

Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов

Развитие системы пенсионного обеспечения на Южном Урале в 1990-е годы..... 103

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

А.В. Павлов

История как всплеск. К публикации статьи В.Н. Сагатовского..... 108

С.В. Борисов

«Донкихоты» постиндустриальной эры: о философии истории и об ответственности философа в современном мире..... 115

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

А.В. Павлов

Перед взрывом. О книге А.Н. Бурмейстера «Духовность и просвещение. У истоков русского самопознания»..... 120

ПЕРСОНА

Административная реформа:

истоки, контекст, перспективы.

Точка зрения директора департамента по вопросам административной реформы Центра стратегических разработок

В.Н. Южакова123

Scientific journal
«SOCIMUM and POWER»
 № 2 (30) 2011
 ISSN 1996-0522

Founded by
 «Ural Academy of Public Administration» and
 «Institute of urban development»

Published by
 Chelyabinsk institute (branch) of
 the Ural Academy of Public Administration

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

Yu.G. Ershov – Ph.D., professor
 Yu.V. Zatssepilin – Cand. Sc. (Philosophy)
 V.A. Loskutov – Ph.D., Professor
 A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
 V.D. Popov – Ph.D., Professor
 A.S. Chuprov – Ph.D., Professor

Political Science

S.G. Zyrianov – Dr. Sc. (Political Science),
 Professor
 A.V. Ponedelkov – Dr. Sc. (Political Science),
 Professor
 O.F. Rusakova – Dr. Sc. (Political Science),
 Professor

Sociology

E.V. Grunt – Ph.D., Professor
 N.B. Kostina – Dr.Sc. (Sociology), Professor

Law

V.G. Grafskiy – LLD, Professor
 S.V. Kodan – LLD, Professor
 A.L. Fartygin – Cand. Sc. (Law), Assistant
 Professor

Economics and Administration

O.V. Artyomova – Dr. Sc. (Economics),
 Professor
 T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
 Assistant Professor

Cultural Studies

S.S. Zagrebin – Dr. Sc. (History), Professor
 L.B. Zubanov – Dr. Sc. (Cultural Studies),
 Assistant Professor

A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
 Assistant Professor

History

S.V. Nechaeva – Cand. Sc. (History), Assistant
 Professor
 V.N. Novoselov – Dr. Sc. (History), Professor

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
 S.G. Zyryanov

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
 A.S. Chuprov

Editorial board

A.N. Lukin – Head of Philosophy Dept
 S.G. Zyrianov – Head of Political Science Dept
 E.V. Grunt – Head of Sociology Dept
 A.L. Fartygin – Head of Law and State Dept
 T.Yu. Savchenko – Head of Administration and
 Economic Policy Dept
 S.S. Zagrebin – Head of Cultural Studies Dept
 V.N. Novoselov – Head of History Dept
 A.V. Pavlov – International Relations

Executive editor

Cand. Sc. (Philosophy)
 A.A. Kushtym

Certificate of Registration

PI № 77-16702 of 15.10.2003
 Certified by Ministry of Russian Federation for
 Press, Television, Radio Broadcasting
 and Mass Media

Passed for printing on 06.06.2011.

Format 70×108^{1/16}/₁₆
 Reference sheet area 11,9. Issues – 1000.
 Order № 3386.

This edition has been designed and printed at
 454080, Chelyabinsk,
 Sverdlovskiy prospekt, 60.
 Free price

SOCIUM

G.G. Gorelova, V.A. Stepanov

Personal experience of professional crisis
 at employees of state organizations..... 5

T.V. Duran, V.A. Kostin

Institutional administration in State
 administration system types.....10

M.S. Nachkebiya

Theoretical aspects of study of management
 culture of municipal service..... 15

E.A. Volosnikova

«Northern town»: new understanding
 of the concept19

A.A. Alexandrov, L.S. Karymova

The role of mass media in forming the
 interethnic relationships at a regional level..... 24

POWER

A.B. Belousov

Propaganda and democracy in Russia:
 problems, contradictions and
 challenges of modernity..... 28

G.A. Krivorotova

Crises of representative democracy in the system
 of political governance in modern society:
 theoretical problems of the research..... 33

E.V. Ishmenev

Experience of studying the concept of «symbolic
 politics»: the basic traditions and prospects.....37

E.I. Khubuluri

Characteristics of the State policy and social security
 of population: theoretical-methodological aspect..... 42

I.G. Romanytchev

Functioning of branches of the power in context
 of the determinants of likely region transition into
 the state of the socio-political instability..... 47

D.V. Buyarov

Inter-regional interaction of Russia and
 China with an example of the Far East..... 51

O.P. Petrova

Political actors of regional environmental
 policy and the third sector networking..... 56

A.A. Zaitseva

Media view on social politic as criteria
 of journalism’s efficiency..... 60

V.V. Rudoy, A.V. Ponedelkov, V.D. Lysenko

The Practice of using methods
 of sociological analysis in political research
 in the south of Russia..... 65

STATE AND LAW

A.I. Golovanov

Legal aspects of realization of the
 «Sovereign Democracy» concept in Russia69

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIMUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIMUM AND POWER» journal is included in the **list of leading reviewed scientific journals and publications**, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics and management, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIMUM AND POWER» scientific journal are located at page 136.

Please send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@urags-chel.ru

Website:
<http://urags-chel.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved.

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

**Subscription index in
Russia
46536**

S.A. Piskunov

Voluntary migration of compatriots to the Russian Far East: success or flop?..... 72

ECONOMIC POLICY AND MANAGEMENT

I.V. Lavrov, M.I. Lavrova

Standard of living of the population of the Ural federal district in conditions of economic crisis.....79

N.Yu. Korotina, S.I. Kataev

The evolutionary dynamic of development of agroindustrial complex of Perm region83

CULTURE

V.N. Savin

Legal culture of students in contemporary conditions: sociological analysis..... 88

N.V. Kimmel

Factors shaping cultural identity of representatives of Russian Diaspora in the conditions of «alien» culture..... 93

G.Yu. Chernov

On a matter of approaches to the explication of a «demassification» concept98

HISTORY

G.S. Smirnov, S.S. Smirnov

Development of the Pension Fund Scheme in South Urals in the 1990's..... 103

DISCUSSIONS AND DEBATES

A.V. Pavlov

History as a burst. To the article of V.N. Sagatovsky..... 108

S.V. Borisov

«Quixotes» of a postindustrial era: on philosophy of history and on responsibility of the philosopher in the modern world..... 115

CRITICS AND REVIEWS

Review of the article by A.N.Burmeister: Spirit and Enlightenment. From the origins of Russian self-conscience..... 120

PERSON

Administrative reform: sources, context, prospects. Position of V.N. Yuzhakov, Director of the Department of Administrative reform at the Centre of Strategic Research..... 123

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА У РАБОТНИКОВ ГОСБЮДЖЕТНОЙ СФЕРЫ

УДК 159.923

Г.Г. ГОРЕЛОВА, В.А. СТЕПАНОВ

Круг проблем социального управления деятельностью работников госбюджетной сферы – представителей так называемых интеллигентных профессий – учителей, врачей, преподавателей вузов и др. – не ограничивается рамками материального стимулирования. Личностная составляющая играет важнейшую роль в указанных профессиях.

Состояние личности, уровень удовлетворенности ее потребностей – актуальнейшая проблема управления обществом. В предыдущих публикациях нами обращалось внимание на неудовлетворенность личностных потребностей в условиях социального кризиса [2].

Когда же в процессе своей жизнедеятельности человек закономерно вступает в полосу возрастного и профессионального кризисов, сопровождающая их неудовлетворенность потребностей также провоцирует энергетическую избыточность человека. Она, в свою очередь, порождает как высокую степень воздействия человека на окружающее, так и его необходимость в разрядочных (защитных) реакциях психики, служащих отведению избыточного возбуждения [6]. Наиболее универсальными разрядочными реакциями являются элементарные физические действия, а также смех, плач, брань. Эти реакции служат отведению возбуждения, которое не разрядилось путем целенаправленной деятельности: вследствие каких-либо препятствующих этому факторов или же в случае неудачи. Разрядочные реакции индивида защищают его психику от перенапряжения. Для общества разрядочные реакции, синхронизированные взаимным примером, – признак неудовлетворенности потребностей многих индивидов сразу, общественно нежелательное явление, способное взорвать общество.

Основная когорта лиц, занятых в госбюджетной сфере, – это люди, перешагнувшие рубеж сорокалетнего возраста, чей опыт имеет безусловную ценность в данных областях занятости. Однако этапы их профессионального становления пришлись на «доперестроечный» период, что во многом

определяет их «самочувствие» в современных условиях профессионального функционирования.

Профессионалу зрелого возраста приходится разрешать для себя ряд специфических противоречий [1]: а) диспропорция между требованиями для данной специальности в конкретных социокультурных условиях и реальным уровнем знаний; б) противоречия между реальным уровнем знаний и знаниями, необходимыми для освоения социальных условий деятельности; в) противоречия между уровнем знаний и новыми проблемными задачами, которые выдвигаются не только потребностями практики, но и самим человеком в процессе самоперевоспитания и самопрограммирования психики в целом.

Выделяют кризисы профессионального становления, имея в виду «периоды кардинальной перестройки личности, изменения вектора ее профессионального развития». По мнению Э.Ф. Зеера и Э.Э. Сыманюк [4], эти кризисы протекают, как правило, без ярко выраженных изменений профессионального поведения. Однако происходящая перестройка смысловых структур профессионального сознания, переориентация на новые цели, коррекция и ревизия социально-профессиональной позиции не только подготавливают смену способов выполнения деятельности, изменение взаимоотношений с окружающими людьми, но и в настоящей социально-экономической ситуации, а это приобрело характер тенденции, – к смене профессии или рода занятий. Особенно это касается профессиональной педагогической деятельности.

Факторами, порождающими профессиональные кризисы, выступают социально-экономические условия жизнедеятельности. К ним относятся: сокращение штатов, неудовлетворительная зарплата, ликвидация учреждения, социально-психологические проблемы, о которых говорилось выше, и др. Кризисы профессионального развития нередко совпадают с возрастными психологическими и физическими изменениями: ухудшением здоровья, снижением работоспособности, ослаблением

психических процессов, профессиональной усталостью, синдромом «эмоционального сгорания» [8] и т.д.

Неудовлетворенность своим социальным и профессионально-образовательным статусом нередко приводит к поиску новых способов выполнения профессиональной деятельности, ее совершенствованию, а иногда и к смене профессии, специализации или места работы. Наступает момент, когда дальнейшее эволюционное развитие деятельности в изменившихся социокультурных условиях требует коренной ломки нормативов одобряемой деятельности и профессиональных стереотипов. Личность должна совершить профессиональный поступок, проявить сверхнормативную активность, которая может выразиться в переходе на новый образовательно-квалификационный уровень, либо на качественно новый, инновационный уровень выполнения деятельности.

Кризисные явления могут сопровождаться нечетким осознанием недостаточного уровня компетентности и профессиональной беспомощностью, особенно на фоне завышенной самооценки и уровня притязаний, сформировавшихся при прежних, бытовавших в других социокультурных средах более низких стандартах профессионализма. Как следствие, может возникнуть состояние профессиональной апатии и пассивности. Наконец, фактором длительного кризисного явления может стать тотальная поглощенность профессиональной деятельностью. Специалисты-«фанаты», одержимые работой как средством достижения признания и успеха, иногда серьезно нарушают профессиональную этику, становятся конфликтными, проявляют жесткость во взаимоотношениях, вступают в действие механизмы замещения, компенсации и сублимации.

Работники госбюджетных организаций рассматриваемого возраста как специалисты вступают в стадию вторичной профессионализации. Особенностью этой стадии является качественное и производительное выполнение профессиональной деятельности. Способы ее реализации имеют отчетливо выраженный индивидуальный характер. Специалист утвердился как профессионал, которому присуща социально-профессиональная позиция и устойчивая профессиональная самооценка. Кардинально перестраиваются социально-профессиональные ценности и отношения, изменяются способы выполнения

деятельности. Стабилизация всех сторон профессиональной жизни, в свою очередь, может способствовать профессиональной стагнации личности, смирению, конформизму и профессиональной апатии. Стагнация может длиться годами. Во многих случаях качественное и продуктивное выполнение деятельности приводит к тому, что личность как бы «перерастает» свою профессию. Усиливается неудовлетворенность собой, своим профессиональным положением.

Сформировавшееся к этому времени профессиональное самосознание подсказывает альтернативные сценарии дальнейшей карьеры и не обязательно в рамках данной профессии. Однако карьера специалиста тормозится социально-экономическими сценариями. Личность испытывает потребность в самоопределении и самореализации. Противоречия между желаемой карьерой и ее реальными перспективами приводят к развитию кризиса профессиональной карьеры. При этом серьезной ревизии подвергается «Я-концепция», критически пересматриваются сложившиеся производственные и социальные отношения. Можно констатировать: идет перестройка профессиональной ситуации развития. Принимаемый вариант выхода из кризиса: поиск нового места работы, решение об эмиграции, освоение новой специальности, как альтернативный сценарий – переход на более высокую должность и т.д.

Следующая стадия характеризуется творческим и инновационным уровнем выполнения профессиональной деятельности в новых социокультурных условиях. Движущим фактором дальнейшего профессионального развития личности становится потребность в самореализации, самоосуществлении на новом месте. Развитие может сопровождаться кризисом социально-профессиональной самоактуализации – неудовлетворенностью собой. Он связан и с необходимостью усвоения новой социальной роли и норм поведения. Продуктивный выход из этого состояния – новаторство, изобретательство, карьера, социальная и профессиональная активность. Деструктивные варианты разрешения кризиса – алкоголизм, создание новой семьи, депрессия, развитие профессиональных деформаций. Данный кризис не относится к нормативным кризисам, а зависит от уровня адаптации личности.

Проследим, насколько успешно выйдут из него люди «интеллигентных» про-

фессий, чья профессиональная деятельность характеризуется особыми требованиями к личности, творческим характером труда.

Эмпирические исследования сосредоточены на таких аспектах социально-психологической адаптации людей данной возрастной группы, как степень удовлетворения тех или иных человеческих потребностей, особенности самореализации, готовность к новым жизненным перспективам. Не остаются без внимания и такие факторы, как физическое и психическое здоровье, частота стрессов, степень удовлетворенности профессиональной деятельностью. В частности, проводилось исследование [3] на двух независимых выборках. В первую группу вошли представители «интеллигентных» профессий – врачи, инженеры, учителя. Вторую группу составили преподаватели вузов. Отдельно делались выводы по полу (мужчины и женщины) и по возрастным группам в пределах периода зрелости (45–50; 50–55; 55–60 лет). Оказалось, что стрессовые состояния чаще испытывают, во-первых, женщины, вне зависимости от профессиональной принадлежности и возраста (за исключением возрастной группы 50–55 лет), во-вторых, люди в возрасте 45–50 лет вне зависимости от пола и профессиональной принадлежности. В целом имеет место снижение физического здоровья (самочувствия) от 45 до 60 лет, что можно считать совершенно естественным. У мужчин это выражается в виде монотонной динамики (плавное снижение после 50 лет и более резкое падение после 55 лет), у женщин после 50 лет наблюдается либо резкое снижение с последующим некоторым повышением после 55 лет (у всех испытуемых), либо некоторое повышение (у женщин – работников вузов). С психическим самочувствием тенденция противоположная – к 55–60 годам оно повышается у всех обследованных. У преподавателей вузов имеет место небольшое снижение в возрасте 50–55 лет с небольшим повышением в дальнейшем, т.е. фактически вряд ли можно говорить о его возрастной динамике в группе интеллигенции.

Возникающие стрессы можно отчасти связать с такими факторами, как субъективная оценка правильности профессионального выбора, чувство моральной и материальной незащищенности, чувство тревоги, внутрисемейные отношения, беспокойство за свою служебную карьеру, перспективы,

будущее и др. Такое состояние выливается в форму «биографического кризиса» бесперспективности. Он возникает в ситуации, когда по тем или иным причинам в сознании слабо представлены потенциальные связи событий, проекты, планы, мечты о будущем. Дело здесь не в самой по себе неопределенности будущего (оно может казаться и вполне определенным – картина «безнадежного застоя», «гарантированной скуки» или отсутствие перспектив профессионального роста, утверждения себя в основных жизненных ролях, уместных для данного возраста), а в переживании, обозначаемом словами типа «впереди ничего не светит». У человека есть и достижения, и активность, и ценные личные качества, но он затрудняется в построении новых жизненных программ, не видит для себя путей самоопределения, совершенствования, реализации в тех или иных возможных ролях. Подчеркиваем, что речь идет о некоторой «оперативной обстановке» и, быть может, «войне» внутри субъекта в такой реальности, как его внутренний мир. И это ничуть не снижает остроты и практической значимости проблемы биографических кризисов. Реальностью являются и психосоматические взаимодействия, выражающиеся, в частности, в том, что затянувшиеся душевные переживания кризисного типа закономерно вызывают отклонения телесного здоровья.

По данным исследований [3] в возрастной группе 45–50 лет верный выбор профессии осуществили 84,7% мужчин и 54,3% женщин, в группе 55–60-летнего возраста – соответственно 85,3% и 75,6% опрошенных. Полученные данные позволяют выделить ряд тенденций. Обнаруживается более низкая, по сравнению с мужчинами, удовлетворенность выбором профессии у женщин обеих профессиональных групп. В возрастной группе 45–50 лет чуть больше удовлетворены выбором профессии женщины – преподавательницы вузов. С возрастом удовлетворенность выбором профессии возрастает у всех.

Вместе с тем обнаруживается, что почти каждый пятый переживает свой «биографический кризис» в форме кризиса нереализованности, который возникает, когда по тем или иным причинам в субъективной картине жизненного пути слабо представлены реализованные связи событий жизни. Возникают переживания такого содержания, что моя-де жизненная программа не выполнена, «не удалась», «не повезло»,

человек не видит или недооценивает свои достижения, успехи и в своем прошлом не усматривает существенных событий, достаточно полезных с точки зрения настоящего и предстоящего. Одной из причин этого кризиса может стать ситуация новой социальной среды, в которую человека «забросило», но которая может не ценить его специфический опыт, подготовленность и квалификацию («С кафедры можешь болтать языком, а деньги делать не можешь!»).

Моральная неудовлетворенность приобретает, отражаясь в сознании личности, форму кризиса опустошенности, возникающего в ситуации, когда по тем или иным причинам в субъективной картине жизненного пути слабо представлены актуальные связи, ведущие от прошлого и настоящего в будущее. И, несмотря на то, что человек сознает наличие у себя к данному времени важных, значимых достижений, у него доминирует переживание, что он – «уже выкуренная сигарета» и у него нет заметно привлекающих его в будущем конкретных целей, «сил нет» и т.п.

Одной из причин может быть некоторая душевная усталость после длительного периода самозабвенной и упорной работы, «штурма высот» в жизни, профессии. В этом случае оправданны существенная передышка, отход от утомившего образа жизни и деятельности. Другой вариант – при резкой смене социальной, производственной ситуации, жизненных обстоятельств у всякого возможна затрудненность ориентировки в сложном потоке внешних явлений, переживание большой неопределенности, непредсказуемости будущего – «не знаешь, за что ухватиться...». Здесь, как и всегда, полезна ориентация на общечеловеческие, а не ситуативные ценности, поиск единомышленников, «родственных душ» и обсуждение с ними действительно непростых проблем существования в неопределенном мире.

В стрессовых ситуациях сохраняют душевное равновесие 37,1% мужчин и 28,3% женщин [3]. В то же время, по данным опроса, при некоторых жизненных обстоятельствах теряют контроль 0% мужчин и 18,1% женщин-преподавателей в возрасте 45–50 лет. В возрастной группе 50–55 лет так реагируют 20,1% мужчин и 16,7% женщин-преподавателей, а в группе 55–60 лет соответственно – 32,4% и 5,7%. Женщины обеих профессиональных групп испытывают тревогу в 1,5 раза чаще, чем мужчины. При этом люди в возрасте 45–60 лет испытывают тревогу в 1,6–2 раза чаще, чем

в молодости. У большинства респондентов отношения в семье складываются достаточно благополучно. В возрастных группах от 45–55 лет женщины в среднем в 2,5 раза чаще связывают семейные проблемы с проблемами интимного характера. В возрастной группе 55–60 лет этими проблемами почти в 2 раза чаще озабочены мужчины. Среди ответов респондентов часто отмечались сетования на скудность жизненных впечатлений.

Ряд авторов, рассматривая проблематику кризисов взрослости, подчеркивают не только их нормальность («нормативность») и предсказуемость, но и позитивную роль в развитии человека. Так, N. Mauger говорит о том, что человек, стоящий перед руинами своей прошлой жизни, должен искать утешение в том, что эти потрясения – проявление роста. Мир человека содрогается, так как человек стал слишком большим для такого мира [9]. Б.В. Зейгарник и Б.С. Братусь также выделяют периоды нормативных кризисов как этапы возникновения необходимых новообразований: «Так или иначе, здесь нередко прежние мотивы, прежние представления о себе, своих возможностях и перспективах перестают соответствовать на деле изменившимся возможностям, изменившейся внешней социальной ситуации развития, изменившемуся соотношению между пройденным и оставшимся жизненным временем. ... Вначале появляется изменение прежних отношений, запросов, требований к окружающему миру. Это сигнал (критерий) глубокой внутренней работы. Следующий этап – в той или иной степени осознание происшедшего, обозначение его для себя человеком. И, наконец, последний этап – появление и укоренение нового мировоззрения, то есть рождение новых конкретных отношений к миру, новых требований к себе и другим, новых повседневных действий и привычек» [5, с. 69]. Эта тенденция ярко прослеживается в проведенном исследовании. Когда житейские или профессиональные обстоятельства требуют изменить свою позицию, точку зрения и т.п., то, как показали исследования, в возрасте 45–50 лет готовы к этому 86,7% мужчин и 87,3% женщин; в возрастной группе 50–55 лет соответственно 71,2% и 58,7% (преподаватели). В смешанной группе профессоров 55–60 лет наблюдается повышение такой способности соответственно у 94,6% и 89,3% респондентов.

Следует отметить, что высокий процент способности к изменению у лиц этого

возраста – это главным образом результат самооценки, в значительной мере обусловленный феноменом ненамеренной выдачи желаемого за действительное. Особенно это заметно в случае возрастной группы 55–60 лет. Внутри описания этого портрета, как мы могли убедиться, есть и различия, обусловленные половым диморфизмом, профессиональным статусом и индивидуальным жизненным сценарием. Однако то общее, что объединяет людей зрелого возраста, занимающихся интеллектуальной деятельностью, – это прослеживаемая в возрастной динамике, как это было показано выше, способность адаптироваться в новой социальной и возрастной ситуации. Это реализуется через определенные профессионально-личностные качества: творческие способности, волю, интеллект, которые способствуют смыслотворчеству и самоактуализации. Для снятия кризисных явлений было бы целесообразно разработать программу профессионально-личностной реадaptации, проводить тренинги социальной взаимопомощи, организовывать клубные встречи.

Особое внимание обратим на определенную закономерность, выявленную в ходе исследования. Если на первых стадиях профессионального становления решающее значение в возникновении кризисов имеют объективные факторы, например смена ведущей деятельности, то на рассматриваемых нами стадиях все большую роль играют субъективные факторы – изменение «Я-концепции», перестройка профессионального сознания, объективизация уровня притязаний и самооценки, проявление потребности в самоутверждении и самоосуществлении.

Таким образом, внутренние условия личностного роста становятся факторами профессионального развития.

В становлении личности наступает момент, когда человек перерастает возможности дальнейшего развития в рамках данной профессиональной деятельности. И тогда главной движущей силой становится стремление к самореализации [7]. Это предполагает наличие у личности сверхнормативной активности, только в этом случае возможно реальное жизненное творчество. При рассмотрении этого вида кризисов было замечено, что они близко соприкасаются с жизненными кризисами. Возможно, это связано с тем, что процесс саморазвития личности одинаково важен и для самой личности, и для ее профессиональной биографии. Развиваясь, человек сознательно ввергает себя в кризисы самоактуализации (это и резкая смена профессии, и защита диссертации после 50 лет, и новые инициативы), которые в большей мере обусловлены внутренней логикой развития личности. Протекание их сопровождается сильными эмоциональными переживаниями положительной модальности, и для каждого человека это своего рода жизненный поступок, требующий проявления сверхнормативной активности. Если два вида профессиональных кризисов встречаются практически у всех людей, то наличие кризиса самоактуализации предполагает изменение «Я-концепции», перестройку профессионального сознания. Присутствие этого кризиса в профессиональной биографии свидетельствует о мощном потенциале личности к самореализации и самоосуществлению.

1. Вершловский, С.Г. Общее образование взрослых: стимулы и мотивы [Текст] / С.Г. Вершловский. – М., 1987.
2. Горелова, Г.Г. Проблемы социальной и личностной идентичности [Текст] / Г.Г. Горелова // Современные социально-массовые явления: сущность, проблемы исследования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18 мая 2010 г.) – Челябинск: Челябинский институт (филиал) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы», 2010. – С. 113–117.
3. Залевский, Г.В. Штрихи к социально-психологическому портрету людей зрелого возраста в современных условиях [Текст] / Г.В. Залевский, Л.Н. Фадеева // Сибирский психологический журнал. – Томск, 1998. – Вып. 7. – С. 58–60.
4. Зеер, Э.Ф. Кризисы профессионального становления личности [Текст] / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 6. – С. 35–44.
5. Зейгарник, Б.В. Очерки по психологии аномального развития личности [Текст] / Б.В. Зейгарник, Б.С. Братусь. – М.: Изд-во МГУ, 1980.
6. Колесов, Д.В. Общество (психология связей и отношений) [Текст] / Д.В. Колесов. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2003. – 768 с.
7. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы [Текст] / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 474 с.
8. Форманюк, Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя [Текст] / Т.В. Форманюк // Вопросы психологии. – 1994. – № 6. – С. 57–64.
9. Mayer, N. The male mid-life crisis [Text] / N. Mayer. – New York, 1972.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ВИДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316

Т.В. ДУРАН, В.А. КОСТИН

В настоящее время интенсивное развитие претерпевает комплекс социальных управленческих практик, что обусловлено во многом становлением рыночной экономики в Российской Федерации, изменением социальной и политической роли государства, деидеологизацией общественного сознания, широким заимствованием управленческого опыта развитых государств. Вместе с тем, теория социального управления отстает от реальной практики, ее понятийный аппарат пока не в состоянии описать, а, стало быть, и оценить изменения в системе государственного управления. Примером сказанного может служить утверждение, что любое социальное управление не что иное, как менеджмент. Приведем пример: «Менеджмент (в максимально широком смысле) – означает создание, управление, контроль и максимально эффективное использование социально-экономических систем и моделей различной урочней» [5].

Такая интерпретация социального управления предполагает полное отождествление государственного управления и менеджмента, отождествление функций менеджмента и государственного управления. Различие между понятиями «управление» и «менеджмент» в этой концепции связывается с объектами управления, считается, что управлять можно техникой, биологическими системами, а не социальными системами.

Нам представляется, что тезис о тождественности функций менеджмента и государственного управления представляется по крайней мере спорным, в нем многообразие видов управления сводится к одному из его видов, хотя и весьма развитому и интересному.

Теоретическим основанием анализируемого тезиса выступает отсутствие развернутого учения о видах социального управления, игнорирование такой функции государственного управления, как регламентация поведения посредством социальных институтов, под которыми мы понимаем нормы и правила поведения. Регламентация является централизованной функцией го-

сударственного управления, она не входит в компетенцию менеджеров, поэтому мы и не видим ее в классификации функций А. Файоля или А. Мескона. Целое, таким образом, в виде системы социального управления, не равно своей части, а потому теория менеджмента не исчерпывает всех проблем социального управления.

Игнорирование регламентации как функции управления представляет собой проявление более общей гносеологической проблемы: отсутствие сущностной систематизации управленческого знания. Под последней мы понимаем различие решений по их собственным свойствам. Дело в том, что хотя к настоящему времени и выработаны определенные подходы к классификации решений (например, традиционные и нетрадиционные; политические и экономические) [2, с. 90–93], эти варианты классификации являются внешними, то есть основываются не на внутренних признаках решения, а на внешних. Так, различие традиционных и нетрадиционных решений – это различие проблем, подлежащих решению. Традиционные и нетрадиционные проблемы обуславливают и различные технологии решения. Различия решений по объекту (например, политических, экономических, социальных) также являются внешними по отношению к содержанию решений. Различие по субъекту (индивидуальные и групповые, осторожные и смелые) связано с личными качествами различных субъектов. Получается, что вольно или невольно решения на данный момент выступают как некий черный ящик, и классифицируются лишь по тому, с чем они соприкасаются в окружающей их действительности. Такое невольное отвлечение от содержания решений, безусловно, обедняет их картину и, в свою очередь, ведет к упрощенному пониманию видов управления.

Отметим, что мы не отрицаем значения внешних критериев классификации управленческих решений, они также играют определенную роль, помогают понять определенные грани управленческих решений и технологий их производства. Однако они

не могут заменить классификации решений по внутренним основаниям.

Основой для классификации решений может служить классификация самого управленческого знания. Последнее включает в свой состав описывающее и предписывающее. Описывающее знание – это предметное и оценочное, предписывающее – это целевое и институциональное знания [4, с.16]. Поскольку предметное знание – это описание свойств различных систем, то его производство и содержание не входят в состав решений. Обобщенное предметное знание выражается в теориях, конкретное – в фактах. Что же касается оценочного, целевого и институционального, то они и образуют содержание всего множества различных решений, включая и управленческие. Причем оценочные решения являются сервисными, они служат, в конечном счете, для принятия целевых и институциональных решений.

Эти виды решений позволяют выделить и определенные виды государственного управления:

- институциональное;
- целевое.

Институциональное управление заключается в создании системы норм и организации их исполнения. Целевое управление предполагает создание целевых проектов, а также организацию их исполнения.

Институциональное управление включает в свой состав целый ряд функций: учет, анализ, регламентацию, надзор, мотивацию к желательному поведению. Учет – это фиксация различного рода правонарушений. Анализ – исследование различных связей и отношений как между правонарушениями, связей правонарушений и условиями, в которых они совершаются, их динамики и т.п. Регламентация представляет собой процесс выработки институтов, надзор – выявление исполнимости институтов конкретными субъектами. Мотивация к желательному, ожидаемому обществом поведению обеспечивается системой наказаний.

Институциональное управление представлено различными вариантами. Наиболее важные из них можно выделить по объекту, субъекту, видам регламентируемой деятельности. Так, по объекту институты могут быть направлены на поведение граждан или на служащих самого государства. По субъекту они могут исходить из центральной власти или от региональной власти (в федеративных государствах). По видам деятельности их различие связано с отраслями права.

Специфика институционального управления заключается в том, что оно имеет си-

туативный и формальный характер. Первый признак означает, что предписание определенного поведения какому-либо субъекту в виде обязанности связано с наступлением определенной ситуации. Если возникает проблемная ситуация, то субъект должен совершить определенные действия. Формальность управления заключается в том, что субъекту заранее указывается набор определенных действий, зачастую без возможности их выбора.

Все сказанное означает, что неправомерно сводить управление только к принятию решений органами исполнительной власти, так как разработка норм и правил – это компетенция представительных органов.

Целевое управление – наиболее разнообразный вид управления. С точки зрения функций оно также включает учет, анализ, контроль, но, кроме того, целеполагание (планирование), подбор исполнителей, мотивацию и стимулирование. С точки зрения сфер применения оно используется всеми субъектами управления: в менеджменте, в государственном и муниципальном управлении, в общественных организациях.

С институциональной точки зрения целевое управление представляет собой реализацию прав. Если какой-либо субъект обладает правами, то совершение действий по их реализации зависит от желания этого субъекта. Поэтому его решения выступают в виде цели.

В государственном управлении целевое управление также разнообразно. Если мы используем в качестве критерия классификации видов целевого управления виды решений, то получим следующую картину.

По содержанию цель может быть частичной, а может быть полной, в зависимости от этого можно выделить виды управления: корректирующее или проектное. Корректировочные решения могут быть связаны либо со способом реализации проекта, либо с содержанием самого проекта, последний при этом может оставаться относительно устойчивым. Примером может служить детализация типового проекта к конкретным условиям. Проектное решение означает разработку системного целевого образа, в котором представлены основные параметры и свойства объекта управления.

Цели могут фиксировать либо параметры функционирования систем, либо представлять модели их развития. Данное основание позволяет выделить еще два вида управления: оперативное и стратегическое.

По способу выработки целей также можно выделить варианты. Если цели вы-

рабатываются менеджерами (чиновниками) и вменяются для исполнения гражданам или служащим, то такое управление получает название «администрирование». Если же исполнитель сам вырабатывает цели, а руководители лишь влияют на этот процесс, то такое управление называется регулированием. И администрирование, и регулирование представлены целым рядом вариантов.

Регулирование как способ управления также неоднородно. Его вариативность связана, прежде всего, со способами воздействия на исполнителя, самостоятельно принимающего решения. Такие воздействия могут быть материальными, направленными на мотивы лица, принимающего решения, либо информационными (нормативными или целевыми).

Материальные воздействия со стороны государства в отношении бизнеса, например, могут выражаться в изменении налогового бремени, процентной ставки, изменении сборов, оказании финансовой помощи и т.п. Такие действия получили название экономического регулирования. Однако они ограничиваются не только сферой производства, но используются и в социальной сфере, например поощрение рождаемости.

Отметим, что в правовой науке роль права определяется именно через регулирование, что представляет собой не вполне адекватное определение. В качестве примера можно привести следующее определение: «Правовое регулирование – процесс воздействия государства на общественные отношения с помощью юридических норм (норм права)» [6, с. 473]. В силу чего понятие институционального управления оказалось не выявленным.

Регулирование в строгом смысле этого слова – это воздействие на мотивы субъекта, самостоятельно принимающего решения. Применительно к праву регулирование имело бы место в том только случае, если бы законодательные органы ограничивались установлением только санкций за те или иные действия, а решения об этих действиях предоставлялось бы самим участникам правоотношений. Однако законодательные органы не ограничиваются санкциями, они разрабатывают нормы, которые предписывают определенное поведение, задают вполне определенные отношения. Проектирование отношений (и поведения) – это управленческая функция, а потому оно представляет собой вид управления.

Таким образом, мы выделили основные виды управления по средствам управления, имеющие место в современной практике.

Необходимо теперь показать, что каждый из них связан с комплексом функций.

Обоснование многофункциональности корректирующего и проектного видов управления не требует особых аргументов, достаточно рассмотреть характеристики этих видов управления в литературе. Так, проектное управление можно понимать в двух аспектах: пространственном и временном. Пространственное связано с созданием и реализацией конкретных моделей различных систем как технических, так и социальных. Например, проект самолета, автомобиля, дороги – это типичные технические проекты, создание которых требует сбора информации, ее анализа, формирования рабочих групп и работу с ними (постановку задач перед членами группы, их мотивацию, контроль за исполнением решений). Понятно, что функция проектирования в этом управлении доминирующая, но не единственная. Другие управленческие функции выступают по отношению к ней в качестве сервисных.

Временное проектное управление связывается с осуществлением проектов в заданные сроки, которое также требует планирования видов работ, подбор исполнителей, их мотивацию, контроль.

Функциональная сложность административного управления хорошо просматривается на примере советских пятилетних планов, создание и реализация которых включали такие функции, как прогнозирование, проектирование, контроль, анализ, работу с персоналом, мотивацию и др.

Менее явной по своей функциональной структуре выступает регулирование, поскольку в нем на первый план выходят функции стимулирования или дестимулирования тех или иных действий. Однако эти функции не являются единственными в составе этого вида управления. Так, в экономическом регулировании стимулирование или дестимулирование действий предполагает формулировку определенных целей-критериев, с позиций которых и оцениваются регулируемые действия, на основе этих оценок совершаются стимулирующие или дестимулирующие действия. Таким образом, регулирование представляет собой вид сложной управленческой деятельности.

Анализ видов управления по видам решений позволяет сделать вывод, что набор одних и тех же элементарных видов управленческой деятельности служит основой для различных видов их комбинирования, что ведет к появлению видов управления. В каждом виде управления один из видов деятельности является ос-

новным, другие выступают сервисными, обслуживающими.

Помимо управленческих решений, виды социального управления следует выделять и по субъекту управления.

Можно выделить следующие виды систем управления, связанные с взаимодействием управляющих и управляемых, это государственное и муниципальное управление, менеджмент, управление в общественных организациях.

Рассмотрим виды управления, связанные с разделением труда, с профессионализацией управления. Общей чертой для них является управление чужой деятельностью, различие же связано с целью и способом управления.

Целью государственного управления выступает установление порядка взаимоотношений между различными общностями людей: нациями, родами, работодателями и наемными работниками, мужьями и женами, политиками и чиновниками и т.д. Средством достижения указанной цели выступают институциональные решения, то есть права и обязанности.

Тем самым в государственном управлении главной является функция регламентации, а объектом управления, как правило, – взаимодействия управляемых субъектов, выделяемых по разным основаниям: по территориальному признаку, профессиональному, национальному, ролевому, политическому и так далее. Управляемые субъекты непрофессиональной деятельности образуют номинальную общность.

Государственное управление посредством регламентирования связано с созданием системы норм и контроля над их исполнением. Объектом такого управления выступает деятельность множества разнородных групп, которые находятся на одной территории. Объединить деятельность этих групп одним целевым проектом невозможно, поскольку каждая из них реализует какой-то один или несколько видов деятельности.

Функция регламентации является всеобщей, то есть реализуется всеми без исключения государствами, направлена как на всех членов данного общества, так и членов государства. Данная функция является также неотчуждаемой (регальной), она не может быть делегирована никаким другим группам людей.

Поскольку главным средством управления выступают институты (нормы), постольку государство использует принуждение как инструмент стимулирования для всех тех, кому эти нормы адресованы.

Нормативное регулирование, осуществляемое государствами, имеет тенденцию к расширению: первоначально охватывавшее гражданские и политические отношения, со временем оно распространяется и на трудовые отношения. Например, в современных условиях регламентируется минимальная заработная плата в целевых общностях, отношения руководителей и подчиненных, качество товаров и т.д. Эта экспансия произошла к концу эпохи свободного предпринимательства, когда все перечисленные вопросы решались руководством фирмы. И. Ансофф отмечает: «Принцип свободного предпринимательства ограничивается законами. Каковы бы ни были достоинства доктрины свободного предпринимательства, ее защита была неэффективной. С начала столетия, а особенно после Второй мировой войны, общество распространило контроль практически на все стороны деятельности фирм» [1, с.182].

Экспансия государства имеет свои пределы, о чем свидетельствует опыт СССР по сведению разнородных проектных общностей в одну большую проектную общность, выступавшую как единая фабрика. В данном случае государство уже не ограничивалось нормативной регуляцией, а становилось субъектом всего комплекса управленческих действий: целеопределения, регламентирования, оценивания.

Государственное управление не сводится к регламентации. Государство по отношению к гражданам, а в монархических формах правления – к подданным, осуществляет различные сервисные функции. Наиболее общие из них: защита от внешней агрессии, социальная работа, содействие экономическому и научному развитию. Именно в этих сферах необходима и оправдана менеджериализация государственного управления, то есть применение форм и методов менеджмента для организации государственных услуг населению.

Муниципальное управление имеет целью организацию обеспечения общими услугами жителей муниципального образования [3, с. 667]. Совместное проживание порождает общие услуги в виде содержания общих дорог, освещения, водоснабжения, порядка и много другого.

Оказание услуг может осуществляться как организациями (унитарными, автономными), учреждаемыми органами местного самоуправления, так и коммерческими предприятиями, которые реализуют услуги на основе муниципальных заказов.

Управленческие инструменты, ради которых создаются муниципальные учреж-

дения или привлекаются частные организации, – это целевые решения. В целевых решениях фиксируется вид и объем муниципальных услуг для населения муниципального образования.

Менеджмент как вид управления имеет целью создание товаров и услуг, которые могут потребляться как отдельными людьми, так и их общностями. Субъекты управления в данной сфере организуют активность работников путем создания сложного проекта деятельности, направленного на достижение какой-либо цели, и контроля над его исполнением.

Менеджмент, как и муниципальное управление, работает с помощью целевых решений. Сказанное не означает, что в организациях, производящих индивидуальные товары и услуги, нет норм, дело в том, что основные нормы задаются государством и для менеджмента, и для органов местного самоуправления.

Управление другими людьми во всех вышеперечисленных типах управления может быть двояким: профессиональным и непрофессиональным. Для обозначения этих элементов в составе типов управления целесообразно ввести соответствующие термины. В качестве рабочих терминов можно предложить понятия «внешнее управление» и «делегированное управление».

Внешнее управление можно определить как управление тех людей, которые не входят в состав организованных общностей, делегированное управление – управление тех, для кого оно является профессиональной обязанностью. Примеры внешнего управления: деятельность акционеров в отношении акционерного сообщества, избирателей по отношению к органам государственной или муниципальной власти, собственника по отношению к управляющим на принадлежащих ему предприятиях.

Основание для внешнего управления негосударственными предприятиями и фирмами достаточно очевидно – это право собственности на капитал. Основания внешнего управления в сфере публичной власти требуют дополнительного изуче-

ния. Обычно в качестве такого основания указывают на право народа. На наш взгляд, это объяснение недостаточное. Дело в том, что долгое историческое время народы существовали, не обладая таким правом; история деспотий, авторитарных режимов – достаточное тому подтверждение.

Главным фактором, дающим народу право на управленческие функции, выступает его собственность на средства, за счет которых содержатся и государственная, и муниципальная власть. Налоги являются главным финансовым источником существования государства, а те, кто их платит, имеет право выбирать тех, кто их будет расходовать. В обществах, характеризующихся неразвитостью товарно-денежных отношений, использованием натуральных форм налогов доминировали деспотические режимы.

Во внешнем управлении реализуются, как правило, следующие функции: выбор управляющих, контроль над важнейшими направлениями их деятельности. Благодаря внешнему управлению высшие государственные чиновники становятся наемными работниками. При отсутствии делегированного внешнего государственного управления назначение высших чиновников становится делом самих высших чиновников в виде непосредственного назначения или наследования по какому-либо признаку. В демократических системах, напротив, лишь прямое внешнее управление оценивается как нормальное и естественное явление. В менеджменте, при отсутствии внешнего управления, собственник и менеджер совпадают в одном лице.

В заключение резюмируем сказанное о видах управления.

Функции управления сгруппированы в определенные комплексы, которые предлагается обозначить термином виды управления. Каждый вид управления может включать в себя свой набор функций, иметь доминирующую функцию, осуществляться разными субъектами. Основанием для выделения видов управления служат виды управленческого знания (нормативное и целевое), различие субъектов управления, характер управления.

1. Ансофф, И. Стратегическое управление [Текст] / И. Ансофф. – М.: Экономика, 1989. – С. 182.

2. Карданская, Н.Л. Управленческие решения: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям и направлениям. 3-е изд. [Текст] / Н.Л. Карданская. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.

3. Кобзаненко, В.А. Государственное управление: основы теории и организации [Текст] / В.А. Кобзаненко. Учебник. – М.: «Статут», 2000.

4. Костин, В.А. Менеджмент [Текст] / В.А. Костин, Т.В. Дуран. – М. Гардарики, 2008. с.334

5. Менеджмент [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%80> (дата обращения: 18.04.2011 г.).

6. Правовое регулирование. Большой юридический словарь [Текст]. – М.: Книжный мир, 2002. с. 473.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

УДК 316.7:35.08

М.С. НАЧКЕБИЯ

В условиях проводимой административной реформы становится все более актуальной потребность в создании эффективной и действенной системы управления общественными процессами в стране. В этой связи одной из задач, стоящих перед государством, является проведение коренных преобразований в системе местного самоуправления. Концепция административной реформы исходит из того, что общество и государство призваны решать задачи обеспечения интересов и потребностей граждан, опираясь, в том числе, и на возможности местного самоуправления, являющегося непосредственной формой народовластия.

В системе местного самоуправления муниципальная служба выступает организационным механизмом управления на местном уровне и является связующим звеном между государством и обществом. Это определяет ее институциональные особенности и основное предназначение – обеспечение реализации целей и функций государства по всем вопросам социального и экономического управления обществом на местном уровне [7, с. 3].

В последние годы значительно изменились место и роль муниципальной службы в системе управления общественными процессами. Муниципальная служба стала одним из институтов системы социального управления, сохранив при этом свои специфические отличия от государственной службы в осуществляемой ею управленческой деятельности на местном уровне. Муниципальное управление отделено от государственного управления, но муниципальная служба призвана выполнять, в том числе, и его функции, делегируемые на местный уровень Конституцией РФ, законами РФ и иными нормативными правовыми актами.

Анализ законодательства РФ позволил выделить ряд особенностей муниципальной службы:

- она функционирует в сфере публичной власти и является публично-властной деятельностью;

- ее задачи связаны с обеспечением самостоятельного решения населением вопросов местного значения;

- одной из ее важнейших задач является обеспечение прав и свобод человека и гражданина на территории муниципальной образования;

- она связана с подготовкой, принятием, исполнением и контролем решений органов местного самоуправления и отдельных решений государственных органов в установленных законом случаях;

- она призвана защищать права и законные интересы муниципального образования, его населения;

- муниципальные образования самостоятельно решают вопросы подбора кадров, порядка прохождения службы.

По своему содержанию муниципальная служба – это не просто профессиональная, но и управленческая деятельность. От имени муниципального органа муниципальные служащие в рамках законодательства используют основные функции управления – планирование, прогнозирование, организацию, принятие решения, контроль. Исходя из этого, муниципальную службу можно определить как управленческий институт, где муниципальные служащие должны, наряду с узкоспециальными, иметь управленческие знания, умения, навыки и способности в области сбора, обработки и обобщения информации, подготовки проектов решений, организации их исполнения, координации деятельности, регулирования и ряда других функций управления [6, с. 45].

В решении современных проблем общества рациональность и эффективность управления во многом определяются состоянием управленческой культуры, поскольку она является «атрибутивной (качественной) стороной управленческой деятельности» [2, с. 18].

Современная управленческая культура переживает процесс становления, связанный, прежде всего, с изменением общественных отношений и возможностью

взаимодействия с другими культурами. Изменения, проходящие во внешней среде, требуют от управленцев применения новых подходов к управлению. В настоящее время на формирование и многообразие проявлений управленческой культуры оказывают влияние национальные, региональные, исторические особенности страны, ценности общества в целом и его групп.

Выделим некоторые специфические подходы к термину «культура»:

1. Философско-антропологический подход рассматривает культуру как выражение некоей человеческой природы. Она выводится из особенностей человека как особого рода существа.

2. Философско-исторический подход претендует на то, чтобы раскрыть механизм порождения, возникновения самой человеческой истории. Культура здесь – синоним интеллектуального, нравственного, эстетического, в целом разумного совершенствования человека в ходе его исторической эволюции.

3. Социологический подход трактует «культуру» как фактор организации и образования жизни любого общества, как определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах организации общества и деятельности людей.

4. Гуманистически-аксиологический подход, на наш взгляд, является наиболее ценным, поскольку человек, творя культуру, творит самого себя как субъекта социокультурного процесса [3, с. 20–21].

Специфическое представление о культуре сложилось в отечественных исследованиях в области теории и практики управления. Здесь культура рассматривается не только как социальный, но и, прежде всего, антропологический феномен. Его основанием служит потребность человека в реализации тех побуждений, которые не являются инстинктивными. Культура в этом смысле выступает как продукт открытой человеческой родовой природы, не имеющей окончательной фиксированности [3, с. 56].

Таким образом, культура может быть определена как социально значимая творческая деятельность личности, как мера развития общества [3, с. 21].

Исходя из вышеизложенного материала, можно предположить, что теоретически в своем полном виде управленческая

культура представляет собой сложный комплекс разноплановых составляющих, который включает:

- систему ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, которые обеспечивают мотивацию и регуляцию управленческой деятельности, определяющих форму ее осуществления и восприятия ее обществом;

- систему технических средств управления;

- формы поведения субъектов управления (в своей статусной иерархии, в «своем» кругу, по отношению к нижестоящему персоналу), которые определяются его воспитанием и образованием [1, с. 67].

Говоря об управленческой культуре, необходимо учитывать, что это понятие может рассматриваться в широком и узком смысле слова.

В широком смысле управленческая культура может быть представлена как составная часть общей человеческой культуры; компонент управленческой практики; элемент системы управления; результат ее развития; важнейший ресурс государственного управления.

В узком смысле управленческая культура является характеристикой управленческих отношений. Ее функции связаны с планированием, прогнозированием управленческих действий, сбором и обобщением управленческой информации, подготовкой и принятием управленческих решений, организацией, координацией и контролем исполнения [8, с. 378].

Анализ научных источников, проведенный А.Я. Строиловой [4, с. 39], показал, что в большинстве определений понятия «управленческая культура» подчеркивается ее профессионально-личностный характер и определяется как:

- мера и способ творческой самореализации личности в разнообразных видах управленческой деятельности;

- динамическое качество личности, развивающееся в логике смены стадий;

- стиль руководства и решения руководителей проблем, их поведения в целом;

- совокупность типических для менеджера ценностей, норм, точек зрения и идей, которые изначально формируют образец его поведения.

С точки зрения гносеологии управленческая культура рассматривается как познавательная деятельность, направлен-

ная на постижение закономерностей развития эволюции управленческой мысли. В свете аксиологии выступает своеобразной реализацией принципа взаимосвязи между нравственными ценностями и процессом их освоения. С позиции социологии представляет собой тип управленческого сознания и управленческой деятельности, ориентированный на формирование отношений в области «человек–человек» в определенном отношении. В педагогике и психологии представляет внутренне согласованную систему развития и становления ценностных качеств личности [5, с. 88]. Каждый из этих аспектов из теории становления управленческой культуры.

Являясь составляющей управленческой компетентности муниципального служащего, управленческая культура представляет собой интегративное динамичное качество, развивающееся в процессе деятельности, характеризующееся определенным уровнем теоретического осмысления и комплексом практических умений и навыков по реализации ведущих подходов к управленческой деятельности в современной практике на основе безусловного соблюдения норм, принципов морали и нравственности [4, с. 39].

Осмысливая изложенное, управленческую культуру в системе муниципальной службы можно представить как систему управленческих норм, ценностей, знаний, умений и навыков, составляющих управленческую компетентность и необходимых для осуществления муниципальными служащими управленческой деятельности.

К элементам управленческой культуры муниципальных служащих можно отнести:

- управленческие знания (теории и методы управления, процесса управленческой деятельности, основ организации процесса управления, основ безопасности труда и т.д.), полученные в процессе обучения (школа, вузы, самообразование и др.);

- управленческие умения (разработка организационных документов, подготовка и проведение организационных мероприятий, осуществление контроля исполнения управленческого решения и т.д.), приобретенные в процессе осуществления управленческой деятельности;

- управленческие навыки (планирование и организация работы, адаптация к новой ситуации, организация своего рабоче-

го места, использование оргтехники и т.д.) приобретаются в процессе многократного применения.

Управленческая культура муниципальных служащих включает в себя нормы и ценности, которые должны соблюдаться менеджерами любого звена управления. К числу основных норм можно отнести:

- юридические нормы, отраженные в нормативно-правовых актах (управленческая культура муниципального служащего состоит в знании и выполнении законодательных норм);

- морально-этические нормы (не зафиксированы в официальных документах, но выступают регулятором профессиональных отношений и профессионального поведения, т.к. в них отражены вопросы блага, справедливости, совести, долга, ответственности, чести и др.);

- организационные нормы (устанавливают структуру органов муниципального управления, порядок деятельности функциональных подразделений и их руководителей, а также правила внутреннего распорядка);

- профессиональные нормы (представляют собой систему компетенций, в том числе управленческих, а также опыт муниципального служащего).

Перечисленные нормы формируют управленческую культуру и образуют совокупность ее элементов, определяющих деятельность муниципального служащего.

В условиях современных социокультурных перемен управленческая культура выполняет ряд функций, среди которых можно отметить следующие [8, с. 378]:

- ценностно-ориентационная – управленческая культура как система координат в отношениях объекта и субъекта управления;

- гуманистическая – развитие творческого потенциала участников управленческих процессов;

- познавательная (гносеологическая) – средство познания участников управленческих процессов;

- информационная – трансляция управленческого опыта, обеспечение связи прошлого опыта с настоящим и будущим;

- нормативно-регулирующая (собственно управленческая) – управленческая культура выступает средством социального контроля за поведением участников управленческих процессов.

В настоящее время формирование управленческой культуры в системе муниципальной службы вызывает определенные трудности, которые связаны со спецификой деятельности органов местного самоуправления. Речь идет, прежде всего, о том, что консерватизм управленческого аппарата не способствует быстрой реакции на изменения внешней среды, что ведет к преобладанию в органах местного самоуправления прежнего (советского) управленческого опыта.

К факторам, замедляющим процесс формирования современной управленческой культуры в системе муниципальной службы, можно отнести:

- чрезмерную закрытость органов местного самоуправления от внешнего окружения; строго формализованный характер деятельности сотрудников;
- высокую степень сопротивления переменам и нововведениям со стороны персонала органов местного самоуправления;
- низкую мотивацию персонала к эффективной профессиональной деятельности;

– высокую степень дистанции власти во взаимоотношениях персонала;

– высокий объем текущей работы, затрудняющий возможность ее выполнения на должном уровне.

Таким образом, при формировании управленческой культуры в системе муниципальной службы необходимо учитывать специфику профессии служащего, так как отсутствие необходимых знаний, умений и навыков муниципальных служащих приводит к низкой эффективности управленческих решений и, как следствие, к потере авторитета органов местного самоуправления в глазах населения.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что в данной статье были названы лишь несколько, с нашей точки зрения, перспективных исследовательских задач и проблем, связанных с анализом управленческой культуры в системе муниципальной службы. Но даже этот перечень свидетельствует о большом и неиспользованном потенциале изучения данного феномена, что лишний раз убеждает в необходимости проведения дальнейших исследований.

1. Гапоненко, Е.Н. Бизнес-образование как фактор повышения управленческой культуры (социолого-прогностический анализ) [Текст] / Е.Н. Гапоненко: дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08. – М., 2004. – 151 с.

2. Игнатов, В.Г. Профессиональная культура и профессионализм государственной службы: контекст истории и современность [Текст] / В.Г. Игнатов, В.К. Белолыпецкий: учебное пособие. – Ростов н/Д, 2000. – 253 с.

3. Митин, А.Н. Культура управления в системе взаимоотношений персонала организации [Текст] / А.Н. Митин: дис. ...д-ра экон. наук: 08.00.05. – Екатеринбург, 2002. – 400 с.

4. Строилова, А.Я. Управленческая культура руководителя как фактор формирования имиджа учреждения дополнительного образования детей [Текст] / А.Я. Строилова: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Оренбург, 2007. – 179 с.

5. Фонарев, А.Р. Формы становления личности в процессе профессионализации [Текст] / А.Р. Фонарев // Вопросы психологии. – 1997. – № 2. – С. 88–93.

6. Хренков, В.П. Профессионализм и управленческая культура муниципальных служащих: социологический анализ [Текст] / В.П. Хренков: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – М., 2003. – 213 с.

7. Чумак, Л.Д. Институционализация муниципальной службы в Российской Федерации [Текст] / Л.Д. Чумак: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – М., 2007. – 28 с.

8. Энциклопедия государственного управления в России [Текст]. В 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. В.К. Егорова; отв. ред. И.Н. Барциц. – М., 2008. – 520 с.

«СЕВЕРНЫЙ ГОРОД»: НОВАЯ ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ

УДК 316.333

Е.А. ВОЛОСНИКОВА

Одна из наиболее актуальных социальных и социально-экономических проблем современного российского общества – развитие северных городов. К ним принято относить города, находящиеся за 60 градусом северной широты, характеризующиеся дискомфортными природно-географическими условиями жизни и являющиеся основой для индустриального и постиндустриального освоения и развития Севера России, на территории которого сосредоточены 80% сырьевых ресурсов страны. Эти города составляют опору и формируют точки роста для обширных северных территорий с расположенными на них поселениями, обеспечивая не только активное функционирование больших групп людей на этом стратегически важном пространстве страны, но и ее социально-экономическую целостность. От благополучия, устойчивого положения и эффективного социально-экономического развития северных городов во многом зависит будущее устойчивого развития России и ее место в глобализирующемся мире [6].

Для формирования системного представления о северном городе требуется найти ответы на следующие вопросы: что такое северный город? По каким критериям следует разделять северные города (должны ли среди них преобладать географические, социальные, экономические, правовые, национально-этнические или общностные параметры)? Как быть с изменениями, происходящими в северном городе в условиях трансформации социально-экономических отношений? Как влияют на самоидентификацию и взаимодействие горожан процессы, связанные с переходом от индустриального к постиндустриальному типу социально-экономических отношений? Какова роль истории и культуры северного города в формировании траектории его будущего развития? На основании каких параметров можно говорить об успешном или неуспешном развитии северного города, его вкладе в развитие региона и страны в целом?

Отвечая на некоторые из поставленных вопросов, отметим, что основополагающей в определении северного города выступает совокупность узловых характеристик. Первая среди них – природно-климатические усло-

вия, или, другими словами, его местонахождение выше 60 градусов северной широты. Вторая – удаленность от основных экономических центров. Третья – связь с эволюцией северных городов, их индустриальным, постиндустриальным, урбанистическим [9] переходами, которые обуславливали динамику развития северного города в прошлом и определяют его будущее. В этом заключается генетическая природа формирования северного города. Четвертая характеристика – индустриальный характер освоения, который обусловлен тем, что большинство российских северных городов возникло в результате разработки природных запасов и в процессе формирования топливно-промышленных комплексов (нефтяного, газового, угольного, лесопромышленного). Пятая – наличие крупных корпораций (что логично вытекает из предыдущего положения). Шестая – зависимость от предшествующего развития. Седьмая – многоядерная пространственная структура города (город строился из разных ведомственных микрорайонов с отсутствием выраженного центра). Восьмая – остаточный характер формирования социальной сферы. Он в значительной степени определил основные черты складывания и развития социальных общностей северного города. Представленные восемь узловых характеристик и формировали реальный образ северного города России конца XX века.

Сегодняшний облик и представление о северных городах показывают их зависимость от предшествующего развития и особенностей региональной политики советского периода, которая, как отмечает О.С. Пчелинцев, основывалась на формировании территориально-производственных комплексов [7]. Оно носило ведомственный характер, что отразилось на структурных и функциональных характеристиках городской инфраструктуры, городской среды и городских сообществ северных городов. В работах исследователей [10] отмечается, что на социальное развитие северных территорий оказало влияние несколько факторов: романтический образ осваивателя – первопроходца, остаточный характер социальной политики, ведомственный подход к решению социальных и экономических проблем северных территорий. Это

привело к формированию многоядерной структуры северных городов, образованной предприятиями различных ведомств (геологов, строителей, нефтяников, транспортников, энергетиков и др.). Императивы государственной политики предполагали долгосрочный характер освоения северных территорий, вступая в противоречие с инструментами социального развития, а также ценностными установками участников этого процесса.

Под приоритеты индустриального развития подстраивалась производственная и социальная инфраструктура. Дороги, жилье, школы, поликлиники строились там, где это было целесообразно с точки зрения снижения затрат, в том числе трудовых, на добычу и переработку природных ресурсов. Политика формирования постоянных поселений была оправдана как с экономической точки зрения (трудозыбыточные технологии требовали присутствия большего количества рабочей силы на вновь созданных производственных площадках, а вахтовый метод в условиях слабого развития транспортной системы и необходимости большого количества кадров был крайне затратен), так и с общественной (большой группе людей дали возможность улучшить условия проживания, повысить свое место в социальной иерархии и поучаствовать в реализации грандиозных проектов). Форпосты индустриально-сырьевого освоения Севера стали одним из символов развития страны. Как правило, эти города до сих пор составляют существенную часть промышленного и демографического потенциала регионов.

Таким образом, социальные пространства северных городов формировались, исходя не из принципов комфортности жизни и взаимодействия городских социальных общностей и приоритета общностных ценностей, а из индустриальных задач. Именно их решение в границах советского периода сформировало общее представление и понимание того, что такое «северный город».

Развитие северных городов зависит не только от климатических условий, но и от всей совокупности факторов социального, экономического, исторического, урбанистического, градостроительного, демографического характера. В понятие «северный город» вкладывают как природное и физико-географическое значение, так и экономико-географические и социально-экономические характеристики. Ряд его трактовок связан с антропогенными признаками. На уровне повседневного, обыденного сознания северные города отличаются от

других, «несеверных», городов своеобразными природными и экономическими условиями развития, которые характеризуются, прежде всего, суровостью природно-климатических условий и удаленностью от центральных районов страны.

Поэтому проблема понимания того, что есть сегодня северный город, оказывается очень важной для его научного осмысления, начальным этапом которого является определение самого базового понятия «северный город».

Дефицита в дефинициях северного города и его сущностно-содержательных трактовках в литературе не ощущается. Отталкиваясь от них, мы постараемся выйти на новый уровень его характеристик. С этой целью для определения природы северных городов необходимо выделить общность исторического генезиса в их формировании и развитии, особенности процесса освоения, географические и природно-климатические факторы, специфический характер взаимодействия социальных общностей, становление городской культуры и ее взаимосвязь с культурой коренных народов.

Мы считаем, что в северном городе происходят весьма динамичные изменения, которые требуют пересмотра общепринятых взглядов на него. Они обусловлены теми глубокими переменами, которые происходят буквально на наших глазах в течение нескольких последних лет. Что мы имеем в виду?

Во-первых, изменяются функции целого ряда новоосвоенных северных городов, сформировавшихся в условиях индустриального развития. Имеется в виду период последнего полувека. Советский период освоения Севера – это открытие и разработка месторождений полезных ископаемых и создание возле них промыслов, рудников, шахт и горно-металлургических комбинатов, городов и поселков. В это время Север приобретает статус базы промышленного и транспортного освоения новых районов. Именно этому периоду обязано своим появлением большое количество ныне существующих северных городов: в Ханты-Мансийском автономном округе (Мегион – 1962, Нефтеюганск – 1962, Сургут – 1965, Нижневартовск – 1972, Когалым – 1975, Нягань – 1976, Лангепас – 1985), в Ямало-Ненецком автономном округе (Надым – 1972, Новый Уренгой – 1973, Ноябрьск – 1976, Муравленко – 1984) и в других субъектах России [8].

Все названные выше города традиционно относят к разряду моногородов. В научной литературе в отношении таких городов употребляются термины «моно-

профильный», «моноструктурный», «моноотраслевой», «моноцентричный», «монофункциональный», которые, по сути, являются синонимами. В.А. Ушаков сравнивает данные понятия и приходит к выводу, что наиболее полно отражает содержание анализируемого явления термин «монофункциональный город» [11]. Ряд ученых обращается к выявлению сущности монофункциональных городов через выделение числа градообразующих предприятий, количества занятых жителей города на них и предприятиях, с ними связанных [4]. Академик А.Г. Гранберг пишет, что «монофункциональный город концентрирует какую-то одну отрасль хозяйства или деятельности: промышленность, транспортные услуги, оздоровительные учреждения. Некоторые города обслуживают только одно предприятие» [3].

Особое значение приобрел вопрос об определении этого понятия. С.М. Миронов, выступая на совещании «Моногорода России: задачи экономической и социальной модернизации», говорил: «Не существует развитой законодательной базы, которая необходима для решения проблем монопрофильных городов. Например, отсутствует даже понятие и критерии определения моногорода. Это усложняет идентификацию таких поселений. В результате населенному пункту приходится доказывать свою принадлежность к категории моногородов, а эксперты расходятся в оценке количества моногородов в России. Определения градообразующих предприятий, которые имеются в действующей нормативной базе, не совпадают друг с другом. В законодательстве отсутствует классификация градообразующих предприятий» [2]. Неслучайно проблема монофункциональных городов в течение многих лет является предметом полемики и сурьезной научной работы, основанной на анализе их экономических функций.

Мы же предлагаем взглянуть на вопрос о моногородах не с позиции выполнения ими экономических функций, а с точки зрения решения социальных задач, обеспечения взаимодействия социальных общностей в пространственно-временном континууме северного города. В этом случае монофункциональность будет определяться, исходя не из экономических, а социальных функций города. И тогда частица «моно» будет означать, что градообразующие предприятия и предприятия, их обслуживающие, обеспечивают функционирование социальной сферы города, оказывают определяющее воздействие на характер взаимоотношений социальных общностей. Отметим специально большую

роль в этих отношениях профессиональных социальных общностей города.

Если еще до недавнего времени эти города рассматривались населением как место временного пребывания, то в самые последние годы они превращаются в центры постоянного места жительства с осознанием их определяющей роли в жизни не только нынешнего, но и последующего поколений. Осознание проживания в северных городах для значительной части населения становится своеобразной ментальной культурой. Это – во-первых.

Во-вторых, о глубоких переменах в ряде северных городов свидетельствуют бурные процессы развития бизнеса, строительства, социальной сферы (здравоохранения, образования), усложнения городской инфраструктуры и коммуникаций, появление новых видов деятельности в них, освоение нового городского пространства (прежде всего, за счет пригородов), рост рождаемости и др. Названные процессы являются мощными стимулирующими факторами привлекательного для населения характера.

В-третьих, благодаря участию государства и социально ориентированного бизнеса в развитии северных городов создаются и реализуются многочисленные проекты, направленные на улучшение качества жизни и вызывающие поддержку у местного населения. Как показывают социологические исследования, в том числе проведенные и автором данной статьи [1], во многих из этих проектов принимают участие молодые люди, которые связывают свое будущее с жизнью северного города. Нам представляется, что значение этих проектов состоит не только в позитивных результатах их реализации, но и в том, что они способны стать детонатором новой волны гражданских и общественных инициатив по изменению северного города.

В-четвертых, современные северные города приобретают принципиально иные качественные характеристики за счет появления новых социальных общностей, становящихся типичными для этих городов. Так, речь идет по существу о первом поколении городских пенсионеров, т.е. той общности, которая в период индустриального освоения северных городов относилась к поколению первопроходцев, а в настоящее время приняла решение не уезжать из города на большую землю, как это было принято иными категориями пенсионеров. К новым общностям следует относить также студенчество, формирующееся в последние 10 лет из числа детей родителей, приехавших осваивать северные территории во второй

половине прошлого века. Появляются новые профессиональные общности, представляющие креативные виды деятельности.

Показанные и некоторые другие трансформации в жизни северного города убеждают в необходимости представить новую трактовку индустриального северного города, отличающуюся от традиционных его интерпретаций, имевших место несколько десятилетий назад.

Критериями этой новой трактовки являются процессуальность, деятельность и взаимодействие социальных общностей северного города, его пространственно-временные характеристики (новая модель хронотопа). Это означает, что городскую жизнь следует рассматривать как множество процессов, связанных с новым освоением городского пространства и времени (в отличие от индустриального периода, когда все городские процессы определялись исключительно необходимостью освоения ресурсов), осуществлением жизнедеятельности различных социальных общностей, модификацией взаимодействий и социальных отношений между ними.

Говоря о перспективах развития современного северного города, следует иметь в виду его постепенное приближение по ряду параметров городской жизни к городам, находящимся в центральной полосе России. В этих условиях традиционно принятые его характеристики: удаленность от экономических центров, зависимость от предшествующего развития и др., перестают быть определяющими, как раньше.

Новая трактовка северного города предполагает наличие в нем в качестве наиболее заметных позиций изменения структуры социальных общностей с особой ментальной культурой и отношением к северному городу как месту постоянного проживания, а также трансформации городской среды в соответствии со стремлениями городских общностей к определенному характеру взаимодействия.

Для северного города одним из показателей его процветания является численность и разнообразие социальных общностей, в нем проживающих. Исходя из посылки о формировании новых северных городов для решения индустриальных задач, можно сделать вывод, что именно профессиональные общности являлись главным элементом решения этих задач. Но дело не только в их численности, хотя согласимся с тем, что это один из важных критериев развития города. И.А. Ильин пишет, что «численность населения является важнейшим критерием, в основном отражающим его социально-

экономическое развитие, экономический потенциал, народно-хозяйственную специализацию, уровень культурно-бытового обслуживания в нем и коммунального хозяйства, его транспортно-географическое положение и т.п.» [5]. Мы не можем согласиться с позицией автора, так как не сама по себе численность населения является важнейшим критерием, а численность, разнообразие и характер взаимодействия социальных общностей, свидетельствующих о процветании города.

Закономерности формирования социальных общностей в северных городах в полную силу проявились при освоении Севера Западной Сибири в 1960–80-х годах. Интенсивное промышленное освоение нефтегазодобывающих районов оказало решающее влияние на формирование социальных общностей северного города. Они складывались и развивались на базе объединения людей по профессиональному, экономическому, демографическому, этническому, территориальному, религиозному основаниям.

В этой связи необходимо выявить типологию социальных общностей северного города. Первую группу составляют профессиональные общности, связанные с индустриальным освоением Севера и деятельностью крупных корпораций. К ним относятся в первую очередь нефтяники, газовики, геологи, строители, энергетики. Ко второй группе относятся социальные общности, чье появление в северном городе обусловлено генетической природой его формирования. Это национально-этнические общности. Как известно, у истоков освоения целого ряда северных городов было много выходцев из тех республик СССР, где нефтедобыча имела богатую историю (Азербайджан, Татарстан, Башкортостан). Именно представители соответствующих национальностей первыми приехали в город. К третьей группе мы бы отнесли социальные общности ближайших родственников тех, кто создавал город, прежде всего их жен, которые приезжали на Север вслед за своими мужьями. Сегодня это, так сказать, коренные и уже традиционные для города социальные общности.

Наряду с ними в последние 15–20 лет появились новые, нетипичные для северного города социальные общности. К ним целесообразно отнести, к примеру, общность студентов, без которой сегодня представить себе ряд северных городов просто невозможно. Она возникла благодаря появлению сначала филиалов вузов ряда городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени,

Екатеринбурга и др.), а затем и собственных высших учебных заведений (государственные и частные вузы Сургута, Нижневартовска, Ханты-Мансийска и др.).

Очень специфичной по характеру своего происхождения оказалась социальная общность пенсионеров. Как массовая, она стала формироваться в северных городах только в последнее время (в них до сих пор очень высок удельный вес молодежи), ее составили те, кого традиционно называют комсомольцами-первопроходцами. Сегодня они, к сожалению, уже состарились. Важная особенность этой общности состоит в том, что на ее основе формируется общность патриотов города, для которых он из места временного проживания стал местом постоянного жительства.

К числу новых могут быть отнесены и творческие социальные общности, которые в связи с остаточным характером формирования социальной сферы в северных городах долгое время не могли утвердиться в таком качестве.

Как видно, специфика нашего подхода к анализу северного города, в отличие от многих других уже существующих, состоит в том, что он осуществляется сквозь призму рассмотрения основного субъекта города – социальных общностей, взаимодействующих в нем. Наша методологическая

позиция заключается в том, что именно от этого взаимодействия зависит успешность освоения как экономической, так и социальной сферы северного города.

В соответствии с обозначенными критериями мы предлагаем определять современный северный город, как:

– город, индустриальный этап развития которого претерпевает в настоящее время содержательные трансформации, выраженные в изменении характера взаимодействия социальных общностей на основе представлений о северном городе, как о месте постоянного проживания;

– город, хронотоп (пространственно-временная модель) которого детерминирован, с одной стороны, природными рамками зимнего периода и характером влияния предшествующего развития на жизнедеятельность и взаимодействия социальных общностей, с другой, тенденциями приближения по своим социальным характеристикам к городам центральной части России;

– город, динамика развития которого становится обусловленной новым уровнем развития коммуникаций, городской инфраструктуры, возрастающим разнообразием видов деятельности, повышением качества жизни основных социальных общностей, тенденцией постепенного ухода от города ресурсного типа.

1. Волосникова, Е.А. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей [Текст] / Е.А. Волосникова. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2010. – 244 с.

2. Выступление С.М. Миронова на совещании «Моногорода России: задачи экономической и социальной модернизации» [Электронный ресурс]. – 30.03.2010, г. Москва. – Режим доступа: <http://www.mironov.ru> (дата обращения: 31.01.2011).

3. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов [Текст] / А.Г. Гранберг. – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ. 2001. – С. 28.

4. Журавлева, Н. Моногорода получили определение [Текст] / Н. Журавлева // Взгляд. – 2009. – 17 авг.; Трудолюбов, М. Сталинский проект: Город-лагерь, город-сад [Текст] / М. Трудолюбов, П. Аптекарь // Ведомости. – 2009. – 6 марта; Белоножко, М.Л. Специфика управления монопрофильными городами Тюменского Севера [Текст] / М.Л. Белоножко, Н.И. Крысин // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 87–91.

5. Ильин, И.А. Экономика городов: региональный аспект развития [Текст] / И.А. Ильин. – М.: Наука, 1982. – С. 110.

6. Доклад Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН. Социально-экономическое положение в городах и районах Севера в условиях осуществления антикризисных мер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kraiyniy-sever.ru/?page_id=248 (дата обращения: 31.01.2011).

7. Пчелинцев, О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития [Текст] / О.С. Пчелинцев. – М.: Наука, 2004. – С. 145.

8. Свободная энциклопедия на русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wikipedia.org (дата обращения: 31.01.2011).

9. Сенявский, А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе [Текст] / А.С. Сенявский / Ин-т рос.истории. – М.: Наука, 2003. – С. 18.

10. Стафеев, О.Н. Мемуары как исторический источник по истории нефтегазового комплекса Западной Сибири [Текст] / О.Н. Стафеев: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Томск: Томский гос. ун-т., 2007. – С. 15.

11. Ушаков, В.А. Специфика проявления феномена городской монофункциональности [Текст] / В.А. Ушаков // ЧиновникЪ. – 2010. – № 108 (53).

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

УДК 316.4

А.А. АЛЕКСАНДРОВ, Л.С. КАРЫМОВА

Исторический опыт показывает, что отношения между этнонациональными общностями содержат в себе социальные противоречия, которые могут стать решающим фактором нестабильности в мировом сообществе.

В России как полиэтничном государстве проблема сохранения этнонациональной стабильности, профилактики межэтнической напряженности на современном этапе приобретает особую значимость в связи с рядом социальных процессов последних десятилетий.

Среди них ослабление социально-культурных связей с входившими ранее в СССР республиками. При этом гражданами России остаются представители этнонациональных общностей, исторически связанные с отделившимися территориями, нуждающиеся в удовлетворении этнокультурных потребностей.

Террористические акты, войны в Чечне, угрозы экстремизма, по всей стране вызвавшие страх перед людьми «кавказской национальности», создают серьезные преграды для взаимодействия между представителями народов Северного Кавказа и другими этнонациональными общностями, формируют отчуждение и взаимное недоверие, социальную напряженность в межнациональных отношениях, способствуют развитию таких проблем, как рост национализма в быденном сознании, бытовой шовинизм.

Усиливают данные тенденции международная миграция и социально-экономические проблемы.

Указанные выше процессы свидетельствуют о том, что межнациональные отношения – явление подвижное, связанное с рядом социально-психологических характеристик. Их направление и характер могут подвергаться существенной корректировке, вплоть до формирования этнонациональной напряженности или ее снятия. Одним из основных факторов данного процесса являются средства массовой информации.

Межнациональную напряженность можно рассматривать как первый этап проявления социальных конфликтов в теории Р. Дарендорфа.

Он отмечен наличием двух агрегатов социальных позиций, «двух сторон» противоречия. Эти агрегаты «представителей социальных позиций не являются пока в точном смысле социальной группой; они являются квазигруппой, т.е. одним только обнаруженным множеством представителей позиций, предполагающим их сходство, которое не нуждается в осознании ими» [3, с. 238]. Такие квазигруппы могут включать позиции «против мигрантов», «Россия – для русских» и многие другие.

При этом «принадлежность к агрегату в форме квазигруппы постоянно предполагает ожидание защиты определенных интересов» [3, с. 239]. Латентные интересы принадлежат социальным позициям, они не обязательно являются осознаваемыми и признаваемыми представителями этих позиций.

Межнациональная стабильность, таким образом, связана с характером доминирующих в обществе «позиций», наличием или отсутствием квазигрупп с интолерантными настроениями, представлением о своей и чужой общности, эмоционально окрашенным отношением к поведению людей и групп, образцами поведения.

В «образ мы» и «они» включаются автостереотипы – социально обусловленные схематически стандартные образы о своей и чужой этнической общности, а также представления о языке, территории проживания, историческом прошлом, государственности [5, с. 89]. Далеким не последним источником формирования автостереотипов, как и квазигрупп, являются средства массовой информации.

Они один из ведущих факторов формирования межнациональных настроений, профилактики этнонациональной напряженности. От позиции средств массовой информации может зависеть характер социальных процессов в сфере национальных отношений – сохранится ли в обществе межнациональный мир и согласие либо негативные процессы в этой сфере получат развитие.

Данный вопрос является особенно актуальным для такого полиэтничного региона, как Свердловская область.

Особенности современного состояния этнонациональной ситуации в Свердловской

области неразрывно связаны с историческими и социальными процессами, сложившимися социально-экономическими и политическими условиями, свойственными для Российской Федерации в целом.

В Свердловской области проживает сложное и многосоставное по этническому и религиозному признаку, социально стратифицированное и уникальное по своему культурному наследию население, представлено более 140 национальностей.

Можно говорить о том, что население Свердловской области достаточно терпимо относится к представителям других национальностей. Это подтверждают и данные собственного эмпирического исследования, проведенного в форме анкетного опроса в трех городах Свердловской области в сентябре 2009 года. Исследование проводилось на основе квотной выборки по характеристикам пол и возраст. Объем выборки составил 470 человек.

Так, показательно, что на вопрос, какое утверждение вам ближе, подавляющее большинство (69,4 %) респондентов выбрали ответ «Россия – общий дом для всех ее народов» и почти треть (30,6%) – «Россия – для русских».

Ситуация коренным образом меняется в зависимости от возраста респондента и уровня образования. Среди лиц 18–19 лет она почти прямо противоположна: большая часть опрошенных (61 %) предпочли утверждение «Россия для русских».

Подобную ситуацию можно наблюдать и при ответе на вопрос «как в целом вы относитесь к представителям другой национальности?».

Можно предположить, что в региональном социуме Свердловской области присутствуют интолерантные настроения, выразителем которых зачастую является подрастающее поколение. Данная ситуация может привести к возникновению локальных очагов напряженности на национальной основе.

В определенной степени это связано с характером и особенностями средств массовой информации, используемых различными социальными и возрастными группами.

Данные социологического опроса молодежи [4], проведенного Российской академией государственной службы при Президенте Российской Федерации в форме социологического опроса с целью определения механизмов и факторов формирования этнического самосознания, межэтнических отношений современной студенческой молодежи в условиях многонациональных мегаполисов и крупных городов России, показывают, что более половины респондентов проявляют интерес к различным сюжетам, а также публикациям в средствах массовой

информации, связанным с межнациональными отношениями. В Екатеринбурге доля таких граждан составляет 61,8 процента.

Следует отметить, что традиционные СМИ утрачивают свою роль в создании информационного пространства, прежде всего, среди молодежи, уступая позиции сети Интернет, в частности сообществам блогеров, живых журналов, социальных сетей. Интернет перестает быть комментатором новостей и становится их создателем и транслятором. В этой связи особенно важна оценка интернет-средств массовой информации в формировании этнонациональных настроений.

Результаты контент-анализа отношения молодежной интернет-аудитории Свердловской области к экстремизму за период с 2008 года на форумах локальных территориальных порталов, проведенного ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» в 2010 г., где в качестве документа рассматривалась тема форума и полученные на данную тему комментарии сообщества портала «Е1», фиксируют, что число сообщений об экстремистских действиях или идеологии, публикуемых и обсуждаемых, увеличилось в 4 раза [1].

Стабильной темой, обсуждаемой на форумах, являются темы национализма и политики. Национальный вопрос обсуждается и в контексте действий экстремистских групп, в частности, действия скинхедов, и в контексте идей этнической неприязни, распространяемых националистами.

Распространенность тем, связанных с этнонациональными отношениями, националистических идей в интернет-СМИ Свердловской области, а именно на сайтах «Е1» и «Uralweb» [7], зафиксировало и социологическое исследование «Мониторинг ситуации в сфере противодействия терроризму и экстремизму в молодежной среде» [2], проведенное факультетом социологии УрГПУ совместно с Департаментом по делам молодежи Свердловской области с целью изучения возможных проявлений экстремизма в молодежной среде, выявления и анализа факторов, этому способствующих, еще в 2008 году.

Настораживает тот факт, что большое количество сообщений в интернет-источниках о событиях националистического характера, а чаще всего откровенного нацизма, вызывает одобрение и поддержку в молодежной среде.

Результаты социологических опросов говорят о том, что каждый четвертый молодой человек относится негативно к распространению такой информации, хотя в целом доля положительных оценок преобладает над отрицательными.

Между тем, исследования показывают, что с информацией скандального характера, связанной с межнациональными отноше-

ями (проявления ксенофобии, расизма, шовинизма и др.), на телевидении, радио, в газетах или журналах наибольшая доля респондентов знакомится часто – 57,2 процента опрошенных. В Екатеринбурге их доля составляет 72,2 процента [4].

Можно говорить и о том, что средства массовой информации в некоторой степени навязывают аудитории определенную позицию.

СМИ как классические, так и Интернет, выступают трансляторами образцов поведения. В какой-то мере средства массовой информации провоцируют интолерантное поведение, прежде всего, формируя образ внешнего и внутреннего врага. Многие фильмы в жанре боевиков рисуют угрозу в лице исламских стран, образ врага приобретает «южные черты». В хрониках и новостях, в сюжетах о преступлениях, совершенных лицами других национальностей, подчеркивается этническая принадлежность, что также косвенно влияет на формирование негативного отношения. А сообщения относительно действий националистов являются мощным поводом для активизации аудитории.

Как следует из данных социологического исследования [4], студенты, которые сталкивались в средствах массовой информации с сообщениями скандального характера в сфере межнациональных отношений, в два раза чаще оценивают возможность массовых проявлений конфликтов как на национальной, так и на религиозной почве по сравнению со студентами, не охваченными такой информацией.

Исследования говорят о том, что часть молодежи придерживается мнения о необходимости установления определенного контроля над средствами массовой информации в отношении публикаций межнационального характера. Более половины опрошенных (64,2 процента) считают, что контроль нужен, и менее четверти (23,5 процента) считают, что не нужен. В Екатеринбурге доля студентов, считающих, что контроль нужен, составляет 61,4 процента [4].

Это можно рассматривать как определенный сигнал о том, что, с одной стороны, сегодня в средствах массовой информации слишком много недостоверной, скандальной информации о межнациональных отношениях, что может угрожать социальной стабильности, с другой стороны, большинству молодежи несколько не претит мысль об общественной или государственной инстанции, которая корректировала бы материалы СМИ и решала вопрос о допустимости или недопустимости их обнародования.

Определенная работа в этом направлении в настоящий момент ведется администрацией губернатора Свердловской области, которая осуществляет мониторинг печатных и элект-

ронных СМИ (телевидение, радио, информационные агентства), позволяющий выявлять проявления информационной угрозы. Тем не менее, действий органов государственной власти для этих целей недостаточно.

Средства массовой информации могут стать фактором формирования толерантности, способствовать профилактике этнонациональной напряженности.

В Свердловской области создана целая система СМИ, призванная удовлетворить подобные функции.

Среди средств массовой информации, издаваемых при поддержке национально-культурных автономий, можно отметить программы «Минем илем», «Ислам сегодня», выходящие под патронажем национально-культурной автономии татар Свердловской области, специализирующиеся на освещении истории, культуры, религии и быта татар, проживающих на территории Свердловской области; «Наследники Урарту», выходящую при поддержке армянской общины Свердловской области, специализирующуюся на освещении истории, культуры и быта армян Свердловской области, и многие другие.

Телевизионная программа «Измерение N» на областном телевидении выходит под патронажем Консультативного совета по делам национальностей Свердловской области. Программа освещает события по национальной тематике, межнациональным отношениям, жизнь и культурные традиции народов Среднего Урала.

Кроме указанных передач, выходящих в эфир на областном телевидении, имеют место также печатные издания «Всероссийский азербайджанский конгресс», «Идем на Восток», «Тиквайтену – наша надежда», «Минора», «Тагил-цайтунг», «Саф Чишме». Регулярно выходят газеты: татарская «Урал-Тау», немецкоязычная «Нижнетагильская газета», марийская «Эр Чолпан» [6, с. 67] и многие другие.

Наблюдения свидетельствуют, что национальные СМИ Свердловской области пользуются большой популярностью среди уральцев и являются «уникальным» явлением в общественно-информационном пространстве Среднего Урала.

Они обеспечивают ряд социально значимых функций:

- удовлетворение культурных и информационных потребностей представителей этнонациональных общностей;
- поддержание и развитие языков представителей этнонациональных общностей;
- пропаганда толерантности.

Определенную работу по распространению норм толерантного поведения в Свердловской области, содействию достижению общественного согласия, противодействию

различным видам экстремизма, ксенофобии, социальной и этнической нетерпимости проводят и другие СМИ региона – газеты и журналы «Коммерсант», «Финансист», «Эксперт-Урал»; телеканалы «Четвертый канал», «Ермак»; информационные агентства «Урал-информбюро», «Интерфакс-Урал», «Накануне», «Новый регион», «АПИ».

Таким образом, в информационной сфере Свердловской области имеется широкий спектр средств массовой информации, отвечающих целям удовлетворения потребностей населения в сфере межнациональных отношений. Однако приведенный перечень СМИ свидетельствует, что данные потребности удовлетворяются преимущественно через печатные и телевизионные средства массовой информации.

Значение данных средств массовой информации заключается в том, что они через приобщение населения к этнокультурным элементам позволяют сформировать социально-психологическую устойчивость: установки и ценности личности относительно различий (культурных, этнических, религиозных, социальных, мировоззренческих и других) и многообразия мира в многоликом и меняющемся социальном окружении как элемент толерантности.

Подводя итоги, следует сказать, что по силе воздействия на общество и интересу, проявляемому к средствам массовой информации в сфере этнонациональных отношений можно рассматривать СМИ одним из ведущих факторов влияния на социальную стабильность в сфере этнонациональных отношений.

В Свердловской области действует целая сеть средств массовой информации, призванная обеспечить потребность в получении новостей и иных сведений в области этнонациональных отношений, прежде всего, в сфере культуры. Но потенциал данного механизма по формированию толерантности использован не до конца.

Слабо видна деятельность органов государственной власти и этнонациональных общ-

ностей по профилактике межнациональной напряженности в сети Интернет. Между тем, это одна из наиболее актуальных сфер обмена информации в настоящее время, которая обладает огромным потенциалом воздействия на общество и, прежде всего, молодежь.

Интернет-ресурсы локального уровня (городские порталы и форумы) концентрируют общественность, которая из виртуального общения переходит в реальное. Таким образом, форум может выступать как способ формирования групп единомышленников.

С другой стороны, интернет-ресурсы за счет своей анонимности выступают своеобразным катализатором, т.е. направляют накопившиеся проблемы индивида не в реальные действия, а в дискуссию в виртуальном пространстве. В таком случае Интернет может служить каналом противодействия экстремизму, однако для этого необходимо очень серьезное модерирование общения. Именно модератор должен сводить деструктивные идеи в русло дискуссии и вовремя пресекать попытки откровенной профашистской агитации.

Следует отметить, что информационная сфера вообще может служить как средством профилактики, так и средством формирования социальной напряженности, что говорит о необходимости организации взаимодействия общества и государства по предупреждению распространения в СМИ провокационных, скандальных материалов на тему межнациональных отношений. В настоящее время взаимодействия в данном направлении нет, эти функции частично осуществляют лишь органы государственной власти области.

Возможно, для более эффективной работы в данном направлении стоит рассмотреть вопрос создания общественно-государственной структуры по мониторингу и принятию мер по противодействию провокационным материалам в СМИ либо наделить этими полномочиями существующие общественно-государственные институты. Как показывают социологические исследования, общество рассматривает данную меру возможной.

1. Аналитический отчет о результатах социологического исследования «Контент-анализ отношения молодежной интернет-аудитории Свердловской области к экстремизму». Исследование проведено Уральским государственным педагогическим университетом в 2010 г.

2. Аналитический отчет о результатах социологического исследования «Мониторинг ситуации в сфере противодействия терроризму и экстремизму в молодежной среде», проведенного факультетом социологии УрГПУ совместно с Департаментом по делам молодежи Свердловской области в 2008 году.

3. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт [Текст] / Р. Дарендорф // Иностранная литература. – 1993. – № 4.

4. Студенчество в многонациональных мегаполисах и крупных городах России: этническое самосознание и межэтнические отношения. Сборник материалов по результатам социологического исследования. Под общей редакцией А.В. Журавского. – Москва, 2008.

5. Цветкова, И.В. Образ «своего» в сознании русского населения Тольятти [Текст] / И.В. Цветкова // Социологические исследования. – 2010. – № 8.

6. Целищев, Н.Н. Этнонациональные отношения в России и мире [Текст] / Н.Н. Целищев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.

ПРОПАГАНДА И ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ*

УДК 32.019.5

А.Б. БЕЛОУСОВ

После распада СССР и краха коммунистической идеологии пропаганда как термин и метод политической работы оказалась на обочине политических исследований, будучи маркирована как составляющая, неприемлемая для демократически устроенного общества, избавляющегося от коммунистического прошлого. Термин пропаганда используется российским политическим истеблишментом исключительно в неполитическом контексте: речь идет о пропаганде института почетного донорства, пропаганде фундаментальных жизненных ценностей и, конечно же, пропаганде здорового образа жизни. Как только речь заходит о политике и о работе со СМИ, постулируется отсутствие какой-либо пропаганды**.

До сих пор в российской политической науке отсутствуют попытки искоренить данное заблуждение. Исследования пропаганды, как будет показано ниже, преимущественно носят отстраненный исторический характер. Тем самым значительно сужается репертуар информационных стратегий Российского государства, тем более что ведущие западные державы никаких комплексов в отношении пропаганды не испытывают***.

Строительство вертикали власти в России в период с 2000 года и по сей день усилило роль пропаганды. Присутствие пропаганды в данном контексте означает снижение конкуренции информационных версий происходящих политических событий. Соответственно, так же как вертикаль власти может только усиливаться, роль пропаганды будет повсеместно возрастать.

Однако пропаганда ведется, причем теми же методами, что и в странах с конкурентной демократией. И это вызывает апатию населения вместо требуемой мобилизации общественного и гражданского ресурса.

Дело в том, что реальные ценности россиян не соответствуют тем, что сегодня пропагандируют. Медиареальность не подтверждает реальную картину положения вещей. Так, например, мало кто из россиян оценил то обстоятельство, что они живут при особенной форме демократии, которая благодаря пропагандистам получила название «суверенной». Точно так же, как и ценности большинства чиновников, демонстрирующих избыточный уровень потребления, не соответствуют ценностям, фигурирующим в государственной пропаганде, в частности призывам к борьбе с коррупцией. Поэтому до тех пор, пока пропаганда ограничивается фиксированным статус-кво сложившегося порядка, люди пассивно воспринимают пропаганду, но как только с помощью пропаганды власть пытается статус-кво нарушить, происходит сбой и растут протестные настроения****.

Формирование и внедрение концепта «вертикаль власти» стало первым по-настоящему крупным пропагандистским успехом российской власти. Ни одна из предыдущих реформ – либерализация, приватизация, демократизация – не пользовалась таким успехом, как проект построения вертикали власти. Парадоксальным образом этот первый успех возрождающейся российской пропаганды оказывает колоссальное воздействие на всю

* Статья подготовлена в рамках научного проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (проект РФНФ-«Урал» 09-03-83318а/У).

** Вот весьма симптоматичное в этом отношении высказывание Президента РФ Медведева, касающееся освещения военного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г., обращенное к представителям СМИ: «Вы снимали, рассказывали, давали сообщения. И делали это, ещё раз повторю, абсолютно открыто и честно. В том, что происходило тогда, не было никакой пропаганды, несмотря на то, что во время военных событий это естественная вещь»[4].

***«Если на Востоке пропаганда исчезла вместе с распадом СССР, то на Западе она все еще цветет пышным цветом... Каждый день западная пресса откапывает тело коммунизма, чтобы еще раз расстрелять его или повесить на веревке истории» [6].

**** Особо в этом плане отличился Владивосток, чьи жители устроили массовые и продолжительные акции протеста, протестуя против поднятия Российским правительством пошлин на иномарки [2].

следующую пропагандистскую работу, о чем пойдет речь дальше. Здесь же необходимо указать, что российская пропаганда все больше и больше становится, если можно так сказать, «вертикальной», то есть направленной на жесткое доминирование, недопущение иных информационных версий происходящего, формирование образов врагов государства и оперирование противопоставлений.

В этой связи и возникает вопрос о наличии противоречия между пропагандой и демократическим устройством. Данное противоречие является общим как для России, так и для западных демократий. Однако с учетом специфики российской демократии решение для России может быть особенным.

Главная проблема данного противоречия, оказывающего существенное влияние на эффективность пропаганды в России, заключается в разрыве между откровенно пропагандистскими методами работы российской власти и устаревшим научно-понятийным аппаратом. Фактически пропагандистская работа выполняется с использованием понятийно-методологического аппарата смежных коммуникационных дисциплин, взяв за основу обтекаемое представление о формировании общественного мнения, тогда как пропаганда в том виде, в котором она существует, это скорее не формирование, а (сверх)жесткое форматирование общественных настроений. В России существующую пропаганду бояться называть своим истинным именем, поскольку она, якобы, противоречит базовым демократическим установкам. В итоге эффективность такой недопропаганды существенно снижается. Это – с одной стороны.

С другой стороны, поскольку точно не определены границы пропаганды, отсутствуют четкие критерии ее определения, пропагандистские методы проявляются там, где их не должно быть, например в дипломатических отношениях. К примерам неадекватного использования пропаганды в дипломатии следует отнести нашумевшее в августе 2009 г. послание Президента России Д. Медведева Президенту Украины В. Ющенко и последовавший за ним дипломатический скандал.

Между тем, в современном мире, каким бы демократическим он ни был, существуют ситуации, в которых возникающие проблемы иными средствами, нежели средствами пропаганды, решить не представляется возможным. В первую очередь это касается терроризма и локальных военных конфликтов. Поэтому до тех пор, пока у российской политической элиты

не сформируется четкое представление о пропаганде, ее роли в современном мире и границах применения, указанные издержки вряд ли получится устранить.

Данное противоречие подлежит устранению в первую очередь. И решение для его устранения существует. Его суть сводится к следующему: для искоренения противоречия между пропагандой и демократией необходимо, чтобы пропаганда носила демократический характер, то есть, пропагандировать нужно демократические ценности. А для начала пропаганда демократических ценностей была осознана как одна из целей государства, причем целей, открыто провозглашаемых.

Концепция суверенной демократии была призвана эту задачу решить, но выполнила свою задачу лишь частично, так как была адресована прежде всего иностранным критикам российской демократии [11]. Российская аудитория в основной своей массе идею суверенной демократии восприняла из рук вон плохо. И без того идеологически лояльные чиновники, политологи и журналисты не в счет. Поэтому часто политическая пропаганда подменяется пропагандой потребительской, точно так же, как и в советское время, когда переизбыток пропаганды советского строя компенсировался пропагандой здорового образа жизни. А именно, пропаганда гражданского самосознания, патриотических ценностей на экранах телевизора до последнего времени уступала свое место рапортам об успешном экономическом развитии, повышении цен на нефть, повышении уровня потребления, доступности кредитов и т.п.

Все закончилось осенью 2008 года с вступлением России в процесс мировой экономической рецессии. Кредиты стали менее доступными, а потребительская пропаганда стала более невозможна. Гражданские ценности не сформированы. Ресурс поддержки правительства населением за исключением, пожалуй, рейтинга В.В. Путина, отсутствует. Все это привело к некоему пропагандистскому зависанию системы, когда у нее в наличии не оказалось смыслов, которые граждане готовы были бы разделять в условиях общего снижения уровня жизни. Поэтому мы и видим сейчас повсеместно на экранах появление таких фантомов, как борьба с «невидимыми и неуловимыми врагами»: коррупцией, педофилами, милиционерскими убийцами. Актуализация данных тем свидетельствует о том, что политическая пропаганда в настоящий момент не способна мобилизовать общественные ресурсы для решения возникающих проблем.

Следующая проблема, касающаяся пропаганды в условиях демократии, касается не только России, но и других государств. Она заключается в том, что государство вынуждено прибегать к пропагандистским методам для поддержки силовых решений возникающих проблем, которые к демократии имеют, мягко говоря, отдаленное отношение. Речь в первую очередь идет о проблеме терроризма во всех его проявлениях, в том числе и в виде сепаратистских настроений, остающихся сильными в Кавказском регионе, а также о пропагандистской поддержке участия государства в локальных конфликтах.

Здесь нам придется совершить небольшой экскурс в историю изучения пропаганды и самого этого термина. В современной российской политической науке изучению пропаганды уделяется не так много внимания, сколько данный феномен того заслуживает. Проводимые исследования большей частью ограничиваются указанием на тот факт, что пропаганда в современной России существует. В то же время признание российской политической наукой факта наличия пропаганды в современной России не дает ответ на вопрос, каким образом государство с демократическим устройством допускает существование феноменов с откровенно антидемократическим прошлым.

С учетом всего багажа исследований, накопленных за XX век, нетрудно догадаться, почему пропаганда клеймится ярлыками «советская», «фашистская» и «империалистическая/западная», отбросив которые мы обнаруживаем дискурсивный вакуум. На данный момент в российской политической науке никто не только не решал, но даже и не ставил задачу доказательства того, что пропаганда – эффективный и нужный инструмент решения политических проблем в современной России.

Исторический багаж исследования пропаганды в XX веке таков, что она повсеместно воспринималась либо как информационный инструмент военных, либо как средство идеологического построения авторитарных государств – прежде всего СССР и фашистской Германии.

Первые исследования пропаганды на Западе появились в начале XX века и были посвящены изучению техник пропаганды по время Первой мировой войны [21; 15]. Исследованию военной пропаганды посвящено множество трудов, публикуемых и по сей день [23; 30; 21; 18]: военную пропаганду следует по праву считать прародительницей пропаганды политической и до сих пор главным направлением общего изучения пропаганды.

Поскольку пропаганда первой половины XX века задействовала новые средства воздействия на массы – радио, газеты, листовки и т.д., исследования роли отдельных средств пропаганды занимают значительное место в ней [13; 29] и в свое время дали начало изучению СМИ как самостоятельному научному направлению – медиалогии.

Методами пропаганды также активно пользовались авторитарные государства – СССР и фашистская Германия, что положило начало отдельному виду исследований – изучению истории пропаганды преимущественно в указанных государствах [28; 20; 19]. Соответственно, среди западных ученых было долгое время распространено мнение, что в мирное время в демократических государствах пропаганды не существует.

Современные западные исследования связаны с новыми вызовами, на которые приходится отвечать пропагандой, прежде всего, терроризмом [12; 25; 16], а также новыми средствами коммуникации, которые продолжает осваивать пропаганда, в первую очередь, Интернет [14]. Однако исследователям приходится продолжать отвечать на закономерный вопрос «как при демократии может использоваться пропаганда?» [26; 24; 14].

Изучение пропаганды в России и использование ее методов началось даже раньше, чем на Западе. Первым ее исследователем следует считать В.И. Ленина. Работами о пропаганде отметились его ближайшая соратница Н.К. Крупская, которая с 1920 г. возглавляла Главполитпросвет и занималась превращением системы образования в пропагандистскую машину, а также А.В. Луначарский. Дальнейшие советские исследования пропаганды также носили прикладной характер, изучая пропаганду среди отдельных целевых аудиторий (крестьяне, молодежь и т.д.), пропаганду отдельных видов деятельности (здорового образа жизни, труда и т.д.), буржуазную антисоветскую пропаганду, а также отдельные методы и виды пропаганды (экономическая, внешнеполитическая, военная и даже научная).

Современные российские исследования, как ни странно, продолжают советскую традицию исторического и производственного исследования пропаганды [3]. Комплексных исследований современной политической пропаганды как таковой – единицы [1; 5; 9], поскольку множество исследователей предпочитает изучать отдельные аспекты пропаганды, например, работу власти со СМИ. Наиболее известными исследователями пропаганды в настоящий

момент являются Г. Почепцов [10], а также И. Панарин [7; 8], которые все больше склоняются к использованию нового термина – информационная война.

Как видно из анализа, вся история изучения пропаганды XX века является непрозрачным намеком на то, что пропаганда и демократия – явления малосовместимые. Именно поэтому в западной политической науке имеется тенденция для обозначения феноменов и процессов из сферы пропаганды использовать иной научно-понятийный аппарат: формирование общественного мнения, информирование населения, создание повестки дня, публичная дипломатия и другие. Пропагандой называют работу с общественным мнением тогда, когда она уже явно выходит за пределы демократической нормативности (особенно когда дело касается противников), например, при освещении военных конфликтов или при борьбе с терроризмом. Поэтому для того, чтобы получить возможность широко использовать пропагандистские методы работы, не опасаясь за репутацию государства, требуется наполнить это понятие новым содержанием. Впрочем, чаще всего поступают наоборот: пропаганде придумывают новые не ангажированные названия.

Выше уже говорилось о пропаганде демократии. Каким бы парадоксальным ни казался данный термин, но он несет в себе достаточно глубокий и серьезный смысл, совместное изучение которого силами российских исследователей способно вывести пропагандистскую работу на качественно новый уровень. Высказывания лидеров нашего государства о том, что демократия в России нуждается в укреплении, многим кажутся смешными. Однако доля правды в них имеется.

Демократия в России слаба не из-за якобы авторитаризма российских властей, а из-за того, что она слабо укоренена в ментальности граждан. Кто виноват в этой ситуации – власть или сами граждане, – уже совсем иной вопрос. Самый наглядный тому показатель – низкая явка на региональных и муниципальных выборах, которая редко бывает выше 35–40%, чаще всего оказывается в районе 30%, но и часто опускается ниже 20%. И это при том, что выборы – базовый механизм демократии. Другого человечество пока не придумало.

Поэтому пропаганда демократии, формирование демократии и защита демократии – понятия одного ряда. Если взглянуть на фактическую работу российских властей, ни то, ни другое, ни третье ими, несмотря

на все заявления о поддержке демократии, не проводилось. Пропагандистский аппарат был сформирован для выполнения политических задач, которые большей частью касались укрепления власти внутри государства (построение вертикали власти) и защите от посягательств извне (суверенная демократия как ответ на упрек в авторитаризме). Пропаганда использовалась властью для решения своих собственных проблем и задач, а отнюдь не в интересах общества.

Пропаганда демократии в практическом измерении означала бы долгосрочное инвестирование информационных ресурсов в население и общественные институты с целью формирования у них зрелой демократической позиции. На практике это выглядело бы следующим образом: в каждом выпуске Новостей по телеканалу ОПТ вместо сюжета про первых лиц государства показывали бы сюжет про то, каким образом демократические институты помогают решать текущие проблемы. Например, как граждане ловят за руку взяточника. Тогда вместо кампанейщины в данном вопросе через несколько месяцев мы бы получили наличие у части российских граждан желание самостоятельно избавить государство от коррупционеров. Тем самым были бы задействованы ресурсы общества, которыми в настоящий момент никто не пользуется. Это и есть реальная и эффективная пропаганда, поскольку еще в Большой советской энциклопедии говорится о том, что пропаганда должна стимулировать практические действия, отражающие интересы граждан.

Основной «загвоздкой» в этом вопросе, помимо чисто теоретических моментов, является желание властей использовать имеющиеся в ее распоряжении информационные ресурсы исключительно для решения своих собственных насущных задач. Советы, взяв власть в свои руки, пользовались пропагандой для формирования нового человека – советского гражданина, который стал опорой для советской власти на многие десятилетия. Российская власть начала XXI века инвестировать в человека не собирается. Сравните хотя бы концепты «советская власть» и «вертикаль власти». Первый ориентирован на мобилизацию людей, второй вынудил их быть отстраненными зрителями при перераспределении властных полномочий между федеральными и региональными элитами.

Истоки подобной ситуации кроются в копировании российским политическим истеблишментом западных моделей работы с общественным сознанием. Методы эти отлично зарекомендовали себя для решения

текущих политических (читайте эгоистических) задач. Однако не для длительных временных отрезков, формирующих устойчивые структуры поведения граждан и прогнозируемые реакции на события, в том числе и не самые приятные. Поэтому изменить вектор

направленности политической пропаганды в современной России можно лишь путем осознания властью своих долгосрочных интересов, которое, мы надеемся, приведет к инвестированию ресурсов, и прежде всего информационных, в своих граждан.

1. Абдулова, В. Современная государственная пропаганда: теоретические и прикладные аспекты [Текст] / В. Абдулова: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. – Казань, 2007. – 168 с.
2. Дорожко, М. «Акция протеста» во Владивостоке: горожан били дубинками по голове, чтобы быстрее разошлись [Текст] / М. Дорожко // Комсомольская правда. – 2008. – 21 дек.
3. Замогильный, С.И. Пропаганда здорового образа жизни в молодежной среде [Текст] / С.И. Замогильный. – Саратов, Улаан-Баатар: Наука, 2008.
4. Медведев, Д. Выступление на церемонии вручения государственных наград представителям российских средств массовой информации [Электронный ресурс] / Д. Медведев // Официальный сайт Президента России. 2009. – 16 янв. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/2868> (дата обращения: 14.02.2010 г.).
5. Лучкин, Д. Политическая пропаганда в информационной политике Российского государства [Текст] / Д. Лучкин: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. – М., 2005. – 171 с.
6. Мсили, С. Неделя антибольшевизма [Электронный ресурс] / С. Мсили // L'Expansion. – 2009. – 14 окт. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/europe/20091014/156257481.html> (дата обращения: 14.02.2010 г.).
7. Панарин И. Информационная война за будущее России. М.: Горячая линия – Телеком, 2008. 256 с.
8. Панарин И., Панарина Л. Информационная война и мир. М.: Олма-Пресс, 2003. 384 с.
9. Пономарев Н. Информационная политика органа власти: пропаганда, антипропаганда, контрпропаганда: учебное пособие. Пермь: Изд-во Пермского гос. технического ун-та, 2007. 183 с.
10. Почепцов Г. Пропаганда и контрпропаганда. М.: Центр, 2004. 256 с.
11. Сурков В. Национализация будущего: параграфы pro суверенную демократию // Эксперт. 2006. 20 ноября. (№ 43).
12. Altheide D. Terror post 9/11 and the media. New York: Peter Lang, 2009. 214 p..
13. Angell J.R. War propaganda and the radio. A Howard Crawley memorial lecture delivered before the faculty and students, Wharton School of Finance and Commerce, University of Pennsylvania, March 18, 1940.
14. Carey A. Taking the risk out of democracy: corporate propaganda versus freedom and liberty. Urbana: University of Illinois Press, 1997. 215 p.
15. Collins R. The army and propaganda power / speech by Ross A. Collins in the House of Representatives, January 10, 1930. Washington: U.S. G.P.O., 1930.
16. Dimaggio A. R. Mass media, mass propaganda: examining American news in the "War on Terror". Lanham, MD: Lexington Books, 2008. 329 p.
17. Fischer J. E. Propaganda and the internet. Snowflake, AZ: Cedar Hill Pub., 2009.
18. Kearney M. The prohibition of propaganda for war in international law. New York: Oxford University Press, 2007. 274 p.
19. Kenez P. The birth of the propaganda state: Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929. New York: Cambridge University Press, 1985. 308 p.
20. Kirkpatrick L., Sargeant H. Soviet political warfare techniques; espionage and propaganda in the 1970's. New York, National Strategy Information Center, 1972. 82 p.
21. Lasswell D. Propaganda technique in the world war. L., K. Paul, Trench, Trubner & co., ltd., NY., A. A. Knopf, 1927. 233 p.
22. Lavine H. War propaganda and the United States. New York, Arno Press, 1972. 363 p.
23. Lerner D. Propaganda in war and crisis; materials for American policy. New York: 1951. 500 p.
24. Moloney K. Rethinking public relations: PR propaganda and democracy. New York: Routledge, 2006.
25. Nacos B. Mass-mediated terrorism: the central role of the media in terrorism and counterterrorism. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2007. 253 p.
26. Sproule J. M. Propaganda and democracy: the American experience of media and mass persuasion. Cambridge, U.K. ; New York: Cambridge University Press, 2005. 332 p.
27. War and the media: essays on news reporting, propaganda and popular culture / edited by Paul M. Haridakis, Barbara S. Hugenberg and Stanley T. Wearden. Jefferson, N.C.: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2009.
28. Welch D. Nazi propaganda: the power and the limitations. London: Croom Helm ; Totowa, N.J.: Barnes & Noble Books, 1983. 228 p.
29. Wilke W. An experimental comparison of the speech, the radio, and the printed page as propaganda devices. New York: 1934. 32 p.
30. Wilkerson M. Public opinion and the Spanish-American war; a study in war propaganda. New York, Russell & Russell: 1967. 141 p.

КРИЗИС ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 323

Г.А. КРИВОРОТОВА

Трансформация политической и экономической жизни российского общества, последовавшая за отказом от однопартийной системы, распадом Советского Союза, обозначила новые векторы развития демократических политических институтов в стране. Однако процесс демократизации российской политической системы столкнулся с целым рядом проблем, среди которых первостепенное значение имеют де бюрократизация политической системы и преодоление политической пассивности подавляющего большинства российских граждан. Утверждение демократических институтов вряд ли возможно без включения в процесс политического участия широких слоев населения. Именно массовое участие граждан в политическом управлении и является одним из важнейших залогов существования зрелого гражданского общества.

Прежде чем перейти непосредственно к исследованию проблем представительной и партисипативной демократии в системе политического управления, необходимо сфокусировать внимание на определении понятия «партисипативность» и на анализе тех концепций партисипативной демократии, которые выработывались отечественными и зарубежными учеными в процессе анализа существующих в мире политических систем, форм и моделей управления, функционирующих в современных государствах. Итак, партисипативность можно определить как участие, т.е. как непосредственную вовлеченность индивидов, будь то граждане государства или работники предприятия, в управленческий процесс. Партисипативность противостоит принципу представительности, т.е. передаче индивидами полномочий по принятию управленческих решений другим индивидам (депутатам) или группам (партиям), который лежит в основе практически всех существующих в настоящее время моделей представительной демократии.

Несмотря на многочисленные дискуссии по вопросу о природе демократии как формы политического устройства, до сих

пор не выработано общепринятого определения понятия «демократия», более того, в большинстве случаев точки зрения на данный вопрос расходятся. Так, А.В. Фененко, анализируя существующие в зарубежной политологической науке подходы к данному вопросу, сводит концепции демократии к пяти блокам [7]. Согласно «минималистской концепции», к которой исследователь относит таких авторов, как В. Риккерт, А. Пшеворский и Й. Шумпетер, демократия представляет собой делегирование гражданами представителей, уполномоченных реализовывать их интересы, в законодательные органы власти посредством выборов. Г. Алмонд, Э. Доун и другие исследователи, которых можно отнести к «агgregативной» концепции демократии, подразумевают под последней комплекс правовых механизмов, направленных на достижение консенсуса между различными индивидами и группами индивидов, составляющими общество.

Делиберативная концепция, представленная такими учеными, как Ю. Хабермас и Дж. Элстер, заключается в признании необходимости установления открытой коммуникации между властью и общественностью, при этом максимальная демократия означает и максимальное участие общественности в дискуссиях по важнейшим политическим вопросам. Юридический подход (М. Ориу, Г. ди Руджеро) рассматривает демократию как сочетание конституционных и гражданских свобод, т.е. признается независимость частной сферы социума от вмешательства со стороны государства. Наконец, партисипативная демократия подразумевает прямое участие граждан в процессе управления государством, т.е. граждане получают право непосредственного участия в выработке и принятии политических решений, но при этом на них, соответственно, возлагается и ответственность за последствия принимаемых ими решений.

Исследователи отмечают, что современное общество все больше нуждается в

такой теории демократии, которая бы могла объединить существующие концепции и представить некий комплексный вариант, в наибольшей степени отвечающий вызовам современности. «Любой теории демократии, удовлетворяющей современным стандартам науки, – пишет Б. Гуггенбергер, – необходимо быть достаточно комплексной и одновременно гибкой. Теория демократии не может ограничивать себя одной единственной из каких-либо целей (соучастие или эффективность, правовое или социальное государство, защита меньшинства или власть большинства, автономия или авторитет); наоборот она должна комбинировать возможно большее число тех представлений о целях, которые выкристаллизовались в западной теории демократии, а также в демократической практике и оказались социально значимыми» [3, с. 7].

Чарльз Тилли рассматривает сущность демократии в ракурсе качества взаимоотношений между государством и обществом, способности государства выполнять те обязательства, которые оно имеет перед гражданами, и, соответственно, способности граждан следовать обязательствам перед легитимной государственной властью [6, с. 17]. Если в этих отношениях действительно достигнут определенный баланс, то в таком случае можно говорить о том или ином обществе как о демократическом.

По мнению П. Бахраха, следует обращать внимание не столько на непосредственное участие рядовых граждан в управлении государством, сколько на соблюдение государственной властью основных демократических прав и свобод, включая, в первую очередь, всеобщее избирательное право для граждан данного государства [9, с. 94]. Также и выборы, обеспечивающие легитимность государственной власти, должны проводиться с необходимой регулярностью.

Исследователи, придерживающиеся концепции «демократического элитизма», признавая, что в современном обществе элита во многом отстранила рядовых граждан от реального участия в политическом управлении, низведя их до уровня электоральной массы, обеспечивающей посредством голосования на выборах легитимность власти, в то же время уверяют, что элита вынуждена в процессе принятия решений руководствоваться не только своими групповыми интересами, но и интересами рядовых граждан, поскольку включает в свои ряды их представителей – лидеров политических партий, депутатов, профсоюзных вождей и т.д. [10]. Однако данную точку зрения можно подвергнуть сомнению, поскольку включаемые

в состав элиты политические фигуры априори теряют реальную принадлежность к тому социальному слою, чьи интересы они первоначально представляли или собирались представлять, и становятся частью правящей элиты. Между партийными и профсоюзными лидерами, с одной стороны, и государственными чиновниками завязываются всевозможные деловые и неформальные отношения, которые способствуют дальнейшей интеграции «народных представителей» в состав элиты и, соответственно, прогрессирующему их отрыву от широких масс граждан и от их интересов. Более того, что особенно актуально для постсоветского пространства, интересы элиты часто вступают в противоречия с интересами общества в целом, а их реализация, воспрепятствованная которой из-за несовершенства партисипативных механизмов общества не может, приносит последнему прямой вред.

Начиная со второй половины XX в., получили широкое распространение различные технологии, позволяющие манипулировать общественным сознанием, причем по мере развития электронных средств массовой информации данные технологии стали играть основную роль в обеспечении электоральной поддержки кандидатов или популяризации принимаемых властью политических решений. С.Г. Кара-Мурза подчеркивает, что «манипуляция сознанием как средство власти возникает только в гражданском обществе с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии. Это – «демократия западного типа», которая сегодня благодаря промыванию мозгов воспринимается просто как демократия-антипод множеству видов тоталитаризма» [4].

В «обществе зрелища», как окрестил современное информационное общество французский леворадикальный мыслитель Ги Дебор, действительно манипулятивные технологии, «спектакль», низводящий подавляющее большинство индивидов на роль пассивных зрителей, становятся ключевыми инструментами управления, и в данной ситуации уже не имеет значения, насколько действенны в том или ином конкретном государстве демократические политические институты, насколько прозрачна процедура выборов и существует ли она вообще. Выхолащивается само содержание понятия «представительная демократия», поскольку законодательная и исполнительная власти давно не представляют интересы избирателей, а лишь играют в защиту этих интересов так же, как и избиратели в конечном итоге создают видимость доверия, которое они якобы

оказывают одерживающим на выборах победу кандидатам.

Параллельно с технологиями манипуляции сознанием в современных обществах западного типа, априори претендующих на статус истинных демократий, достигает невиданных масштабов и контроль власти над индивидами. На это обратили внимание философы-постмодернисты, утверждающие, что на смену прежним «дисциплинарным» обществам, в которых власть использовала для управления населением различные инструменты и механизмы прямого подавления и насилия, приходят «общества контроля», в которых технологии управления становятся гораздо мягче, но одновременно и тотальнее. Контроль власти пронизывает все сферы общества, мало соответствуя тем представлениям о демократическом устройстве, которые навязываются обществу официальной идеологией.

Тотальность контроля облегчается развитием электронных технологий, позволяющих содержать колоссальные базы данных на всех членов общества, фиксировать их перемещения и поведение в общественных местах, к которым, в последние годы, во многих странах относят даже подъезды домов, в которых устанавливаются видеокамеры. Облегчению контроля над обществом способствует и постоянный рост количества документов, которыми обладает современный гражданин. Чтобы препятствовать нежелательным тенденциям в политической жизни общества, власти теперь совершенно необязательно прибегать к методам прямого репрессивного насилия, поскольку существует возможность пресечь любую оппозиционную деятельность в корне либо воспользоваться ее продуктами в своих интересах, чему будут способствовать средства массовой информации, с помощью манипулятивных технологий способные легко изменить содержание и направленность действий оппозиции на прямо противоположные.

В этой связи расширение демократических свобод, участия граждан в процессе управления, как полагают многие современные исследователи, является единственной возможностью противостоять нарастающим тенденциям формирования нового «псевдодемократического» тоталитаризма информационного общества. По мнению Негри и Хардта, именно «желание демократии» детерминирует многочисленные социальные движения, которые в современном мире выступают в качестве оппозиции существующему социально-политическому порядку [11]. Современное общество суть общество «множества», в котором, как писал Ж.Ф. Лиотар, универ-

сальные и претендующие на абсолютную истинность «метанарративы» уступают приоритетные позиции малым нарративам, совокупность которых и формирует мозаичную палитру глобализированного и мультикультурного мира эпохи постмодерна [5]. И именно в самой структуре современного социума, мира «множества», заключены, по мнению Негри и Хардта, потенциальные возможности для развития подлинной демократии, в которой политическое и социальное управление будет максимально децентрализовано, передано в ведение непосредственно граждан, что повлечет за собой и кардинальные изменения в практике функционирования тех политических институтов управления, которые существуют в настоящее время [11].

В зарубежной науке, исследовавшей проблемы политического управления в современном обществе, концепции партисипативной демократии получили распространение в последние десятилетия XX в., когда стало очевидно, что система представительной демократии в том виде, в котором она существует в странах Запада, не говоря уже о «фасадных демократиях» в странах третьего мира, являющихся фактическим прикрытием тоталитарных и авторитарных режимов, не обеспечивает должной степени вовлеченности широких масс населения в процесс принятия политических решений, необходимого уровня самоуправления и самоорганизации, адекватного потребностям современного общества в политических активных и политически грамотных гражданах.

Вспоминаются слова, произнесенные никарагуанским диктатором Анастасио Сомосой (младшим) после очередной избирательной кампании: «вы выиграли выборы, а я выиграл подсчет голосов», которые с достаточной точностью иллюстрируют реальный уровень демократии в большинстве государств мировой периферии, ориентированных на внедрение западной модели политического управления при сохранении авторитарных и тоталитарных тенденций, местных политических традиций, основанных на трайбалистских, клиентельных и клановых отношениях». Робер Буайе подчеркивает, что, во многом, именно пример стран «третьего мира», в которых демократические институты в действительности являлись лишь ширмой, прикрывавшей авторитарные и клановые режимы, заставил исследователей и общественных деятелей Запада говорить о несовершенстве системы представительной демократии [2, с. 127].

Даже такой идеолог западной демократии, как Фрэнсис Фукуяма, рассматривая проблемы, с которыми сталкиваются

современные государства «третьего мира», ориентирующиеся или ориентируемые на американскую модель демократии, пишет: «стремление к либеральной демократии не всегда сочетается со способностью жить по её правилам. Подход, который исповедует администрация Буша к проблеме постаддамовского Ирака, даёт основание думать, что и демократия, и рыночная экономика понимаются чиновниками администрации скорее как некое утраченное обществом состояние, к которому последнее вернется, стоит только свергнуть тирана, а не как совокупность сложных, взаимозависимых институтов, которые возводятся кропотливо, шаг за шагом. Достижение либеральной демократии только тогда становится возможным, когда задолго до этого неоспоримым фактом является наличие функционирующего государства (которое никогда не исчезало в Германии или в Японии после поражения этих стран во Второй мировой войне). Это как раз то, о чем нельзя сказать наверняка в отношении многих развивающихся стран, включая Ирак» [8].

Как справедливо отмечает С. Аксененко, «главный недостаток демократии – в её иллюзорности. Дело в том, что ныне граждане демократических стран ничего не решают в сфере реального управления, так как центр принятия решений сместился. Все эти демократические выборы имели смысл в прошлом, а сейчас всенародно избранные президенты и парламенты мало что значат. Пока ещё нельзя сказать, что власть от них ушла полностью, но к этому всё идёт. Скоро граждане Запада будут голосовать за людей, которые ничем не управляют. Центр принятия решений медленно, но неуклонно перемещается от политических партий и органов государственной власти

к финансовым корпорациям. Партии и органы власти постепенно становятся лишь филиалами корпораций» [1]. Таким образом, еще одним доказательством кризиса представительной демократии в современном мире, по мнению исследователей, является постепенное смещение центра реальной власти от государственных органов управления в сторону крупнейших транснациональных корпораций, которые контролируют финансовые потоки, природные ресурсы, и, следовательно, имеют возможность диктовать свои условия правительствам и оказывать непосредственное влияние на внешне-и-внутриполитический курс того или иного государственного образования.

Таким образом, в качестве основного вывода в данной статье мы можем отметить следующее. Демократия как форма политического устройства общества в настоящее время признается наиболее актуальной и адекватной требованиям современности. Вместе с тем, в современной политологической науке до сих пор не выработано единого подхода к определению понятия «демократия». Различные модели представительной демократии, которые сегодня действуют в подавляющем большинстве государств мира, встречают обоснованную критику со стороны многих исследователей как несоответствующие действительным потребностям современного социума в партисипативном управлении. В современных представительных демократиях реальный уровень участия населения в управленческих процессах и возможность его влияния на принятие политических решений минимален, фактически полнота власти сконцентрирована в руках политических элит.

1. Аксененко, С. Кризис демократии. Краткий экскурс в историю современных демократий [Электронный ресурс] / С. Аксененко. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2008/aks_demo.php (дата обращения: 15.02.2011).

2. Буайе, Р. Демократия и социал-демократия перед лицом современного капитализма: «регуляционистский» подход [Текст] / Р. Буайе // Прогнозис. – 2009. – № 1 (17).

3. Гуггенбергер, Б. Теория демократии [Текст] / Б. Гуггенбергер // Полис. – 1991. – № 4.

4. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс] / С.Г. Кара-Мурза. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/68241/read> (дата обращения: 15.02.2011).

5. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.-Ф. Лиотар. – М., СПб., 1998.

6. Тилли, Ч. Демократия [Текст] / Ч. Тилли. – М., 2007.

7. Фененко, А.В. Разновидности демократии: краткая хронология [Электронный ресурс] / А.В. Фененко. – Режим доступа: http://hvylya.org/index.php?option=com_content&view=article&id=345:2009-06-11-08-41-07&catid=4:2009-04-12-12-01-18&Itemid=10 (дата обращения: 15.02.2011).

8. Фукуяма, Ф. Столкновение культур и американская гегемония [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма. – Режим доступа: http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0003%2801_2007%29&xsl=showArticle.xslt&id=a06&doc=.../content.jsp (дата обращения: 15.02.2011).

9. Bachrach, P. The Theory of Democratic Elitism: A Critique [Text] / P. Bachrach. – Boston. 1966.

10. Dye, T. Who's Running America? The Clinton Years. Englewood Cliffs [Text] / T. Dye. – 1995.

11. Hardt, M. Multitude. [Text] / M. Hardt, A. Negri. – New York: The Penguin Press, 2004.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА «СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ»: ОСНОВНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 32.019.51+323

Е.В. ИШМЕНЕВ

Термин «символическая политика» давно применяется в российской политологии. Однако приходится признать, что на сегодняшний день он не получил однозначной оценки со стороны академического сообщества. Причиной тому стало относительно небольшое количество отечественных работ, посвященных рассмотрению концепта, и как следствие – отсутствие устоявшихся трактовок и определений. Примечательно, что опыт западной политологии демонстрирует куда большую определенность и однозначность в обращении к данному термину. В большинстве работ западно-европейских и американских авторов, различающихся по своей тематической направленности – от рассмотрения педагогических и методических аспектов науки и заканчивая анализом таких прикладных элементов политики, как международные конфликты, существует достаточно четкое понимание истории и тенденций развития концепта.

Кроме того, сравнение западного и отечественного опыта указывает на существование другой важной проблемы, связанной с многообразием производных от «символической политики» теорий, подходов и методов. Подобные исследовательские направления и школы часто упоминаются в работах отечественных авторов, однако оказываются в известной степени ограниченными с точки зрения обоснования своей дисциплинарной принадлежности. Наиболее известными из них стали *дискурсивная теория* и так называемый *политический дискурс-анализ*. В то время как на западе анализ политического дискурса описан как метод исследования лингвистических и экстралингвистических аспектов «символической политики», где присутствие последней, по сути, и выступает условием принадлежности к политологическому знанию. Рассмотрение методологических оснований отечественных дискурс-исследований не всегда позволяет четко установить их базовые принципы, а, следовательно, и причастность к политической науке.

В рамках статьи будет представлен обзор основных этапов развития концепта «символическая политика»: ключевые направления и исследовательские школы. Отдельное внимание предполагается обратить на развитие дискурсивного направления.

Хотя теоретическое осмысление «символической политики» в России началось сравнительно недавно, тем не менее, в статье будет учтен опыт как зарубежных, так и отечественных авторов. Это, как представляется, позволит лучше понять, в чем состоит актуальность обращения к концепту «символической политики» именно сегодня.

Ключевые проблемы и сферы приложения концепта

Существенным недостатком большинства отечественных работ, посвященных анализу символических структур в политике, выступает отсутствие комплексного восприятия исследуемого объекта. Спецификой таких работ зачастую становится ориентация на общефилософские и культуралистские определения «символов», в то время как проблемное поле политической науки рассматривается скорее как предмет приложения этих определений. Неудивительно, что большинство выводов и результатов подобного рода исследований зачастую имеет оценочный, а иногда даже мифологический характер. «Отсутствие устойчивых методологических ориентиров в политологических исследованиях символического превращает эту предметную область политической науки в достаточно произвольное сочетание позитивистских подходов или совокупность мифологизированных версий этнической, региональной, имперской и цивилизационной идентичности» [1, с. 81].

Показательно, что обозначенные работы, имея в основном аксиологическую направленность, обнаруживают множество тематических пересечений с исследованиями этнической, религиозной и других типов культур. В то время как такие традиционные для политологии темы, как изучение *власти и институтов*, рассматриваются скорее во вспомогательном значении и не оказывают существенного влияния на формирование общей методологии исследования.

В отличие от российской западная традиция изучения изначально имеет нормативную направленность. Введение в научный оборот в 70–80 годах М. Эдельман и У. Сарцинелли термина «символическая политика» во многом было обусловлено попыткой авторов переосмыслить проблему *политической легитимности* в контексте

современных социокультурных изменений. Среди основных факторов, определивших специфику изменений, были обозначены распространение и рост влияния массовых коммуникаций. При этом определение «массовой коммуникации» имело более широкое семантическое значение, чем отождествление коммуникации с деятельностью СМИ. «Массовый» характер коммуникации, с точки зрения авторов, подчеркивал ее принадлежность к сфере «публичной политики», которая рассматривалась как условие установления связи между сферой социальных институтов и сферой повседневной коммуникации. То есть, выполняла функцию интеграции институциональных норм. Вот как аналогичная ситуация описывается отечественным исследователем коммуникаций А. Соловьевым: «Особенностью массовой коммуникации оказывается ее способность интегрировать различные виды норм через образование символических единств. Выстраиваясь на основе синтеза рациональных суждений с разнообразными чувственными формами восприятия, символы обеспечивают человеку возможность рассматривать каждый конкретный факт как проявление целостного образа мира политики» [8, с. 7].

В рассматриваемой трактовке «символической политики» особое значение имеет ее институциональный статус и способность к самостоятельному способу позиционирования относительно остальных институтов. Параллельно с «символической политикой» Сарцинелли вводит понятие «легитимационной ловушки», суть которого заключается в принципиальном несовпадении норм традиционных – главным образом, модернистских – институтов и тем значением, которое получают эти нормы в рамках массовой коммуникации. «Интенция парадоксальна, чтобы обеспечить свое существование, институты должны перестать быть собой, утратить свою статусную природу» [5, с. 50]. Последнее обстоятельство в свою очередь придает актуальность попытке автора подвергнуть переосмыслению роль модернистских институтов в отношении массовой коммуникации.

В этой связи примечательными оказываются два способа представления политических символов в работах классиков «символической политики»: в виде символов уже существующих институциональных норм и в виде символов, способствующих институциональным изменениям. Причем введение в классификацию символов, которые изначально не имеют институционального статуса, связано не столько с попыткой авторов выделить качественно новый тип политической символизации,

сколько с намерением придать ее изучению количественное измерение.

Вводя «конденсационную» («condensational») характеристику символической политики, Эдельман подчеркивает существование различной степени интеграции институциональных норм в коммуникации. Так, в рамках «следующей» классификации (связанной с разграничением функций «символической политики») Эдельман и его последователи выделяют не только символы, применяемые в «инструменталистских» целях, то есть представляющие собой совокупность уже сложившихся представлений, что в некоторых случаях, конечно, упрощает процесс политической регуляции. Но также символы, относящиеся к «новым» институциональным нормам, в меньшей степени интегрированным в социокультурную практику [12, с. 5]. При этом важно заметить, что под процессом символизации совсем не обязательно понимается позитивная оценка социального регулирования. Возникновение новых «деструктивных» символов может указывать на критическое восприятие институтов в пространстве публичной политики. «Несмотря на эксклюзивные ресурсы, которыми обладает государство, доминирование поддерживаемых им интерпретаций социальной реальности отнюдь не предрешено: даже если «нужная» нормативно-ценностная система навязывается насильственными методами, у индивидов остается возможность «лукавого приспособления» и «двоемыслия» [4, с. 2109].

Отметим, что обращение О. Ю. Малиновой к метафоре «лукавого человека», введенной в научный оборот Ю. А. Левадой, в современном историческом контексте обнаруживает дополнительное значение. В то время как в социологии Левады метафора «лукавости» главным образом сопряжена с изучением «советских» поведенческих установок и призвана подчеркнуть ограниченность всякого рода «публичности». В статье Малиновой данная метафора в то же время выступает предпосылкой к анализу различных типов национально-культурной идентичности, что указывает на ее связь с «неизбежным публичным диалогом» в постсоветской России. Особенно это становится наглядным при актуализации дискуссии по поводу таких тем, как разрешение вопросов национальной, этнической и религиозной идентичности.

На основании обозначенных исследовательских проблем выделяются следующие тематические направления, в которых происходит конкретизация основных положений концепта «символической политики».

Во-первых, это исследования, связанные с изучением демократии в авторитарных государствах и странах «переходного периода». В отечественной политологии данный раздел более известен как «транзитология», а также различные виды теорий «политической трансформации». В контексте данного направления концепт «символической политики» в основном применяется при анализе символических структур в странах с различным способом организации и функционирования политических институтов. «Источником «теоретического бума» в изучении символических ресурсов служат «дефекты» демократических институтов в посткоммунистических обществах, где становлению формальных демократических институтов и гражданской идентичности сопутствует стремление обеспечить социальную солидарность за счет «мобилизуемой системы верований» [1, с. 74–75]. Что же касается непосредственно самого концепта «символической политики», то его развитие происходит главным образом в контексте методологии сравнительного анализа.

Особое влияние теоретические положения «символической политики» оказали на анализ электоральных процессов, а также на формулирование различных методик изучения общественного мнения («mass opinion and electoral behavior studies»). Характерную преемственность можно обнаружить в исследованиях так называемой «Колумбийской школы» социологии, известной в России своей моделью «воронки причинности» и работами, посвященными анализу электорального поведения. Также изучение символических аспектов политики присутствует в работах представителей «Мичиганской» и других школ, занимающихся анализом электоральной и партийной идентификации.

Отдельное внимание следует обратить на изучение концепта «символической политики» в рамках институционального подхода, особенно в «теории рационального выбора». В последнее десятилетие среди представителей этого научного течения обнаруживается рост интереса к изучению символических особенностей институциональной практики. Одной из предпосылок этому стало развитие так называемого неoinституционального направления, характеризующегося критическим восприятием отдельных положений *неолиберальной теории*. Среди основных положений последней следует выделить: ориентацию на индивидуалистическую методологию исследования, принципы максимизации, преемственность материалистической традиции. В отличие от указанного варианта представители «нового» институционализ-

ма большее внимание уделяют изучению взаимообусловленности социальных агентов и социальных структур, – это, по их мнению, заметным образом сказывается на целях, интересах, предпочтениях и выборе участников политического процесса [10]. Кроме указанных особенностей, все большее значение в исследованиях институционалистов приобретает анализ коммуникативных факторов и влияние конструктивистских особенностей коммуникации. Однако подробнее об этих особенностях будет сказано при рассмотрении дискурсивного направления.

Помимо «теории рационального выбора», актуальность изучения «символической политики» также обнаруживается в работах, объектом которых выступают международные конфликты. «Переговорная», «игровая» и другие разновидности институциональной теории, ставшие уже классическими для конфликтологии, оказываются ограниченными в изучении таких факторов, как новые информационные технологии и новые средства коммуникации, сетевые и транснациональные формы сотрудничества [14]. Перечисленные особенности сопряжены с формированием новых форм институционализации, а следовательно, с формированием соответствующих форм легитимации. Актуализация этих процессов в особенности проявляется при изучении конфликтов в информационной и виртуальной сфере.

Кроме того, примером возрастания роли символов в конфликте может выступать их сопряженность с современными террористическими методами ведения борьбы. Показательными в этой связи оказываются методы, направленные на дестабилизацию политического процесса за счет привлечения внимания теле-, радио- и интернет-аудитории к «недееспособности» и «неэффективности» традиционных политических институтов.

Роль дискурсивного подхода в изучении «символической политики»

Хотя развитие дискурсивного подхода не ограничивается рассмотрением политологических проблем, однако именно изучение политических объектов способствовало признанию дискурсивной теории международным академическим сообществом. Показательно, что основные школы дискурс-анализа, такие как, например, «школа культурных исследований» или «критический дискурс-анализ», первоначально вообще рассматривались как сугубо «маргинальные» течения. В свою очередь, обращение к изучению проблем политической легитимности, информа-

ционных конфликтов, кросс-культурной и межнациональной коммуникации позволило дискурс-анализу войти в число ведущих методов, применяемых в исследовании данной проблематики сегодня. Важную роль в контексте описываемых изменений сыграл концепт «символической политики», который способствовал интеграции дискурсивных исследований в проблемное поле политической науки. Далее предлагается остановиться на двух теоретических аспектах «символической политики», получивших развитие и конкретизацию в рамках дискурсивного направления: институциональные особенности коммуникации и развитие идей социального конструктивизма.

Интерес исследователей к дискурсивному подходу объясняется тем, что анализ символов в нем связан не только с обращением к лингвистическим особенностям коммуникации, но также к экстралингвистическим особенностям. Изучение последних имеет важные следствия с точки зрения конкретизации институциональных аспектов коммуникативного процесса. Анализ экстралингвистических элементов связан с попыткой представить поведение участников коммуникации как результат рационального выбора той или иной коммуникативной стратегии [3, с. 183–207]. То есть, попыткой определить коммуникативный процесс как результат целенаправленного и рационального действия, которое может иметь различные варианты реализации. Коммуникативные действия участников в этом случае ставятся в зависимость от их целей, интересов, институциональной принадлежности, а также различных способов социальной, политической и культурной идентификации. Смещение акцента в сторону анализа экстралингвистических или «прагматингвистических» особенностей дискурса позволяет оценить коммуникативное поведение с точки зрения его эффективности. При рассмотрении коммуникативного действия в соотношении с целями и позициями участников возникает возможность представить коммуникацию как «конечный» процесс, имеющий определенные результаты.

Актуальность представленного понимания коммуникации определяется тем, что многообразии дискурсивных различий, детерминируемых как формальными, так и повседневными особенностями коммуникации, проблематизируется здесь в контексте институционального изучения. Различие коммуникативных действий и стратегий рассматривается в качестве различных способов рационализации, что позволяет уйти от излишней субъективности в оценке, например, таких современных феноменов, как процесс информатизации

или виртуализация действительности. Способность различных типов рационализации занимать «свое» место в общей коммуникативной стратегии делает возможным обнаружение столь важных для «символической политики» особенностей, как влияние институционального и повседневного дискурса. В то же время к достоинствам данного направления можно отнести попытку комплексного осмысления теорий рационального выбора, социального действия и лингвистической теории, что заметно расширяет предметное поле исследований классической теории институтов.

Помимо указанных институциональных характеристик коммуникации, важное место в изучении политического дискурса занимает анализ контекстуальных особенностей. Развитие данного направления определяется двумя основными традициями исследований: анализом конвенциональных элементов дискурса и фукианским анализом дискурсивных практик [15]. В обоих вариантах детерминирующая роль контекста рассматривается негативно. Однако, если в первом случае критика контекста выступает *препятствием* к установлению конвенции между участниками коммуникации, то во втором случае конвенция уже представлена в дискурсе, но имеет идеологический характер.

Развитие и конкретизация положений двух обозначенных традиций находит отражение в формулировании принципиальной для современной коммуникативистики зависимости: соотношение «*социального конструктивизма*» и «*лингвистического детерминизма*» [9, с. 32]. Как первое, так и второе направление в рассматриваемом случае исследуются с позиций конструктивистского течения, поэтому детерминирующая роль контекста представлена в виде воздействия когнитивных факторов. «Заменяя предпосылку «человека экономического» «человеком социальным», конструктивисты в определенном смысле следуют за марксистской методологией анализа социальных отношений, акцентируя внимание не на предположенном характере этих отношений, а на их конструировании с учетом когнитивных факторов» [7, с. 120].

Изучение контекста на сегодняшний день в основном представлено двумя подходами к дискурс-анализу: кросс-культурным и критическим. Особый вклад в становление кросс-культурного направления внесла теория дискурса Лакло и Муфф. Придерживаясь крайних форм «социального конструктивизма», авторы указывают на определяющую роль дискурса не только в рамках коммуникативной, но всей социальной практики. «Они не согласны, что такие кажущиеся недискурсивными фе-

номены, как технология, институты и экономические отношения, сконструированы как-то иначе, без участия дискурсивных практик. Они рассматривают дискурс как атрибут любой социальной деятельности и любой социальной институционализации» [6]. На сегодняшний день применение кросс-культурного подхода представлено следующими тематическими разделами: международное право, международные отношения, реформы в сфере образования, проблемы идентичности, анализ массовой коммуникации и медиадискурса.

Характерной особенностью критического направления выступает то, что оно одновременно интегрирует в себе два ключевых положения «символической политики»: инструменталистский и публичный способ представления коммуникации. В отличие от тех исследователей «символической политики», которые оценивают инструментализацию символов как позитивный фактор, упрощающий процесс управления в обществе. Представители критического дискурс-анализа (КДА) рассматривают такую ситуацию как источник манипулирования и идеологизации.

В этой связи показательным выглядит обращение представителей КДА к изучению процесса «технологизации» современной коммуникации [12, с. 71–84]. Под

технологизацией понимается такой способ организации дискурсивной практики, который приводит к уменьшению возможностей «рационального выбора» участников коммуникации, а следовательно, и уменьшению возможностей для публичной критики существующих регуляций. Примечательно, что одним из вариантов решения данной проблемы выступает инструментализация самой дискурсивной теории, которая начинает рассматриваться представителями КДА как «методологический инструментарий, предназначенный для критического разоблачения закодированных в дискурсивной практике отношений социального доминирования и дискриминации» [2, с. 39].

В свою очередь, несмотря на оригинальность обозначенных трактовок и известность КДА в академическом сообществе, большинство исследователей политического дискурса обращаются к нему, скорее, как к вспомогательной методологической модели при обосновании своих теоретико-методологических заключений. В то же время нельзя не обратить внимание на то влияние, которое данное направление оказало на смежные с политической наукой дисциплины. В особенности такие, как социальная антропология, социолингвистика, разнообразные исследования в области гендерных отношений.

1. Завершинский, К. Символические структуры политической легитимации [Текст] / К. Завершинский. – Дис. д. полит. наук. – СПб.: РГБ, 2003.
2. Ишменев, Е. Критический дискурс-анализ [Текст] / Е. Ишменев, О. Русакова // Современные теории дискурса. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2006.
3. Кубрякова, Е. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности [Текст] / Е. Кубрякова, Л. Цурикова // Под ред. М. Володиной. – М.: Академический проект, 2008.
4. Малинова, О. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: от 1990-х к 2000-м. Доклады [Электронный ресурс] / О. Малинова. – V Всероссийский конгресс политологов. – М.: ИНИОН. 2009.
5. Песков, Д.Н. Интернет-пространство: состояние преמודерна? [Текст] / Д.Н. Песков // Политические исследования. – 2003. – № 5.
6. Русакова, О.Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций [Текст] / О.Ф. Русакова // Политическая экспертиза. – 2006. – № 3.
7. Сморгун, Л.Н. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значит ли что-либо идеи для объяснения политики? [Текст] / Л.Н. Сморгун // Политические исследования. – 2009. – № 1.
8. Соловьев, А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции [Текст] / А.И. Соловьев // Политические исследования. – 2001. – № 2.
9. Benwell B. Discourse and Identity [Text] / B. Benwell, E. Stokoe. – Edinburgh University Press, 2006.
10. Bjola Corneliu. The Impact of Symbolic Politics on Foreign Policy during the Democratization Process [Text] / Bjola Corneliu. – Paper to be presented at the Kokkalis Graduate Student Workshop on Southeastern and East-Central Europe, February 12, 2000.
11. Edelman, M. The Symbolic Uses of Politics [Text] / M. Edelman. – Chicago: University of Illinois Press, 1985. p. 215.
12. Fairclough, N. Technologisation of discourse [Text] / N. Fairclough // Coulthard C. (ed.) Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. – London, N. Y.: Taylor & Francis e-Library. 2003.
13. Fetzer, A. Political discourse in the media [Text] / A. Fetzer, G. Lauerbach. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007.
14. Kaufman, S. Symbolic Politics or Rational Choice? Testing Theories of Extreme Ethnic Violence [Text] / S. Kaufman // International Security. V. 30. 2006. pp. 45–86.
15. Macdonald, M. Exploring Media Discourse [Text] / M. Macdonald. – N.Y.: Oxford University Press, 2003. pp. 9–27.

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТОЙ НАСЕЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 323

Е.И. ХУБУЛУРИ

Система социальной защиты населения является одним из важнейших компонентов прогрессивного и стабильного развития общества, выступая в качестве неотъемлемой составляющей современной рыночной экономики. В развитых капиталистических государствах системный подход к вопросам социальной защиты населения исповедуется достаточно долго. Официальный отсчет времени в этом отношении ведется с принятия в 1935 г. в США закона о социальной защите, которым в стране были введены пенсионное страхование и страхование по безработице, а также федеральные субсидии штатам для оказания социальной помощи нуждающимся гражданам. Принятие этого закона обуславливалось необходимостью расширения платежеспособного спроса населения и явилось первым официальным признанием в капиталистическом мире экономической роли социальной защиты. Использование мер социальной защиты для достижения различных экономических целей началось, однако, намного раньше. Уже первые законы об обязательном страховании работников, принятые в Германии в 80-е годы XIX века, позволяли одновременно осуществлять накопление капитала с целью увеличения инвестиций в экономику. Различные меры социальной защиты использовались также для улучшения условий воспроизводства рабочей силы и регулирования масштабов занятости населения.

В Российской Федерации право граждан на социальную защиту закреплено в Конституции Российской Федерации от 12.12.93 г., которая провозгласила, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7). Конкретизация этого положения содержится в ст. 39 Конституции, в соответствии с которой каждому гарантируется социальное обеспечение в случае нетрудоспособности, для воспитания детей и иных случаях, установленных

законом. По определению Л.С. Ржаницыной, под социальной защитой понимается политика государства по обеспечению социально-экономических прав и гарантий человеку независимо от места жительства, национальности, пола, возраста и других объективных характеристик [3, с. 176].

В целом социальная защита населения представляет собой систему мер правового, социально-экономического и организационного характера, гарантированную государством и реализуемую им и органами местного самоуправления для обеспечения конституционного права человека и всего народа на достойную жизнь, т.е. поддержки их благосостояния на уровне социально-экономических и культурных стандартов, закрепленных в международно-правовых актах, к которым присоединилась Российская Федерация [2, с. 39]. Говоря об управлении социальной защитой населения, мы имеем в виду целенаправленное воздействие со стороны специально созданных органов (государственных, общественных, муниципальных) на общественные отношения по поводу реализации этой социальной функции государства. Управление социальной защитой населения состоит из нескольких подсистем: подсистемы государственного управления, подсистемы общественного управления, подсистемы муниципального управления. В качестве главной особенности управления социальной защитой населения в целом можно выделить органичное сочетание государственного, общественного и муниципального управления, тесно взаимосвязанных между собой. Исходя из вышесказанного, государственное управление социальной защитой населения целесообразно рассматривать как обширную отрасль государственного управления, состоящую из взаимосвязанных и подчиненных звеньев-органов управления, объединенных общностью объектов управления, выполняющих специальные функции, цели и задачи, способствующие поддержке и обеспечению нормального жизненного

уровня социально не защищенных слоев населения.

По мнению К.Э. Лайкама, в современной истории развития социальной политики Российской Федерации можно выделить как минимум два этапа, представляющих функционирование различных моделей социального развития в целом и государственного управления социальной защитой населения в частности [1]. Первый этап, охватывающий первую половину 90-х годов XX столетия, характеризовался патерналистской моделью социального развития, для которой характерно жесткое определение государством поведения человека в социальной сфере и охват социальной защитой практически всего населения. Данная модель была заимствована из практики регулирования социальной сферы Советского Союза. В качестве основных недостатков патерналистской модели принято выделять перекрестную реализацию социальных программ, вызывающую дублирование социальной помощи и неоправданно высокие, с точки зрения финансовых возможностей, расходы на социальную сферу. В рамках данного этапа социальная политика в России, как и во многих других странах с переходной экономикой, была ориентирована преимущественно на наращивание удельного веса социальных расходов в совокупных расходах государства. При этом усилила, направленные на повышение эффективности социальных программ, отступали на второй план, что привело лишь к дальнейшему быстрому нарастанию проблемы бюджетного дефицита.

В целом, с точки зрения К.Э. Лайкама, патерналистская модель показала свою неэффективность в регулировании современных социальных процессов в обществе [1]. Вместе с тем, ее применение на начальном этапе социально-экономических преобразований в России было обусловлено целым набором объективных причин, среди которых резкое падение уровня жизни населения, отсутствие опыта решения столь масштабных задач в области социальной политики, несформированность социальной структуры общества, недостаточная определенность социально-экономических приоритетов государства, отсутствие технической и нормативно-методической базы для решения многих задач социальных реформ, необходимость полного использования тех ресурсов, форм и методов работы, которые остались от дореформенной системы социальной защиты.

Негативные тенденции в сфере соци-

ально-экономического развития российского общества, обозначившиеся в период 1990-х годов, включившие, в частности, резкое обострение бюджетно-финансовых проблем в экономике страны, а также в социальной сфере, подтвердили бесперспективность попыток решить социальные проблемы лишь путем дальнейшего наращивания финансирования – без проведения глубоких структурных преобразований в сфере социальной политики.

Именно поэтому уже во второй половине 90-х годов руководством страны была поставлена задача, связанная с постепенным переходом от патерналистской модели к адресной модели системы социальной защиты. Основными характеристиками этой модели являются четкое определение приоритетов социальной политики, дифференциация социальной политики государства в отношении различных слоев населения, корректное выделение категорий получателей социальной помощи, доведение до получателей социальной помощи финансовых ресурсов в полном объеме, определение и разграничение полномочий в реализации социальной политики между всеми уровнями бюджетной системы [1]. В качестве важнейшей задачи государства в сфере социальной политики современная российская властная элита рассматривает существенное повышение ее эффективности, концентрацию усилий на решении наиболее острых социальных проблем, выработку новых механизмов реализации социальной политики, обеспечивающих сокращение неоправданных бюджетных расходов, а также более рациональное использование финансовых и материальных ресурсов в социальной сфере.

Несмотря на то, что в течение 2000-х годов в Российской Федерации произошли некоторые позитивные изменения, обеспечившие существенное снижение уровня бедности, очевидно, что в настоящее время система социальной защиты как в стране в целом, так и в ее регионах, испытывает достаточно серьезные проблемы, которые негативным образом отражаются на уровне благосостояния населения. Результаты социологических опросов населения страны, проведенных в 2007 году, позволили выявить следующие причины, мешающие дальнейшему повышению эффективности социальной защиты: недостаточное финансирование мер по социальной поддержке, ограниченность сети учреждений социального обслуживания, несовершенство федерального и регионального законодатель-

ства, в том числе в части распределения полномочий между субъектами управления, сложность процесса модернизации системы местного самоуправления, низкий размер основных выплат, недостаточная работа в области социальной защиты населения со стороны органов местного самоуправления, слабое взаимодействие органов государственной власти с общественными организациями в области социальной защиты населения, низкая активность самих граждан [4, с. 162].

В настоящее время становится очевидным тот факт, что система управления социальной защитой населения нуждается в существенной трансформации, предполагающей переход от «пожарного» метода решения социальных проблем к стратегическому планированию. Важнейшим условием эффективного планирования должно стать распределение ответственности между различными субъектами социальной защиты.

На наш взгляд, условия неопределенности и различного рода рисков, присутствующих на рынке, требуют усиления функций государства в сфере социальной защиты населения, особенно с учетом современного финансово-экономического кризиса. Здесь следует принимать во внимание и результаты социологических исследований, подтверждающие, что значительная часть населения страны сохраняет традиции патерналистских отношений с государством и перекладывает решение своих проблем в сфере социальной защиты на государство.

При решении проблемы формулирования методологических подходов, а также определения сущности и содержания социальной защиты, следует иметь четкое представление о том, кого необходимо защищать; от чего защищать и для чего защищать (с целью восстановить условия жизнеобеспечения или с целью не только восстановления и выравнивания этих условий, но и с профилактической целью для создания устойчивости нормального жизнеобеспечения всех слоев населения); как защищать – из каких источников и какими методами осуществлять организацию и управление социальной защитой. На современном этапе развития российского общества следует, с нашей точки зрения, отказаться от традиционного подхода к социальной защите как набору разовых, как правило, централизованно проводимых мероприятий по повышению уровня жизни отдельных слоев населения, своеобразной

«неотложной помощи» в неблагоприятных экономических условиях. Пожалуй, более обоснованной представляется та точка зрения, в соответствии с которой в социальной защите нуждается в условиях рынка все население, учитывая социальные риски этого типа экономики.

Как известно, в развитых зарубежных странах сложилось и действует несколько моделей социальной защиты населения, различающихся в их функционировании:

- модель скандинавских стран (иначе называемая социально-демократической или моделью «всеобщего народного дома»), где государство берет на себя основную заботу о социальной защите и социальном обеспечении населения;

- модель, принятая в США (иначе называемая неolibеральной), где вопросы социального обеспечения решаются преимущественно на уровне отношений, закрепляемых, как правило, в коллективных договорах, непосредственно между предпринимателями и наемными работниками; государство при этом выступает в основном в роли третейского судьи (наблюдателя и гаранта соблюдения сторонами обязательств);

- промежуточная, применяемая, например, в Германии, модель (неоконсервативная или христианско-демократическая), основанная на смешанном государственно-частном решении вопросов социальной защиты, системой их обязательной коллективной ответственности под контролем государства.

Модель социальной защиты, сложившаяся в России, носит противоречивый характер, поскольку сочетает в себе черты либеральной модели и патерналистский подход. Современное Российское государство видит свою задачу в обеспечении основных социальных прав и гарантий человеку, особенно и в первую очередь в области уровня жизни, что и составляет основное содержание политики социальной защиты. Законами РФ предусматриваются права на материальное обеспечение в случае болезни, безработицы, при потере кормильца, поддержка в воспитании детей, права на образование, охрану здоровья, участие в культурной жизни, на жилище. Фундаментальное значение в этой системе имеет право на прожиточный минимум и на государственную поддержку тех, кто его не получает. Для нетрудоспособных и находящихся в кризисной ситуации граждан социальная защита заключается в гарантированных преимуществах в пользовании

бюджетными средствами, фондами социального обслуживания.

Подчеркнем, что при всеобщности права на социальную защиту в этой области действует принцип нуждаемости и адресности. В соответствии с мировой практикой нуждающиеся в государственной поддержке и помощи индивиды определяются двумя способами: как специфическая категория (категориальный способ), либо по критерию лишений (в зависимости от дохода в сопоставлении с прожиточным минимумом). Если в первом случае адресом являются социально слабые группы, нуждаемость которых является априорной (старики, инвалиды, дети, вынужденные мигранты, безработные и т.д.), то во втором случае нуждаемость исходит из процедуры контроля над доходами любого заявителя с вынесением конкретного специального решения о потребности помощи. Существует и третий способ, сочетающий при определении нуждаемости социально слабую категорию с бедностью. Этот путь в настоящее время принят в основном в России.

Социальная защита, как известно, направлена на тех, кто, не обладая адекватными материальными источниками жизнеобеспечения в виде достаточных сбережений, доходов от капиталовложений, ценных бумаг и, особенно, от продажи своей рабочей силы на рынке труда, не способен к самостоятельному выживанию. В этой связи исключительную актуальность приобретает индивидуальный социальный подход, осуществляемый как использование всех возможностей, которые помогают человеку приспособиться к существующим социальным реалиям и содействующий тому, чтобы клиенты выработали свою собственную жизненную программу. Решение этой задачи возможно с помощью метода социального маркетинга, предполагающего дифференцированный подход в изучение особенностей социального положения объекта социальной защиты, его потребностей и интересов, применение разнообразных технологий форм и методов работы в зависимости от состояния объекта. Дифференцированный подход требует знания законов маркетинга, а также достижений науки и передовой практики, законов и нормативно-правовых документов. Значение данного метода состоит в том, что на основе анализа и оценки социального положения объекта создаются условия для удовлетворения наиболее лично значимых потребностей граждан,

выбираются адекватные средства, соответствующие формы и методы социальной работы. Этот метод может быть применен к работе с любыми социальными группами (особенно социально уязвимыми) с учетом их интересов, настроений, социальных чувств, сложившихся традиций.

Возможности использования дифференцированного подхода во всех сферах социальной жизни огромны. Благодаря этому методу возможно осуществление следующих принципов социального маркетинга: независимость, участие, уход, реализация внутреннего потенциала, достоинство.

1. Принцип «независимость» подразумевает, что социально незащищенные категории должны иметь доступ к основным благам и обслуживанию, иметь возможность участия в программах образования и профессиональной подготовки, жить в безопасных условиях с учетом личных наклонностей и изменяющегося состояния.

2. Принцип «участие» отражает вопросы вовлеченности социально незащищенных категорий в жизнь общества и активного участия в разработке и осуществлении затрагивающей их благосостояние политики, возможность создавать движения и ассоциации.

3. Принцип «уход» затрагивает проблемы обеспеченности уходом и защитой со стороны общества, доступа к медицинскому обслуживанию в целях поддержания или восстановления оптимального уровня физического, психического или эмоционального состояний и предупреждения заболеваний, доступа к социальным и правовым услугам, обязательного соблюдения в социальных учреждениях прав человека и основных свобод, включая полное уважение достоинства, убеждений, нужд и личной жизни.

4. Принцип «реализация внутреннего потенциала» предполагает, что люди социально уязвимых категорий должны иметь равные с другими членами общества возможности для всесторонней реализации своего потенциала, открытый доступ к общественным ценностям в области образования, культуры, духовной жизни и отдыха.

5. Принцип «достоинство» затрагивает вопросы недопущения эксплуатации, физического или психологического насилия в отношении социально уязвимых категорий, обеспечения им права на справедливое обращение независимо от возраста, пола, расовой или этнической принадлежности,

а также от предыдущего экономического вклада.

Принципы ориентированы на то, чтобы при их осуществлении помочь людям социально незащищенным группам вести полноценную и плодотворную жизнь и обеспечить им условия, необходимые для поддержания или достижения удовлетворительного качества жизни.

Для повышения эффективности и результативности мер по социальной защите большое значение имеет учет специфики, социального положения, потребностей и интересов различных групп населения, нуждающихся в ней. Всем социально уязвимым группам и слоям населения должны предоставляться социальная помощь и поддержка, устанавливаться преимущества и льготы, для чего необходимы новые виды социальных услуг, новые формы и методы социальной работы. Наибольшего эффекта в осуществлении такой деятельности можно достичь, создавая отраслевые и региональные программы защиты населения (или программы по защите конкретных категорий населения), которые охватывают различные направления и включают меры по защите, прежде всего, социально уязвимых слоев и групп населения. Обязательными элементами этих программ должны быть:

1) всесторонний анализ состояния социальной защищенности по каждой категории населения и обоснования целей и задач системы социальной защиты в отрасли или регионе (с учетом региональных показателей минимального потребительского бюджета и выявления на этой основе групп населения, нуждающихся в социальной помощи и поддержке);

2) мониторинг состояния занятости дифференцированных групп населения и характеристики мер по социальной защите населения в области трудовых отношений,

включая профориентацию, подготовку и переподготовку кадров;

3) анализ состояния и перспектив развития социально защищенной инфраструктуры в регионе; развитие системы центров социального обслуживания, стационарных и нестационарных учреждений социального обслуживания, центров занятости, центров милосердия, детских домов семейного типа и т.д.;

4) оценка развития ресурсного обеспечения складывающейся системы социальной защиты, источников и механизмов дополнительных затрат на социальную защиту.

Дополненные конкретными программами, направленными на обеспечение социальной защиты отдельных категорий населения (программы адресной социальной помощи малообеспеченным гражданам, программа занятости инвалидов, матерей-одиночек и т.д.), они помогают концентрировать средства и возможности специалистов на наиболее острых проблемах и разрешать их, объединяют усилия государства и общества, предпринимаемые для поддержки людей в реализации их трудового и гражданского потенциала.

В заключение отметим, что социальные проблемы большинства уязвимых категорий населения являются межведомственными, проблемами государства и общества, поэтому они требуют для своего разрешения скоординированных усилий государственных и негосударственных структур как на федеральном, так и на региональном уровне. Одним из условий, обеспечивающих результативность социальной работы с различными категориями населения, является разработка и внедрение таких технологий социальной работы, с помощью которых обеспечивается достижение необходимого компромисса между рыночными принципами экономики и социальной сферой общества.

1. Лайкам, К.Э. Основные этапы и направления реформирования социальной политики в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.budgetrf.ru/vestniksf/112-24060.htm>. (дата обращения: 17.01.2011).

2. Лепихов, М.И. Конституционно-правовые основы деятельности Российской Федерации по социальной защите населения [Текст] / М.И. Лепихов. – М., 2005.

3. Ржаницына, Л.С. Социально-защитная функция государства и ее реализация [Текст] / Л.С. Ржаницына // Экономика труда и социальные отношения. – М.: РАГС, 1998.

4. Шайхулов, М.А. Некоторые аспекты повышения эффективности региональной системы социальной защиты населения [Текст] / М.А. Шайхулов // Вестник Башкирского университета. – 2007. – Т. 12. – № 4.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ДЕТЕРМИНАНТ ВОЗМОЖНОГО ПЕРЕХОДА РЕГИОНА В НЕСТАБИЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

УДК 323

И.Г. РОМАНЫЧЕВ

Понимание политических процессов взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной власти представляется целесообразным осуществить исходя из социальной сплоченности регионального социума, вызванной различными формами распределения ресурсов. Если такая социальная стабильность не достигается, то необходимо вести речь о детерминантах возможного перехода региона в нестабильное социально-политическое состояние.

Формальные причины такого перехода могут быть разнообразны. Так, в Кондопоге нестабильность – результат этнического конфликта, в Пикалево – следствие конфликта собственников градообразующих предприятий, в Кузбассе – косвенный результат гибели шахтеров во время пожара, в Приморье – итог ограничения на ввоз подержанных иномарок. Подобные примеры можно приводить достаточно долго. И дело не только в том, что для разрешения регионального конфликта потребовалось участие федеральной власти. Упомянутые конфликты – это лишь внешнее проявление нестабильного социально-политического состояния, обусловленного неэффективным функционированием законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти регионального уровня. Перед тем как выявить детерминанты появления нестабильности, несколько слов скажем о методологической основе анализа соответствующих политических процессов.

На наш взгляд, основными признаками нестабильного состояния региональной политической системы выступают:

- низкий уровень политической легитимности правящей элиты;
- носящие системный характер кризисные проявления в экономической системе региона;

– нарастание числа социальных конфликтов, в рамках которых социальные требования переходят в политические.

Возможность перехода региональной системы в нестабильное состояние во многом зависит от качества осуществления политической коммуникации как внутри самой элиты, в которую входят ветви власти, так и между бюрократией и населением. В дальнейшем, ведя речь о политической коммуникации, будем использовать дефиницию, предложенную отечественным исследователем С.П. Поцелуевым: «Политический диалог есть форма дискурсивно-символического обмена, обусловленного принудительными факторами политического поля (рынка), и реализующаяся на основе взаимного рефлексивного перенимания ролей, в ходе которого имеет место трансформация позиций (интересов, идентичностей) политических субъектов по мере их перехода от иерархических отношений господства-подчинения к функциональной власти по принципу командного сотрудничества» [8, с. 68]. Многие конфликты порождаются не объективными внешними причинами, а так называемой «конфликтологической парадигмой» функционирования региональной бюрократии, не желающей профилактировать точки социально-политической напряженности.

Определенную роль в создании атмосферы непримиримого противостояния играют и дискурсивные политические практики федеральной власти. Так, политолог Т. Бурмистров пишет: «Принципиальная неуступчивость к любым видам давления – хоть даже самого сколь угодно оправданного, общественного и демократического, хоть парламентского, хоть политического, – была едва ли не самым характерным признаком нашей власти в последнее десятилетие. В новое время, которое сейчас на наших глазах

наступает, – будет видно, но в любом случае вся модель отношений между властью и обществом сейчас будет меняться, и она, видимо, не будет напоминать ни 1990-е, ни 2000-е. Опыт России показывает, что такие изменения всегда (после накопления определенного давления внутри системы) происходят резким скачком, и никто не может заранее предсказать, какую конфигурацию примет политическая система на следующем повороте» [2].

Вместе с тем многие конкретные механизмы и особенности взаимовлияния общественного мнения и изменяющихся политических институтов, характер прямых и обратных связей между ними исследованы далеко не достаточно. Так, влияние общественного мнения на функционирование и изменение политических институтов (например, политических партий и движений, парламента, избирательной системы и т.п.) в общем виде констатируется многими авторами [3; 5; 9; 11; 12; 14; 15; 16], но конкретные формы этого влияния во всем их многообразии, как правило, раскрываются недостаточно [6, с. 100]. Страна по-прежнему находится в руках коррумпированной бюрократии, своими действиями провоцирующей проявления политической и социальной нестабильности.

Сам по себе факт снижения легитимности свидетельствует о недостаточной эффективности функционирования на региональном уровне законодательной, исполнительной и судебной власти. «Уверенность в том, что какой-то институт действует правильно и в пределах своей компетенции, может ослабить сопротивление непопулярным решениям. Легитимность проявляется как осязаемый и политически важный аргумент тогда, когда граждане не согласны с действиями своих политических и правовых институтов» [4, с. 84]. В противном случае необходимо вести речь о политической депривации.

Конечно, на представлениях о демократии значительное влияние оказывают ценности постсоветского человека, формирующиеся в ходе кризиса и радикального преобразования прежней «советской» системы ценностей. В определенной степени противоречивый облик и нестабильность российской демократии, ее институтов, безусловно, связаны с этими болезненными процессами трансформации системы ценностей россиян, с мучительными попытками выработать новую, сов-

ременную систему ценностей. Однако связь между ценностными ориентациями граждан, в том числе их представлениями о демократии, с одной стороны, и стабильностью демократии, демократических политических институтов, с другой, не является простой линейной причинной связью. Ценностные предпочтения не определяют напрямую устойчивое функционирование институтов демократии [17]. Соответственно мы можем вести речь о потенциальной возможности нестабильности региональных политических режимов в субъектах РФ.

Подлинно правовое поле возникает тогда, когда правовые отношения «навязываются» всему обществу, что отметил еще П. Бурдьё, описывая социальное пространство как «совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в этом поле и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям» [1, с. 56]. Демократический режим является «утвердившимся», считают, например, политологи Р. Гюнтер, П. Диамандорус и Х.-Ю. Пуль, когда все «политически значительные» группы общества согласны с тем, что его ключевые политические институты обеспечивают «единственно легитимные рамки политического соперничества», и выражают приверженность «демократическим правилам игры» [13, с. 152]. По мнению авторов, это определение включает в себя не только институциональный параметр, но и социально-психологический параметр, поскольку речь в нем идет о восприятии существующих политических институтов как «приемлемых и не имеющих легитимных альтернатив», а также поведенческий параметр, поскольку обращает внимание на необходимость согласия всех политически значительных групп действовать в рамках установленных норм и правил [13, с. 152]. Соответственно, консенсус не возникает автоматически и к его формированию имеет непосредственное отношение правящая региональная элита, составной частью которой является законодательная, исполнительная и судебная власти.

С точки зрения автора настоящей статьи, нестабильные социально-политические состояния обусловлены не только экономическими просчетами, но и ориентацией всех ветвей власти на снижение общественно-политической активности граждан. Как зако-

нодательная, так и исполнительная, а также судебная власть, рассматривает население как гомогенное в политическом отношении социальное образование, а внедряемые в общественное сознание массмедийные стереотипы как автоматически формирующие соответствующие паттерны социального и политического поведения.

Хотя политическая культура граждан не измеряема экономическими индикаторами, тем не менее именно экономическая ситуация в стране оказывает существенное влияние на общественную атмосферу. И в 1998-м и в 2008-м годах, когда казалось, что все в развитии страны удалось, что сложился консенсус между базовыми социальными группами российского общества, кризис вносил существенные политические коррективы как на федеральном, так и на региональном уровне. Происходившие в обществе перемены означали не что иное, как постановку вопроса о лучшем политическом строе. В такие периоды были заявлены очень мощные тренды на возрождение идей социальной справедливости, общенародного государства и развития политической системы современной России. К этим идеям ветви власти оказались невосприимчивы, что сказалось и на понимании элитой идей модернизации.

К сожалению, в современной России взаимодействие законодательной, исполнительной и судебной власти не ориентировано на раннее предупреждение связанных с функционированием региона рисков и угроз. Под ранним предупреждением понимается основанная на постоянном мониторинге и компаративном анализе способность оценивать социально-культурную и политическую ситуацию в странах, регионах и местных сообществах с целью определения существующей или потенциальной угрозы конфронтации и конфликта и способность эффективно распространить соответствующую оценку для возможного принятия мер со стороны общества и государства [10, с. 7].

В связи с экономическими изменениями, происходящими на международном, национальном и местном уровнях в течение последних десятилетий, должны измениться и модели функционирования элиты в России. Вступление в ВТО уже практически предreshено, а готовности региональных экономик к изменению условий хозяйствования не наблюдается.

Почти 50 лет назад в нынешних экономически развитых государствах действовала стратегия развития, ориентированная на высокие барьеры в международной торговле и активную политику индустриализации в регионах. Идея заключалась в том, чтобы использовать региональную экономику для масштабной специализации производства различных товаров и запчастей производственно-сбытовой цепи. Эти эксперименты привели к появлению моногородов и масштабным социально-политическим кризисам в случае неконтролируемых проблем со сбытом продукции.

В результате региональные элиты стали заложниками процессов осуществления политических императивов федеральной власти, не желавшей в силу и внутренне политических соображений, отсутствия экспертного потенциала государственных учреждений учитывать надежность слабых звеньев региональных экономик. Ведущая свои истоки со времен СССР политика защиты предприятий от международной конкуренции в наши дни привела к неэффективности градообразующих предприятий и неизбежному снижению благосостояния общества.

Разработка общей программы «протеста против системы» не может дистанцироваться от проблем методик практического действия; также и практическая деятельность, трансформирующая систему, должна быть направлена на достижение определенных целей. Тем самым демонстрируется необходимость диалектической взаимосвязи стратегии и тактики современного антисистемного движения [7, с. 140–147].

Как известно, эффективность в политико-социальных системах явление многогосоставное и многозадачное, поэтому установить общеупотребительные критерии эффективности, например, регионального управления, представляется весьма затруднительным. Несмотря на попытки разработать систем рейтинг региональных и муниципальных властей, разработать всеобъемлющие индикаторы не удается в силу объективных причин. Одной из таких причин является нежелание правящей элиты учитывать влияние болевых точек, порождающих нестабильность социально-политической системы региона, а не только акцентирование внимания на системных недостатках деятельности отдельных чиновников.

В процессе модернизации необходимо будет изменить существующую структуру региональной власти, поскольку текущие экономические тенденции требуют новой институциональной среды. Региональные органы власти, независимо от их полномочий и наличия ресурсов, должны нести на себе основную тяжесть проблем создания новых механизмов мобилизации общества на решение как застарелых проблем, так и создания в социуме инновационной атмосферы.

Теоретические конструкты, необходимые для изучения возможных последствий реформ, которые связаны с повышением качества государственного управления, еще

предстоит разработать. При этом в многофакторных конструктах важно учитывать как внутренние, так и внешние факторы, поскольку в условиях глобального общества состояние внешнеполитического контекста воздействует на внутривнутриполитические процессы в регионах России. Феномен социально-политической нестабильности региональных систем еще слабо изучен, и понимание соответствующих детерминант позволит прогнозировать появление тех или иных трендов в социальной, экономической сферах, государственном строительстве и иных сферах функционирования законодательной, исполнительной и судебной власти.

1. Бурдые, П. Социальное пространство и генезис «классов» [Текст] / П. Бурдые // Социология политики. – М., 1993. – С. 56.
2. Бурмистров, Т. Человек десяти лет [Текст] / Т. Бурмистров // Русский журнал. – 2010. – 22 июня.
3. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Текст] / Р. Инглхарт // Политические исследования. – 1997. – № 4.
4. Калдейр, Г. Демократия и законность в Европейском Союзе: Европейский суд и основы его легитимности [Текст] / Г. Калдейр, Дж. Гибсон // Международный журнал социальных наук. – 1997. – № 19 (ноябрь).
5. Клямкин, И.М. Политическая социология переходного общества [Текст] / И.М. Клямкин // Политические исследования. – 1993. – № 4.
6. Лапкин, В.В. Общественное мнение и изменение политических институтов в России и на Западе [Текст] / В.В. Лапкин, В.И. Пантин / Политические институты на рубеже тысячелетий. XX–XXI в. – Дубна: Феникс+, 2001.
7. Максимов, М.А. Политические аспекты стратегии и тактики современного антисистемного движения [Текст] / М.А. Максимов // Полис. – 2008. – № 4.
8. Поцелуев, С.В. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии [Текст] / С.В. Поцелуев. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2010.
9. Рукавишников, В. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения [Текст] / В. Рукавишников, Л. Халман, П. Эстер. – М.: «Совпадение», 1998.
10. Тишков, В.А. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году [Текст] / В.А. Тишков, В.В. Степанов. – М., 2004.
11. Abrams, W. Values and Social Change in Britain [Text] / W. Abrams, D. Gerard, N. Timmus (eds.). – L., 1985.
12. Everson, D.H. Public Opinion and Interest Groups in American Politics [Text] / D.H. Everson. – N.Y., 1982.
13. Gunter, R. O'Donnell's «Illusions»: A Rejoinder [Text] / R. Gunter, P.N. Diamandorus, H.-J. Puhle // Journal of Democracy, 1996, Vol.7, N.4, October.
14. Inglehart, R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Peoples [Text] / R. Inglehart. – Princeton, 1977.
15. Key, V.O., Jr. Public Opinion and American Democracy [Text] / V.O. Key. – N.Y., 1961.
16. Putnam, R. Making Democracy Work [Text] / R. Putnam. – Princeton, 1993.
17. Weingast, B.R. The Political Foundations of Democracy and the Rule of Law [Text] / B.R. Weingast // American Political Science Review, v.91, No.2, June 1997.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*

УДК 32(571.6)

Д.В. БУЯРОВ

На сегодняшний день весьма актуальной становится концепция регионализма, как целенаправленной политики государств и их отдельных регионов по организации политического и экономического процесса сотрудничества в регионе и приданию ему системного характера. К этой модели можно попытаться отнести межрегиональное взаимодействие России и Китая.

Официальная позиция по этому вопросу озвучивается лидерами двух государств [4] и заключается в том, что в сотрудничестве между субъектами России и регионами Китая сохраняются тенденции к углублению наработанных межрегиональных контактов и расширению их географии, а также наблюдается заметный рост активности субъектов Российской Федерации по отношению к китайским регионам.

Также на высшем уровне, например, на встречах В.В. Путина и премьеры Госсовета КНР Вэнь Цзябао, регулярно говорится об укреплении межрегионального сотрудничества и разработке Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР [14]. Однако процесс принятия финансово-экономических решений неизменно переносится в политическую сферу. Система сотрудничества выстраивается не столько исходя из целесообразности развития регионов, сколько для решения экономических и в большей степени политических задач центра. Подобная политика больше подходит для небольшого унитарного государства, нежели для огромной федерации. З. Бжезинский анализирует развитие федерации как формы государственного устройства РФ и отмечает, что: «Первоначально слово «федерация» было наполнено реальным содержанием – особенно в плане местного самоуправления, а значит и права регионов распоряжаться местными финансами...» [2]. С течением времени ситуация в целом меняется. Правительство

РФ, позиционирующее страну, как федеративное государство, на деле управляет ею как унитарной страной.

Российский Дальний Восток уже давно добивается крупных ассигнований на модернизацию инфраструктуры, строительство жилья и др. Пренебрежение центра и ограниченность средств, имеющихся в распоряжении местных органов власти, ведут к тому, что жители региона уезжают в западные области России, что усугубляет последствия демографического кризиса и уменьшает шансы выгодного сотрудничества с близлежащими зарубежными странами. Общие трудности развития восточных регионов осложняются последствиями экономического кризиса. Примечательно, что на форуме в Давосе В.В. Путин сказал, что в условиях нарастающего мирового финансового кризиса необходимо оградить регионы от чрезмерного государственного вмешательства [3]. Однако на практике ситуация выглядит несколько иначе. Центральное правительство РФ стремится контролировать всю внешнеэкономическую деятельность регионов, причем иногда даже в большей степени, чем это характерно например для КНР.

Внешнеэкономическая деятельность Российского правительства на Дальнем Востоке находит не так много сторонников среди местного населения, которое считает, что федеральный центр недостаточно регулирует торговлю со странами Северо-Восточной Азии и в то же время решает эту проблему исключительно в форме запретительных мер. Так, например, ограничения на импорт японских автомобилей и челночной торговли (сокращение веса багажа с 50 до 35 кг) усиливают общественное мнение об игнорировании правительством потребностей дальневосточников.

В то же время внешняя политика России сопровождается стремлением ограничить доступ Китая к энергетическим ресур-

* Статья подготовлена при поддержке гранта Минобрнауки РФ №РНП.2.1.3/9622 «Региональная политика России на Дальнем Востоке: перспективы реализации в современных условиях».

сам постсоветских Центрально-Азиатских республик. Из-за опасений России, связанных с усилением Китая в долгосрочной перспективе, тактическое сотрудничество между странами сопровождается в стратегическом плане взаимной подозрительностью.

В Китае реализуется программа укрепления регионов, которая выражается в освоении западных территорий, подъеме центральных районов и Плана возрождения Северо-Востока Китая [8]. В России также утверждена целевая программа «Экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.». Но ее реализация в отличие от китайской программы затягивается и к окончанию сроков ожидаемые результаты, вероятнее всего, не будут в полной мере соответствовать запланированным. К тому же сама программа нацелена не столько на развитие, в том числе социальное, непосредственно регионов, сколько на реализацию общегосударственной стратегии, в основе которой лежат опасения по поводу усиления роли Китая на Дальнем Востоке. Также внимание центра к Дальнему Востоку может означать и то, что федеральные власти опасаются возникновения сепаратизма в отдаленных регионах.

Как отмечает С. Певцов: «Если у регионов не будет свободы в реализации всех вещей – экономических, политических, социальных, то никто здесь задерживаться по-прежнему не будет» [13]. По словам А. Губина, тезис президента о том, что «Москва делает все не ради внешнеполитических успехов, а ради дальневосточников, удачен, но вызывает усталую улыбку» [13]. Это свидетельствует об определенном разочаровании населения Дальнего Востока в политическом и экономическом курсе правительства.

По мнению В.Л. Ларина, российская столица зачастую не хочет (или не может) понимать и решать нужды регионов. Он пишет: «Порой возникает ощущение, что Москва просто боится развития этих (т.е. региональных) связей, возможно потому, что не в состоянии ими управлять... она с завидным постоянством тормозит выполнение давно принятых на самом высоком уровне решений» [8, с. 45]. В данном случае речь идет о ряде конкретных проблем, например, оставляет желать лучшего состояние пограничных переходов на российской стороне. Также данную тенденцию иллюстрирует вопрос о строительстве моста через р. Амур в районе г. Благовещенска, соглашение о котором было подписано в

Москве еще в 1995 г., но так и не реализовано до сих пор.

Осуществление совместных межрегиональных проектов – это важная задача центральных и региональных властей двух стран, однако полная гармонизация целей и задач сторон является сложным и противоречивым процессом. Китай рассматривает совместные проекты в первую очередь с позиций развития собственных территорий, что естественно для него. Для России такой подход не всегда приемлем, что иногда приводит к росту взаимного недоверия.

Нереализованность части проектов, необходимых для населения Дальнего Востока, и в то же время значительные уступки Китаю в рамках стратегического партнерства со стороны Российского правительства, способствует сохранению и дальнейшему развитию «комплекса обид» дальневосточников в отношении центра. Так, некоторые крупные программы центрального правительства воспринимаются достаточно неоднозначно.

В 2009 г. президент Д.А. Медведев и председатель КНР Ху Цзиньтао одобрили программу, изложенную в соглашении о сотрудничестве на 2009–2018 гг. между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР. Документ включает 205 ключевых проектов в приграничных регионах двух стран. Как следует из программы, подходы к сотрудничеству у двух стран разные. Практически все проекты на территории России основаны на добыче дальневосточного и восточносибирского сырья. РФ готова отдать в совместную разработку месторождения каменного угля, железной руды, драгоценных металлов, апатитов и молибдена и др. Китайская же сторона будет организовывать на северо-востоке страны выпуск высокотехнологичной продукции. Таким образом, сотрудничество предполагается строить по принципу «наше сырье – ваши технологии». Населением Дальнего Востока это соглашение рассматривается в качестве продолжения превращения России в сырьевой придаток Китая.

При этом ряд положительных моментов программы сотрудничества, в зеркале общественного мнения, уходит на второй план либо теряется вовсе. На первых позициях оказывается убеждение в том, что подобное партнерство осуществляется не в интересах дальневосточников, а в интересах Москвы, причем не столько экономических, сколько политических. На фор-

мирование подобного мнения влияет ряд следующих обстоятельств.

Во-первых, программа не предусматривает комплексной или частичной модернизации производственной базы Восточной Сибири и Дальнего Востока. К тому же продажа природных ресурсов, в том числе не возобновляемых, в современных условиях развития является частью недальновидной экономической политики.

Во-вторых, ведущие экономисты и ряд чиновников сходятся во мнении, что свободного трудоспособного населения вышеуказанных регионов будет недостаточно для работы в рамках заявленных проектов. Учитывая, что миграции из западных субъектов РФ не предвидится, – потребуется приток трудовых мигрантов (до 600 тыс. человек) извне, в том числе и из КНР. А дополнительное увеличение числа китайских мигрантов (легальных и нелегальных) не может быть воспринято населением Востока России положительно.

В Дальневосточном регионе демографическая напряженность является фактором «долгосрочного действия» [16, с. 179], что обусловлено непрекращающимся оттоком трудоспособного населения региона в центральные районы страны и увеличением демографического дисбаланса между Дальним Востоком РФ и Северо-Востоком КНР.

В результате проблема отношения к центральной власти формируется не столько под влиянием «угрозы китайской экспансии», сколько вследствие обиды на отношение правительства к Дальневосточному региону не как к одной из важнейших частей страны, а как к «колониальным владениям», ресурсы которых необходимо успеть использовать.

Китайские специалисты прямо озвучивают интересы КНР на Дальнем Востоке РФ. Они отмечают, что соседние регионы России и Китая могут найти беспроигрышный способ инвестиционного сотрудничества для совместного освоения природных ресурсов [17, с. 57]. При активном привлечении российских ресурсов развитие промышленной базы Северо-Востока Китая будет весьма перспективным, а также представляется возможным привлечение рабочей силы из Китая в Россию [18]. Таким образом, вполне очевидно, что в основе межрегионального сотрудничества РФ и КНР лежит заинтересованность Китая в дальневосточных ресурсах и возможности осуществлять трудовую миграцию. Однако следует помнить, что официальная пози-

ция Российского правительства и местное общественное мнение несколько расходятся по этому вопросу.

Южные районы российского Дальнего Востока находятся в зоне интенсивных кросс-культурных российско-китайских взаимодействий. В рамках этого взаимодействия для живущих здесь российских граждан понятие «китайская угроза» чаще всего отождествлялась и отождествляется с понятием «китайская экспансия» [11, с. 10]. В то же время и в самом Китае среди обывателей существуют подпитываемые страхи перед «угрозой с севера». Но для Китая движение в северном направлении АТР просто необходимо.

Примечательно, что свои национальные интересы, которые на сегодняшний день находятся преимущественно в области экономики, Китай связывает с политическими и экономическими интересами России. Декларируется, что «развитие ресурсов должно быть неизменной долговременной политикой России, если она действительно жаждет участвовать в региональных экономических процессах» [19, с. 111]. В работах китайских авторов утверждается, что укрепление экономических связей с Китаем будет оказывать благоприятное воздействие на расширение влияния России в АТР.

Однако возникают опасения, что Китай продолжит наращивание своей мощи, в том числе военной и политической, и станет все напористее проецировать ее на регион, и в том числе на Россию [1, с. 330]. Данные опасения характерны как для российского дальневосточного населения, так и для правительства. У некоторой части населения такие настроения приводят к негативному отношению к китайской культуре и ее носителям (неприятие граждан КНР) и синофобии. А у федерального правительства подобные опасения находят выражение в осуществлении курса «стратегического партнерства», как определенной попытке задобрить Китай.

В то же время, как справедливо отмечает Р.Н. Паршуков: перед Россией на сегодняшний день стоит не китайский, а русский вопрос [12, с. 137]. Иначе говоря, сможет ли Россия выйти из кризиса и стать свободной и сильной как экономически, так и политически. Усиление Китая, в том числе и на региональном уровне, происходит на фоне недостаточного развития Дальнего Востока РФ и недостаточного внимания к данному региону со стороны центрального правительства. Отставание

региона не может быть компенсировано улучшением политических отношений между двумя странами, тем более что и в этой сфере имеются противоречия.

Несмотря на определенные опасения населения Дальнего Востока относительно Китая, российско-китайские межгосударственные отношения оцениваются большинством (53,6%) как хорошие [5, с. 74]. Причем данные оценки зависят не от эффекта политических новостей, а от повседневных контактов с китайцами и связью с Китаем (шопинг, отдых и др.). Также примечательно, что по результатам опроса молодежи Приморья, проведенного в 2006 г., только 13% респондентов оценивали политику китайского правительства, как источник угроз России в АТР. Зато неправильная политика Российского правительства заняла первое место среди перечня потенциальных угроз [8, с. 44].

Часть населения Дальнего Востока считает, что отношения Москвы и Пекина имеют гораздо меньше проблем, чем российско-китайские связи на уровне регионов, в том числе и между отдельными людьми. Также определенную проблему представляют алармистские прогнозы социально-экономического развития Дальнего Востока, которые популярны в региональной прессе и научной печати и которые прочно укоренились в дальневосточном общественном мнении. Среди них выделяется чувство незащищенности от возможных внешних угроз. К числу последних можно отнести не только нерегулируемую китайскую миграцию, но и комплексную активизацию Китая в АТР на фоне не слишком эффективной политики России по отношению к ряду стран Азиатско-Тихоокеанского региона, что не может быть компенсировано двухсторонними отношениями стратегического партнерства.

Китайские исследователи так же, как и часть российских ученых, отмечают, что движущей силой стратегического партнерства является мотивация государственных интересов [10, с. 590]. При этом не всегда государственные интересы, формулируемые центральным правительством, совпадают с реальными интересами всех регионов федерации.

Как отмечает В.Л. Ларин: «В подсознании большинства российских и советских деятелей, планировавших и проводивших в жизнь дальневосточную политику России, всегда лежали и сегодня присутствуют опасения утраты этих территорий, готовность пожертвовать ими в интересах и нуждах

европейской метрополии. За полтора столетия обладания этим краем в менталитете россиян так и не сложилось его восприятие, как части своего дома...» [7, с. 7]. В свою очередь в связи с усилением отрыва Дальнего Востока от центра у местного населения формируется состояние психологического дистанцирования от политического центра.

Правительственные проекты не обеспечивают полноценного развития интеграционных процессов. В 1990-е гг. Дальневосточный регион оказался вне интеграционных процессов в АТР. В результате, как упоминается в Концепции «Дальний Восток России»: «...это стало представлять серьезную политическую проблему сохранения и укрепления целостности нашего государства, поскольку стимулирует обособленческие настроения в Сибири и на Дальнем Востоке» [5, с. 37]. В 2000-е гг. в ходе процесса укрепления государственности проблема потери территорий во многом потеряла свою актуальность, но сохранились противоречия между интересами центра и регионов.

Современные проблемы Дальнего Востока обусловлены историко-политическим контекстом его развития. Географическая отдаленность от европейской части России, сырьевой характер экономики территории, соседство с азиатскими государствами, чья культура до сих пор воспринимается в качестве чужой, и отсутствие коренных связей населения, что снижает возможность формирования «коллективной региональной души» [15, с. 99], не могут способствовать эффективному вхождению российско-Дальнего Востока в АТР.

В развитии межрегиональных связей требуется комплексный подход, который предполагает сочетание правительственных и местных интересов и предоставление большей самостоятельности регионам. Необходимо повышение значения межрегиональных и приграничных связей в системе российско-китайских отношений и превращение этих связей в движущую силу восточноазиатского регионализма.

Достаточно важным является внедрение на региональном российском уровне практики «народной дипломатии». Неформальные контакты делают процессы российско-китайской адаптации более эффективными и быстрыми, способствуют развитию диалога культур (в том числе политических культур), преодолевая враждебность к «иному» в китайской культуре, что возможно только через распространение знаний о

ней. Диалог российско-китайских культур в процессе межрегиональных отношений, которые являются наиболее массовыми по количеству участников, важен для решения политических и социально-экономических задач.

Первостепенной задачей России должна стать не просто политическая и экономическая интеграция Дальнего Востока в АТР в целом и укрепление его связей с Китаем, в частности, а интеграция на новом

уровне равного партнерства. Российско-китайские межрегиональные отношения должны базироваться на национальных интересах двух народов. Для этого необходимо поддерживать добрососедские, равноправные и взаимовыгодные связи, расширять координацию и консультации. Необходимо прилагать усилия для углубления устойчивых связей во всех сферах между двумя странами с учетом региональных интересов.

1. Бажанов, Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века [Текст] / Е.П. Бажанов. – М., 2007. – 352 с.
2. Бжезинский, З. Путинский выбор [Электронный ресурс] / З. Бжезинский. – Режим доступа: www.rgrf.ru (дата обращения: 14.03.2011).
3. Выступление В.В. Путина на открытии Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.premier.gov.ru/visits/world> (дата обращения: 14.03.2011).
4. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров Д.А. Медведева и Ху Цзиньтао // Президент России. 27 сентября 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9039> (дата обращения: 14.03.2011).
5. Козлов, Л.Е. Общественное мнение Дальнего Востока о внешней и внешнеэкономической политике России в АТР [Текст] / Л.Е. Козлов // Проблемы Дальнего Востока. – 2007. – № 3. – С. 70–81.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации [Текст] // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия в 2 т. Т. 2. Документы. М., 1999. 512 с.
7. Ларин, В.Л. Дальний Восток России в Восточной Азии: проблемы внешнего воздействия и взаимодействия [Текст] / В.Л. Ларин // Северо-Восточная Азия: проблемы регионального взаимодействия (История и современность). – Владивосток, 2003. – С. 3–21.
8. Ларин, В.Л. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века [Текст] / В.Л. Ларин // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 2. – С. 41–53.
9. Ли, Фэнлинь. Углубляя региональное сотрудничество, стимулировать совместное развитие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dvforum.ru (дата обращения: 14.03.2011).
10. Ли, Цзинцзе. Россия во внешней политике КНР [Текст] / Ли Цзинцзе // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. – М., 1999. – С. 580–591.
11. Лузянин, С.Г. Сводный отчет по сетевому, межрегиональному проекту: «Российско-китайское сотрудничество: региональное (сибирско-дальневосточное) измерение». 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ino-center.ru (дата обращения: 14.03.2011).
12. Паршуков, Р.Н. Россия и страны АТР [Текст] / Р.Н. Паршуков. – Владивосток, 2006. – 272 с.
13. Политологи: Визит Медведева будет иметь далеко идущие последствия для Дальнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: deita.ru/view/dalnij-vostok (дата обращения: 14.03.2011).
14. Россия и Китай – стратегическое сотрудничество продолжается // viperson.ru
15. Цыганок, Н.А. Перспективы регионального сотрудничества в АТР [Текст] / Н.А. Цыганок // Россия и АТР. – 2009. – № 3. – С. 97–103.
16. Чистяков, А.Н. Некоторые угрозы безопасности пограничных территорий Дальнего Востока [Текст] / А.Н. Чистяков // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения, 2003 г.). – Владивосток, 2006. – С. 179–182.
17. Ши, Чуньян. Расширение экономического сотрудничества между Северо-Востоком Китая, Сибирью и Дальним Востоком России [Текст] / Ши Чуньян // Россия и АТР. – 2009. – № 3. – С. 52–57.
18. Го, Леньчэн. Чжунэ цюйюй цзинцзи хэцзо луцзин танси [Текст] / Го Леньчэн // Дунбэй танлун. – 2007. – № 3. – С. 46–48.
19. Lu, Nanquan Chinese Views of the New Russia [Text] / Lu Nanquan // Rapprochement or Rivalry?: Russia-China Relations in a Changing Asia / Ed. by Sh. W. Garnett. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2000. 157 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И СЕТИЗАЦИЯ ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА

УДК 323:574

О.П. ПЕТРОВА

Экологическая политика как политико-экономическая реальность уже в течение длительного времени находится в сфере интересов ведущих представителей отечественной и зарубежной политологических научных школ [1, 2].

Вместе с тем в политологической литературе вопросы, касающиеся как особенностей самого политического процесса, так и экологической политики, по-прежнему остаются дискуссионными и актуальными. Прежде всего это касается характеристики политических акторов экологической политики.

Интенсивная динамика управленческих практик и механизмов формирования экологической политики постоянно усложняет область решения указанных задач в политико-административной сфере. Политическая практика и научная мысль зачастую не успевают за этими изменениями, испытывая дефицит должных обобщений и прогнозных рекомендаций. Такое положение неминуемо ведет к тому, что характеристика политических акторов экологической политики на уровне регионов в значительной степени подвергается сугубо дескриптивному описанию и тем самым не способствует осмыслению места экологической политики в системе политического процесса в целом.

Целью данной статьи является изучение роли в формировании региональной экологической политики такого политического актора, как третий сектор и зарождающийся в нем процесс сетизации экологического движения. Решение указанной научной проблемы позволяет прояснить и политические региональные приоритеты экологической политики в современном политическом процессе, определяющие её особенности.

Важно то, что именно региональный уровень позволяет исследователю политического процесса изучить его определяющие факторы. Характеризуя целостность, системность и сетизацию экологической

политики, политологи определяют её местоположение в структуре деятельности государства, раскрывают её внутреннее содержание, типологию и иные параметры [10, 11]. Такой подход дает возможность и для теоретической идентификации региональных механизмов формирования экологической политики [9].

Новая реальная экологическая ситуация потребовала некоторого пересмотра многих методологических подходов в изучении региональной экологической политики, предполагающего её рассмотрение с позиций политического ракурса проблемы в свете сближения акторов политического процесса. Применение этих новых подходов позволяет понять, что региональные приоритеты экологической политики в современном политическом процессе опосредованы самим характером российской власти и сложившимися традициями и опытом в системе политико-экономических отношений в России, а также спецификой сформировавшегося регионального политического режима.

Экологическая политика Свердловской области рассматривается нами как процесс взаимодействия акторов, действующих в политической системе. В связи с этим основным предметом анализа выступает институциональная система экологической политики, то есть структура регионального гражданского общества, вся совокупность сложившихся в местном сообществе правил взаимодействия между политическими и социальными субъектами, а также механизмов, обеспечивающих их выполнение.

Современный этап экологического движения в России специалистами относится к этапу институциональной работы. Это означает, что экологический сектор гражданского общества работает в режиме экологических неправительственных организаций, используя и разрабатывая по большей части формы общественного участия в экологической политике. Экологическое движение в Свердловской области пред-

ставлено отделением конструктивно-экологического движения России «Кедр» (в 2002 г. преобразованного в Российскую экологическую партию «Зеленые»), Свердловским региональным отделением Центра экологической политики и культуры, Уральским экологическим союзом и другими организациями. [3]

Неустойчивость статусных позиций, дефицит ресурсов любого рода, необходимость финансовой поддержки, сложности в отношении с властями и бизнес-структурами типичны для перечисленных региональных экологических групп. Очевидно, что в региональном политическом поле принятия решений соотношение сил между частным сектором, правительственными структурами и объединениями третьего сектора складывается не в пользу последних.

Деятельность же Общественной палаты РФ, как и местной Общественной палаты в плане экологической политики, крайне не результативна. Её усилия сводятся зачастую лишь к общим предложениям* [4].

В целом по области экологические общественные организации составляют 3% всех общественных объединений, их насчитывается 19 [8]. Слабость и низкая активность экологического движения объясняется особенностями российского национального и регионального экологического сознания.

Действия гражданского общества в Свердловской области в плане реализации экологической политики направлены на влияние на власть путем оказания давления для принятия экологически правильных политических решений. Так, например, активность экологов зачастую основана на осознании ценности национального достояния России для миллионов людей. На Урале жизнью и гордостью людей были градообразующие заводы. Сегодня экологи испытывают когнитивный диссонанс: с одной стороны, приходится бороться против заводов, которые дают работу и определяют весь уклад жизни больших групп людей, с другой, эти предприятия загрязняют среду и вредят здоровью всех людей.

В новой Концепции экологической безопасности Свердловской области на пери-

од до 2020 г. среди основных принципов экологической политики указывается консолидация усилий органов власти, организаций и граждан; говорится о разработке и реализации совместных мероприятий и «обеспечении участия общественности в принятии решений» [7].

В связи со складывающимся лишь с недавних пор относительно благоприятным политическим контекстом развивается сеть организационных экологического образования, увеличивается количество информационных эконоПО. Многие из них предпочитают кампании информационных акций. Традиционные политические способы влияния в регионе используются слабо и они недостаточно эффективны: экологические группы сравнительно редко прибегают к легальному лоббированию, судебным искам, референдумам. Формы неинституционального протеста в настоящее время используются движениями в конкретных кампаниях наряду с другими (например, акции в Первоуральске и Ревде против строительства без общественной экологической экспертизы нового электросталеплавильного цеха ЗАО «НСММЗ»). Однако, как показывает политическая практика региона, в целом время массовых уличных акций экологического протеста уже прошло. Экологическая информированность, поворот властей к сотрудничеству наполняются новым политическим смыслом. «Время политической эффективности может наступить при условии рефлексирования движением новых возможностей и эффективного использования последних в качестве ресурсов» [6].

Вообще организованное экологическим движением местное население должно рассматриваться как равноправный политический актор, участвующий в процессе выработки региональной экологической политики, и сверх того – рассматриваться в качестве равноправного партнёра в политическом процессе. Это означает, что местное население во избежание отчуждения от принятия важнейших политических решений в регионе [5] должно овладеть достаточным уровнем экологической культуры для разработки практических рекоменда-

* В Екатеринбурге работала комиссия Общественной палаты РФ по охране здоровья и экологии. Май 2010.

ций в сфере экологической политики.

В плане повышения качества законодательных и нормативных документов общественные палаты субъектов федерации малоэффективны. Общественная палата Свердловской области демонстрирует низкую степень эффективности экологической деятельности. Анализ показал, что степень эффективности данного совещательного органа в качестве канала представительства общественных экологических интересов зависит от таких факторов, как финансовая автономия, источники финансирования совещательного органа и его положение в политической системе региона. Эффективность региональной и местной Общественной палаты в плане участия в выработке региональной экологической политики можно повысить, если их деятельность будет институционально связана с исполнительной или законодательной властью, если этот консультативный орган будет иметь в своём распоряжении бюджетные средства, а входящие в его состав эконПО будут иметь альтернативные источники финансирования.

Сотрудничество органов власти Свердловской области, бизнеса и эконПО может осуществляться посредством таких механизмов, как заключение соглашений о сотрудничестве; работа совместных советов и комиссий; совместная выработка мер экологической политики; проведение постоянно действующих «круглых столов», создание и развитие инфраструктуры взаимодействия всех акторов экологической политики.

В более узком смысле экологическое движение представляет собой самосохранительную реакцию местного населения на потребительскую тенденцию современной модернизации. Когда принцип «коллективной безответственности» (по выражению У. Бека) господствует, то население вынуждено само быть адвокатом среды своего жизнеобеспечения и её экологической безопасности [11]. Но, чтобы голос населения был услышан властью, оно вынуждено объединяться в гражданские инициативы или экологические общественные движения либо вступать во взаимодействие с существующими экологическими и другими общественными организациями. Значит, экологические инициативы и дви-

жения становятся важнейшим механизмом выработки экологической политики.

Итак, характеристика состава действующих политических акторов экологической политики Свердловской области показывает их асимметричный характер влияния. В этих условиях активность экологического движения не должна быть разрушительной. Повышение роли эконПО в региональной экологической политике невозможно без объединения их усилий и создания сетевой структуры [10].

Сетевая деятельность – это взаимодействие в сети между экологическими теми группами и организациями, которые реализуют схожие задачи в области природоохранной деятельности. Общими усилиями экологических организаций в сети могут проводиться мониторинги, разработка стратегии деятельности по решению поставленных задач в области экологии, выработка стратегии межсекторного взаимодействия, продвижение выработанных принципов в регионах – участниках сети. Все это способствует усилению потенциала эконПО.

Сегодня вместе с совершенствованием приемов и методов деятельности экологических организаций нарождается и этот новый – сетевой – тип отношений и организации в этой сфере политической деятельности. Он порождает новые явления и потому оказывается тесно связанным с такими понятиями, как горизонтальные связи, снижение отчуждения общественной деятельности, распределенная деятельность, проектная деятельность, временная общественная группа, общность ресурсной базы, расширение степени открытости, узлы, зеркала, законы жизни экологической организации в виртуальном пространстве, мобильность ресурсов экологических организаций и т.д. Многие эти явления пронизывают различные стороны взаимоотношений всех политических акторов экологической политики, включая и третий сектор. Однако необходимо помнить, что, во-первых, консолидация (т.н. сетевое объединение) происходит на этапе успешного функционирования экологических организаций, когда идет их рост, расширение сферы деятельности и общественной поддержки. Во-вторых, подобная консолидация возможна при благоприятных внешних условиях. При игнори-

ровании государством таких организаций гражданского общества, а также состоянии системного социально-экономического кризиса, их союз (как с государством, так и между собой) зачастую оказывается невозможен. Однако сейчас происходит постепенное изменение ситуации в плане признания региональной властью влияния экологической общественности.

В связи с целым рядом исторических причин сомнительны сегодняшние попытки преподнести российское гражданское общество как главного партнера властных структур. Оно постепенно становится партнером, но не главным, а главным является второй сектор – крупный бизнес.

Одним из итогов экологической политики последних двух десятилетий в Свердловской области явилось то, что её финансирование перешло в основном к крупному бизнесу (с участием или даже без участия государства) [1]. Экологические проблемы переходят в зону ответственности отчасти

бизнеса, отчасти – третьего сектора.

В связи с этим перед региональной властью встаёт задача – выстраивать особые способы содержательного партнерства со вторым и третьим секторами:

- с бизнесом – обсуждать и реализовывать стратегию экологически обоснованной модернизации промышленности региона;
- в партнерстве с третьим сектором и малым бизнесом – формировать экологическую политику, направленную на повышение безопасности и качества жизни.

Итак, политологами и активистами экологического движения в последнее время фиксируются процессы несбалансированности экологической политики, в связи с чем необходимо сделать вывод, что модель экологической политики в Свердловской области должна выстраиваться по методу «треугольника» (власть, эконоНПО, научное сообщество), в котором не будет выраженного доминирования ни одной из сторон.

1. Васецкий, А. Государственная региональная политика: основные направления оценки эффективности [Текст] / А. Васецкий, С. Зуев // Власть. – 2010. – № 7. – С. 4–10.

2. Вебер, А. Человечество и экологический императив [Текст] / А. Вебер // Свободная мысль. – 2009. – № 1. – С. 77–90.

3. Веселов А.К. Экологическое движение России на рубеже тысячелетий: правовые проблемы и перспективы развития – Уфа: Даурия, 2003. – 344 с. – С.34.

4. Официальный сайт Министерства здравоохранения правительства Свердловской области. – Режим доступа: <http://www.mzso.ru/news/lastnews/1074/22> (дата обращения: 06.05.2011).

5. Экологическая политика и гражданское общество: (региональный опыт) [Текст] / Отв. ред. В.М. Захаров. – М.: Центр экологической политики и культуры: Центр здоровья среды, 2008. – 363 с. – С.23.

6. Здравомыслова, Е. Экологическое движение в России [Электронный ресурс] / Е. Здравомыслова, М. Тысячнюк. – Режим доступа: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik6/6_redact.htm (дата обращения: 24.03.2011).

7. Концепция экологической безопасности Свердловской области на период до 2020 года // Пост. правительства Свердловской области от 28.07.09 г. № 865-ПП.

8. Орешкина, Т.А. Общественные движения и активность населения в старопромышленных городах Урала [Текст] / Т.А. Орешкина // Эмпирические исследования гражданского общества. Сб. материалов общественных слушаний (25.09.09). – М.: Общественная палата РФ, 2009. – 200 с. – С.121.

9. Славин, Б. Как понимать природу политики [Текст] / Б. Славин // Свободная мысль. 2008. – № 4. – С.111.

10. Яницкий, О.Н. Экологическая политика как сетевой процесс [Текст] / О.Н. Яницкий // Полис. 2002. – № 2. – С.43 – 55.

11. Яницкий, О.Н. Поток и «место»: К проблеме локального социально-экономического знания [Текст] / О.Н. Яницкий // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 2.

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СМИ КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ЖУРНАЛИСТИКИ

УДК 328.181:654.19

А.А. ЗАЙЦЕВА

Социальная политика – одна из важнейших составляющих жизни любой страны, потому что она затрагивает так или иначе каждого человека. Реформы, происходящие в последнее время в этой сфере в России, становятся объектом пристального внимания со стороны как практиков, так и исследователей. В результате этих преобразований предполагается вывести социальную политику государства на качественно иной уровень, и перемены затрагивают все сферы жизни – от политики и экономики до культуры и спорта. Кроме того, особое значение социальная политика приобретает в свете складывающейся экономической ситуации, которая имеет большое влияние на социальные показатели.

Условием действенности и результативности социальной политики является системность, так как в социальных процессах участвуют все основные общественные и государственные институты – власть, бизнес, общественные и некоммерческие организации, все общество в целом. «В системе социальной политики увязаны в единый взаимосвязанный комплекс такие составляющие, как объект политико-управленческого воздействия – социальная сфера общества, и политико-управленческий комплекс, который обеспечивает артикулирование и агрегирование социальных интересов, нужд и потребностей общества» [5, с. 10].

Политическая система состоит из государственных органов, которые являются непосредственно частями государственного механизма, и институтов гражданского общества, которые предполагают вовлечение граждан в общественную жизнь и способны оказать или оказывают влияние на государственную власть. Журналистика как общественный институт также является участником социальной политики. И одна из ключевых категорий, вокруг которой нужно строить систему взаимоотношений прессы и политики, – это гражданское общество, формируемое снизу, через самодеятельность населения. «Гражданское общество является самоорганизующейся и саморазвивающейся системой. Однако оно развивается гораздо успешнее, когда для

этого создаются благоприятные политические условия... Оно возникает с появлением самостоятельного индивида, наделенного определенным комплексом прав и свобод и в то же время отвечающего пред обществом за свои поступки» [2, с. 19].

Журналистика имеет большое значение для формирования и развития гражданского общества, предоставляя всем участникам процесса необходимую информацию для реализации своих прав и давая возможность озвучить свою точку зрения. Именно на прессу возлагается задача донести до общества идею, основные принципы гражданского общества, приемы и особенности его функционирования, пробудить интерес и активность людей, мобилизовать их на позитивную деятельность в данном направлении. В связи с этим актуализируется роль прессы в ракурсе информационного обеспечения социально-политических процессов.

Формирование системы взаимоотношений между журналистикой и социальной политикой происходит в том числе за счет специфических признаков института массовой коммуникации: это аккумуляция разного рода знаний, имеющих отношение ко многим общественным институтам, общедоступность и параллельное воздействие или дублирование функций других сфер жизни человека. Особенность функционирования СМИ в том, что они не вырабатывают управленческих, политических решений, законов. Они должны создавать такую социально-информационную ситуацию, когда любое решение может быть подвергнуто общественным мнением социальной экспертизе, оценке, принятию, одобрению или непринятию и активному (пассивному) сопротивлению. Именно поэтому наименование «четвертая власть», которое часто употребляют по отношению к журналистике, является популярным клише и не отражает реальных отношений прессы с другими общественными и государственными институтами. Обладание властными функциями в реальности не имеет ничего общего с тем институтом журналистики, который складывался исторически.

Движение, обмен информацией между элементами общества, государства – необходимое условие обеспечения социально-политической стабильности и устойчивости политической системы. Диалог между обществом и властью обеспечивает существование публичной политики, которая противодействует развитию бюрократии. СМИ, и особенно телевидение, сегодня играют доминирующую роль в осуществлении публичной политики, являясь основным инструментом для выражения общественного мнения и во многом влияя на его формирование.

Одним из критериев эффективности социальной политики государства является социальное настроение. Как сформулировали Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко, социальное настроение – это «целостная форма жизнеощущения, доминантная форма реального функционирования общественного сознания и поведения, отражающая уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой или населением, различными организациями и институтами социальных установок, социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием реальных экономических, политических и духовных процессов и в потенции реализуемых (или нереализуемых) в процессе практической деятельности» [4, с. 21]. Этот индикатор охватывает такие важные показатели жизни, как демография, оплата труда, здравоохранение, безопасность, социальная защита, то есть то, что как раз входит в сферу ответственности социальной политики государства.

Важно подчеркнуть отличие социального настроения от общественного мнения, так как последнее выражает отношение только к актуализированной информации, имеющей значение в данный конкретный период. В то время как социальное настроение подразумевает весь комплекс отношений, целей, устремлений и оценок в ходе духовно-практического освоения мира.

Формирование полноценного устойчивого социального настроения невозможно, если индивиды и социальные группы не получают информации о ряде социально-экономических показателей, которые являются индикаторами общественного благополучия или неблагополучия. В последнее время эти показатели все чаще обозначают как индикаторы «качества жизни». Принято считать, что эта категория определяется доступностью материальных и культурных ценностей, физическим и моральным здоровьем общества, достойными условиями

труда, охраной окружающей среды и другими социальными достижениями.

Социальное настроение во многом зависит от социальной политики государства, так как традиционно в России придерживаются патерналистского подхода, когда власть является основным гарантом социальной стабильности. Вместе с тем на социальное самочувствие граждан оказывает влияние вся информация, которая циркулирует в обществе. И здесь нужно сказать о том, что параллельно существуют три взаимопересекающиеся и взаимодополняющие картины мира. Во-первых, это собственно тот реальный образ, который складывается в результате взаимодействия всех участников социальной политики. Во-вторых, это тот образ, который складывается у отдельных социальных групп и индивидов. Наконец, это медиаобраз, который формируется средствами массовой информации на основе того, какие темы и информационные поводы они выбирают для сюжетов, какие герои этих материалов, кому сочувствуют авторы и кому адресуют свои выступления. И очень важно понять, насколько этот образ соответствует действительности и как расхождения с реальной картиной жизни могут повлиять на социальное самочувствие граждан, а значит, на возможность достижения ими своих целей, осуществления гражданских прав и свобод.

Рассматривая социальную журналистику в рамках формирования системы гражданского общества, необходимо уделить особое внимание таким функциям, как формирование активной гражданской позиции и обеспечение гражданского участия. Эти две функции тесно взаимосвязаны между собой. Отсутствие возможности участия в решении общественно значимых вопросов уменьшает и активность позиции – снижается деятельный интерес к проблеме. В то же время без активной гражданской позиции маловероятно сознательное участие в социальной политике. *Д.В. Антонова* выделяет следующие признаки, по которым можно выявить и оценить реальную готовность СМИ обеспечивать информационное участие аудитории:

- как часто читателям, слушателям, зрителям, пользователям предоставляется возможность высказать свою точку зрения;
- в связи с какими проблемами редакция обращается к мнению аудитории;
- кто задает проблематику такого обсуждения: журналисты или аудитория;
- существует ли возможность для развернутого, всестороннего обсуждения проблемы;

- какие формы, методы работы используются для привлечения граждан к работе в СМИ;

- какие суждения аудитории представлены: констатирующие, оценочные, фактографические или развернутые аналитические;

- в какой мере жизнедеятельность и воззрения различных социальных групп и слоев представлены в содержании материалов, проходящих по каналам массовой информации [1, с. 96–111].

Информация о состоянии социальной сферы является источником принятия жизненно важных решений и стратегий как для государства в целом, так и для конкретного человека. Обладание такими сведениями дает ощущение уверенности в будущем или наоборот заставляет человека быть сдержаннее в своих запросах. Делая актуальные вопросы социальной политики доступными для общества во всей их полноте, СМИ способствуют информированию индивидов, их социализации, способствуют возможности реализации гражданских прав. При этом массмедиа выступают в качестве посредника между властью и обществом и позволяют участникам социального процесса публично обмениваться мнениями, точками зрения. Также это позволяет реализовывать функцию социального контроля.

Какое значение имеет для социального настроения то, как будет отражена сфера социального на страницах газет, в теле- и радиоэфире? Социальное настроение определяет практическую готовность индивида к действию и показывает с высокой вероятностью направленность поведения. «Устойчивое полноценное социальное настроение функционирует лишь в условиях реализации законодательного права граждан на получение полной и объективной социологической и статистической информации. Сюда входит и определение обязательного для опубликования круга социально-экономических показателей, «индикаторов» общественного благополучия» [4, с. 146]. Такое отображение социальной информации может стать основой единой системы координат в социальной политике в рамках гражданского общества.

Говоря о медиаобразе, формируемом городским телевидением, петербургские журналисты соглашаются с тем, что журналистика формирует «вторую реальность», но не наделяют этот термин исключительно положительным или отрицательным смыслом. С одной стороны, средства массовой информации идут по пути виртуализации,

превращая факты в инфотеймент. Увеличение аполитичности и развлекательности СМИ ударяет, в первую очередь, по самим же журналистам. По данным Национальной ассоциации телевещателей, «за последние годы телеаудитория уменьшилась на 15–25%, причем в первую очередь за счет молодых, профессионально и социально активных зрителей в возрасте от 20 до 40 лет. Став более требовательными и разборчивыми, они «ушли» в сегменты кабельного и спутникового ТВ, Интернета, DVD» [3, с. 6].

С другой стороны, картина жизни в журналистике всегда будет развиваться параллельно с действительностью. Во-первых, каждый корреспондент видит событие своими глазами, и его точка зрения в разном возрасте может отличаться. Во-вторых, пресса привлекает внимание не только к общеизвестным и очевидным проблемам, но и к тем, которые касаются ограниченного круга лиц, но от этого не теряют своей остроты и актуальности. Наконец, журналистский текст – это творчество, а творчество использует художественные приемы, в том числе драматизацию события.

Другой вопрос, насколько сильно субъективное и художественное влияет на фактологию и достоверность материалов. Однако журналистика, даже несмотря на формирование гиперреальности, все равно остается средством социального контроля. Причем не посредством обличения власти, а через привлечение внимания общества: когда проблема становится заметной, о ней начинают говорить. Социальный контроль реализуется в том, что общество признает тот или иной вопрос проблемой, а задача журналиста – донести до общества информацию о том, что такой вопрос существует.

Определить качественный уровень отражения информации социальной сферы в прессе можно с помощью следующих критериев:

1. Тематическое соответствие материалов журналистов реализуемой политике и запросам общества.

2. Представленность субъектов социальной политики в материалах СМИ.

3. Характер отражения социальной информации.

В рамках тематического соответствия необходимо рассматривать такие характеристики, как тематическое разнообразие и информационные поводы выступлений журналистов. Это позволит сделать общий анализ тенденций в информационной политике редакций. Для более детального

изучения нужно исследовать форму подачи материалов: носят ли они событийный или аналитический характер, тяготеют к оценочным или фактографическим. То есть, работает ли журналист только по факту события или привлекает дополнительный материал, который позволяет проследить причинно-следственные связи явления. Дает ли автор какую-либо оценку участникам событий или старается сохранять объективность. Наконец, третьим этапом исследования является характеристика основных спикеров по данной теме, к которым обращается та или иная редакция. Разделить действующих лиц можно в зависимости от их социального положения (представители власти, бизнеса, общественных организаций, руководители, рядовые сотрудники организаций, представители рядовой аудитории).

На основе приведенных выше критериев были исследованы темы занятости, поддержки института семьи и работы городского транспорта в петербургском телеэфире в 2009-м году. Были проанализированы выпуски двух редакций новостей – программа «Вести – Санкт-Петербург» (телеканал «Россия») и программа «Пе-

тов оказалась тема поддержки института семьи (79 материалов).

Подробный контент-анализ современной телевизионной картины мира на примере новостей, выходящих в Санкт-Петербурге, выявил ряд особенностей, влияющих на формирование медиаобраза. Прежде всего, современные журналисты грешат формальным подходом к выбору темы: чаще всего инициаторами обсуждения являются официальные источники, органы власти. Как это видно на примере таблицы 1, именно органы администрации и государственных структур обнаруживают вопросы и проблемы для журналистов в большинстве случаев, в то время как обращения других институтов уделяется значительно меньше внимания.

Соответственно, это сказывается и на выборе героев сюжетов. Чаще других в качестве ответчиков или экспертов в телеэфире выступают официальные лица, представители администраций. Так как для объективности картины законы журналистики требуют предоставить несколько точек зрения, то за альтернативным мнением корреспонденты обращаются преимущественно к жителям города. Остальные участ-

Таблица 1

Инициатор обсуждения темы

Телеканал	Название темы	1	2	3	4	5	6	7
Петербургский час (5 канал)	Занятость	11	2	1	5	1	2	2
	Поддержка института семьи	9	4	1	–	–	5	3
	Работа городского транспорта	5	–	1	4	–	–	10
	Итого:	25	6	3	9	1	7	15
Вести – Санкт-Петербург (Россия)	Занятость	47	3	9	13	7	1	12
	Поддержка института семьи	26	10	3	–	1	9	8
	Работа городского транспорта	38	7	–	1	1	3	45
	Итого:	111	20	12	14	9	13	65

Примечания:

1. Представители власти, госорганизаций
2. Представители правоохранительных органов
3. Общественные организации
4. Представители бизнеса, руководители
5. Рядовые сотрудники организаций
6. Жители города
7. Другое

тербургский час» (5 канал). Всего за 2009 год вышло 310 материалов на перечисленные темы, из них больше всего по работе городского транспорта (116 материалов), затем по вопросам занятости (115 материалов) и менее востребованной у журнали-

стики социальной политики зачастую остаются за кадром медиаобраза Петербурга. Как видно из таблицы 2, позиция жителей города активно используется журналистами в материалах, однако это создает только двухполюсную картину жизни, в то

Герои материалов

Телеканал	Название темы	1	2	3	4	5	6	7
Петербургский час (5 канал)	Занятость	16	2	2	8	10	11	2
	Поддержка института семьи	9	–	2	2	5	20	–
	Работа городского транспорта	6	1	–	8	7	5	6
	Итого:	31	3	4	18	22	36	8
Вести – Санкт-Петербург (Россия)	Занятость	45	9	9	28	51	21	1
	Поддержка института семьи	39	12	3	5	10	67	4
	Работа городского транспорта	43	10	1	20	26	42	3
	Итого:	127	31	13	53	87	130	8

Примечания:

1. Представители власти, госорганизаций
2. Представители правоохранительных органов
3. Общественные организации
4. Представители бизнеса, руководители
5. Рядовые сотрудники организаций
6. Жители города
7. Другое

время как в реальности каждая проблема затрагивает гораздо больше участников.

С одной стороны, такое внимание к простому человеку – это попытка наладить более тесный контакт с аудиторией, с другой, – возникает противоречие между целями журналиста и запросами общества, так как зрителям интересны, прежде всего, точки зрения других участников процесса для уточнения своих приоритетов и формирования социального настроения.

Также обращает на себя внимание большая доля негативных материалов при минимальной демонстрации позитивных примеров, в особенности в сфере семейной политики. Дисбаланс интереса журналистов к скандалам, происшествиям и различным отрицательным явлениям – это одно из проявлений асоциальности журналистики в целом. При том, что из 310 материалов только 38 были аналитическими, остальные отработаны в событийном ключе без вникания в суть проблемы.

Таким образом, мы говорим о том, что журналистика не отражает адекватную картину окружающего мира в силу ряда

объективных и субъективных причин. Формирование медиакартины зависит от следующих факторов:

1. Выбор темы обуславливается в том числе ее зрелищностью и драматичностью, так как телевидение требует демонстрации видеоряда.

2. Предпочтение отдается наиболее доступным темам, в том числе и происшествиям, появление которых в эфире создает атмосферу оперативности.

3. Трактовка реальности зависит от творческих способностей и предпочтений журналиста.

4. Слабо развита социологическая культура журналиста, которая требует критического подхода к работе с темой.

Все эти факторы оказывают влияние на формирование социального настроения аудитории петербургских теленовостей. Преодоление дисфункций журналистики позволит населению получать более полную информацию о своих правах и возможностях, что в результате будет способствовать развитию гражданского общества.

1. Антонова, Д.В. Гражданское участие и информационное участие (к определению понятий) [Текст] / Д.В. Антонова // Вестник Московского ун-та. – Сер.10. – Журналистика. – 2006. – №1.

2. Бурцев, В.М. Государственная молодежная политика как фактор становления гражданского общества [Текст] / В.М. Бурцев: Автореф. дис... канд. полит. наук. – СПб., 2007.

3. Вартанова, Е.Л. Российские СМИ после социализма: политика vs потребление [Текст] / Е.Л. Вартанова, С.С. Смирнов // Вестник Московского ун-та. – Сер.10. – Журналистика. – 2006. – №1.

4. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение [Текст] / Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко. – М., 1996.

5. Ялов, Д.А. Эффективность социальной политики в современной России [Текст] / Д.А. Ялов: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2007.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК 32

В.В. РУДОЙ, А.В. ПОНЕДЕЛКОВ, В.Д. ЛЫСЕНКО

Современная политическая наука динамично развивается во многих странах мира, в том числе и в России, где анализируют итоги двадцатилетнего развития политологии в условиях демократизации общества. Представление о становлении политической науки на Юге России позволяет составить материалы социологического исследования, проведенного при подготовке научной конференции «Политическая наука на Юге России: становление, современное состояние и основные направления развития», прошедшей в Ростове-на-Дону на базе Северо-Кавказской академии государственной службы.

Социологической группой СКАГС в 2009 г. были проведены экспертные опросы ученых-политологов и представителей региональных органов власти.

Всего опрошено 295 экспертов-политологов из 13 субъектов РФ Юга России, а также в городе Москве, во втором опросе ответы дали 363 государственных служащих из 13 субъектов РФ ЮФО.

В качестве респондентов, опрошенных в рамках социологического исследования, по проблемам развития политической науки на Юге России, организаторы определили две группы: государственные служащие и ученые.

Первые по своему роду деятельности с политической наукой непосредственно не связаны, их служебная деятельность по определению должна быть нейтральной по отношению к политике, деполитизированной, хотя и связана с претворением политических решений в жизнь, использующей их знания, умения и опыт для практической реализации политики государства.

Однако для суждения по предложенным исследователями вопросам респонденты данной категории имеют определенные основания. Почти половина из них (46,81%) имеют опыт работы в политических партиях и в общественных организациях, все имеют высшее образование (в т.ч. экономическое и управленческое – 30,43%; юридическое – 23,80%), а 3,20% – имеют ученую степень по политическим наукам.

Многие госслужащие не просто слышали о политической науке, не только имеют какое-то представление о ней, но и проявляют интерес к ней и даже отдают предпочтение определенным политологическим исследовательским центрам. На вопрос: «Работа каких политологических исследовательских центров на Юге России вам известна?» почти 40% не просто дали ответ, но и назвали конкретные исследовательские центры и группы. Наиболее часто называют: СКАГС – 41 респондент, ЮНЦ РАН – 26, ИППК при ЮФУ – 11, ЮРРЦ – 10, Краснодарский краевой социологический центр – 8, СКНЦ ВШ ЮФУ – 7 и другие. Всего названо 40 исследовательских организаций.

Это свидетельствует о том, что исследовательская деятельность политологов интересна не только профессионалам, но и чиновникам, обеспечивающим реализацию политических целей государства. А это уже шаг к использованию знаний, вырабатываемых политологами в практической управленческой деятельности.

Вторая группа – ученые, которые имеют полное основание судить о состоянии современной политической науки, так как все респонденты участвовали в политических исследованиях, 79,57% имеют ученое звание профессора или доцента, а более трети – ученые степени в области политических наук (в т.ч. доктора политических наук – 12,91%; кандидата политических наук – 22,93%), около половины из них (47,59%) имеют опыт работы во властных структурах, а четвертая часть (25,33%) являются членами диссертационных советов, каждый четвертый (25,87%) получал в последние годы гранты на проведение политических исследований.

Таким образом, научно-педагогический статус и служебный стаж (опыт) позволяют респондентам оценивать состояние развития политической науки на Юге России и востребованность политических знаний органами государственной и местной власти, условия и факторы, влияющие

на повышение эффективности политических исследований.

О том, что политические исследования проводятся по актуальным вопросам, отражающим интересы государственного и муниципального управления, свидетельствуют ответы государственных служащих и ученых на вопрос: «На ваш взгляд, востребованы ли сегодня политологические исследования в управленческой практике государственных служащих?»

Таблица 1

Ответы на вопрос	Госслужащие	Ученые
1. Да, конечно, востребованы	33,43%	40,68%
2. Хочется верить, что востребованы	27,07%	23,73%
3. Да, востребованы в политических кругах	30,11%	30,85%
4. Думаю, что не востребованы	8,56%	3,39%
5. Другое	0,83%	1,36%

Приведенные ответы показывают, что госслужащие и ученые почти одинаково (60,50% служащих и 64,41% ученых) оценивают полезность проводимых исследований как для органов власти, так и для политических организаций.

Изучение мнения респондентов позволяет сделать предположение о том, что ответы на первый вопрос даны с достаточным знанием дела, что подтверждается ответами на открытый вопрос: «Какие проблемы политологии, по вашему мнению, сегодня наиболее перспективны и нуждаются в научной разработке?» – 60,06% госслужащих и 81,36% ученых назвали те или иные актуальные, на их взгляд, проблемы.

Ученые в своих ответах назвали 58 таких проблем. Причем многие из названных учеными проблем по своему содержанию совпадают с теми, которые назвали служащие, что свидетельствует о совпадении мнений обеих групп респондентов по актуальности проблем, требующих дальнейшей разработки политологическим сообществом.

В то же время не лишены основания и некоторые сомнения в обоснованности высказанных оценок. Представляется, что некоторые из них делаются без точных представлений о предмете анализа, без достаточных знаний о политических про-

цессах и явлениях. Об этом можно судить по ответам на вопрос: «Используете ли вы в своей деятельности технологии, предложенные современной политической наукой?»

Таблица 2

Ответы на вопрос	Госслужащие
1. Да, использую	16,80%
2. Подобные технологии мне известны, но применить их не всегда возможно	28,10%
3. Мои должностные обязанности не предполагают применение таких технологий	34,99%
4. Не уверен, что знаю, о каких технологиях идет речь	19,56%
5. Другое	0,55%

Содержание данной таблицы показывает, что большая часть служащих считает: результаты политологических исследований управленческой практикой востребованы, но в реальной управленческой деятельности этими же государственными служащими слабо (16,80%) используются. Почти треть опрошенных (28,10%) знают о рекомендациях ученых, но считают, что на практике их применить не всегда возможно, а каждый пятый опрошенный служащий отметил, что не знает, о каких технологиях идет речь. Видимо, и научному сообществу, и соответствующим управленческим службам необходимо более активно пропагандировать научные наработки политологов, показывать их реальное значение и преимущества. Данный вывод подтверждается и ответами на вопрос: «Насколько эффективно сотрудничество политологов с органами власти и регионального управления на Юге России?» 13,2% служащих и 30,1% ученых ответили «к сожалению, органы власти и регионального управления недооценивают это сотрудничество», а 7,3% служащих и 7,2% ученых считают, что «приходится признать, что и политологи не всегда готовы к такому сотрудничеству».

Политические отношения «пронизывают» различные сферы жизнедеятельности общества. Политология как наука о политике вооружает людей знаниями о политической власти, ее сущности и структуре, о формах правления и государственного устройства, о политических правах и свободах человека и гражданина, о граждан-

ском обществе и правовом государстве и многое другое, что государственный служащий обязан своей деятельностью укреплять, развивать, защищать.

О четкости представлений госслужащих о частных политических вопросах свидетельствуют ответы на вопрос: «По вашему мнению, возможно ли при подготовке государственных служащих изучать опыт партийного строительства в России (в разные исторические периоды)?»

Опрос проводился в условиях, когда в нашей стране провозглашен курс на возрастание роли политических партий в жизни общества, в определении целей его развития, разработке программ, формировании административно-политической элиты и в реализации государственной политики. Поэтому вполне объяснимо, что две пятых (41,32%) опрошенных госслужащих и более половины (53,42%) ученых считают, что чиновникам полезно знать, на каких организационных и идейных принципах строятся и функционируют политические партии. Они твердо заявили, что изучать опыт партийного строительства «не только возможно, но и необходимо».

Но далеко не все госслужащие имеют представление о том, что собою представляют действующие политические партии. 29,20% респондентов отметили, что «если убрать идеологические аспекты, то возможно». К стати, эту точку зрения разделяет и часть ученых (25,68%). Однако без «идеологических аспектов» не может быть политической партии вообще. Тогда об изучении какого аспекта партийного строительства может идти речь?

Каждый пятый опрошенный госслужащий (21,76%) ответил: «Смотря какой опыт, не всякий полезен». Знать полезно любой опыт: положительный – для использования в работе по совершенствованию деятельности партий, негативный – для определения его причин, чтобы их устранить или нейтрализовать. Поэтому, какой именно опыт в деятельности той или иной партии является преобладающим, можно судить, насколько полезны вырабатываемые данной партией рекомендации по решаемым управленцами задачам.

Любая наука так или иначе влияет на деятельность людей. Это положение уже давно не оспаривается. Дискуссии идут по поводу того, в чем именно выражается влияние и каковы возможные последствия. Политическая наука с этой точки зрения представляется особенно дискуссионной. Результаты опросов экспертов и практи-

ческих работников-управленцев только подтвердили это.

На вопрос: «Влияет ли на политическую практику на Юге России политическая наука?» респонденты ответили далеко не одинаково.

Таблица 3

Ответы на вопрос	Эксперты	Госслужащие
1. Да, влияет	9,18%	20,22%
2. Возможно, некоторые политические решения принимаются с учетом политической науки	33,33%	50,14%
3. Иногда складывается впечатление, что такое влияние незначительно	42,86%	20,50%
4. Нет, не влияет	12,24%	8,59%
5. Другое	2,38%	0,55%

Одного взгляда на линейные распределения достаточно, чтобы определить скептицизм ученых-политологов. На наш взгляд, можно высказать три предположения, объясняющих полученные результаты. *Первое*: исследователи гораздо глубже и всестороннее видят потенциал политической науки, ее фундаментальные и прикладные аспекты. *Второе*: транспарентность современных российских систем управления реально такова, что не всегда дает возможность оценить политические процессы в самих системах. *Третье*: госслужащие в силу ряда причин отмечают только очевидное непосредственное влияние науки на практику, не всегда анализируя более сложные опосредованные, а иногда латентные, варианты такого воздействия.

Полагаем, можно считать, что столь существенное расхождение в оценках теоретиков и практиков, возможно, говорит о недостаточно эффективном партнерстве. Очевидно, что без учета интересов сторон развивать «взаимовыгодные» связи будет сложно. На наш взгляд, один из совпадающих интересов – это изучение реальной расстановки политических сил, соотношения разнодействующих политических факторов, научный прогноз изменения политической ситуации. Осуществить это только на теоретическом уровне возможно, но вряд ли продуктивно. Опрос экспертов подтвердил необходимость серьезного со-

вершенствования эмпирической и методической базы политических исследований.

Таблица 4

Достаточна ли, по вашему мнению, методическая и эмпирическая база современной политологии?	Эксперты
1. Думаю, что да	15,25%
2. В некоторых исследованиях, разумеется, да	47,80%
3. К сожалению, эта часть политических исследований нуждается в серьезном совершенствовании	34,24%
4. Другое	2,71%

Приходится констатировать, что эксперты выражают озабоченность состоянием дел в прикладной науке. Полагаем, имеются и объективные причины такого явления. Современное эмпирическое исследование – весьма дорогостоящее мероприятие. Обеспечение репрезентативной выборки, особенно в субъектах федерации на территории ЮФО, требует колоссальных организационных усилий, привлечения большого числа исполнителей.

Несмотря на финансовые трудности, Северо-Кавказская академия государственной службы за последние 10 лет организовала и провела более шестидесяти социологических исследований, что отражено в более чем 70 научных публикациях. В 2010 году результаты 24-х исследований опубликованы в книге «Государственное и муниципальное управление социальными и политическими процессами в регионе: общественное мнение и экспертные оценки», Ростов-на-Дону, Издательство СКАГС, 2010 – 768 страниц.

Другая причина, думается, связана с нежеланием ряда руководителей взглянуть на ситуацию глазами незаинтересованных специалистов. Неслучайно в ряде нормативных документов предпринимается попытка переломить сложившиеся установки таких «борцов за достигнутые результаты». Сегодня, например, оценка деятельности руководителей субъектов федерации осуществляется с обязательным учетом данных, полученных в ходе опросов различных групп населения. Понятно, что прикладной политической науке еще больше надо позиционировать себя в качестве «инструмента» оценки эффективности управления.

Интересным для анализа представляется сравнение ответов ученых и служащих на вопрос: «Как вы относитесь к тому факту, что чиновники стремятся получить ученую степень по политологии?».

Так, в качестве «абсолютно закономерной тенденции» этот аспект отметили 30,79% экспертов-работников органов власти и лишь 11,75% специалистов из научного сообщества.

Наличие подобной тенденции вполне объяснимо, так как большинство аспектов государственного и муниципального управления не что иное, как реализация политики. Поэтому желающих защититься по научной специальности «политология» из ряда госслужащих объективно много.

Тем не менее, более четверти опрошенных ученых (28,57%) проявили толерантность при ответе на данный вопрос и выбрали вариант: «Думаю, что для развития науки это обстоятельство не имеет принципиального значения».

При этом почти треть опрошенных ученых (30,79%) и более четвертой части опрошенных госслужащих (28,34%) сошлись во мнении, что «возможно, это вопрос престижа». Еще меньшее число опрошенных (21,9%) и (17,17%) соответственно «не исключили, что это латентное требование к карьере».

Опыт показывает, что при составлении списков на включение в резерв управленческих кадров различных уровней наличие ученой степени «при прочих равных условиях» говорит в пользу ее обладателя.

Одновременно чуть менее половины опрошенных ученых на вопрос: «Как бы вы оценили кадровое обеспечение проводимых политологических исследований на Юге России» ответили «Ощущается дефицит политологов высокой квалификации, способных проводить как теоретические, так и прикладные исследования» (42,96%). Здесь напрашивается вывод о необходимости повышения качества работы диссертационных советов, что заключается прежде всего в ужесточении требований к отбору будущих аспирантов и соискателей, тематике диссертационных исследований, выполнению установленных нормативов. Но основной вывод состоит в том, что дальнейшее развитие политической науки должно происходить путем формирования корпуса специалистов, способных к глубокому научному осмыслению действительности за счет выходцев как из научной, так и из прикладной сферы.

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

УДК 342.31

А.И. ГОЛОВАНОВ

Желание быть гражданином демократического государства присуще каждому современному человеку. Построение сильного, самостоятельного государства, способного обеспечить реализацию желаний своих граждан, является важнейшей целью деятельности представителей высшей власти. Наиболее полно идея построения такого государства проявляется в концепции суверенной демократии.

Весной 2005 года помощник президента В.Ю. Сурков инициировал дискуссию о национальных приоритетах, а затем в феврале 2006 года выступил с основными положениями «суверенной демократии» перед партийным активом «Единой России».

Согласно определению данному самим Сурковым, суверенная демократия – это образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими [3].

Распространение этой идеи в сфере экспертного сообщества и политической элиты произошло очень быстро. В формировании собственной доктрины «суверенной демократии» приняли участие ведущие политологи России: Глеб Павловский, Валерий Фадеев, Вячеслав Никонов, Виталий Третьяков, Андроник Мигранян, Алексей Чадаев, Максим Соколов, Леонид Поляков. Каждый из них высказал собственное понимание ее базовых положений и это стало одной из причин системного характера новой концепции [4].

Вскоре идея «суверенной демократии» была поддержана президентом Российской Федерации В.В. Путиным, после чего всероссийская политическая партия «Единая Россия», занимающая доминирующее положение среди политических партий страны, провозгласила в своем программном заявлении стратегию качественного обновления страны как суверенной демократии [2, с. 27]. В политических заявлениях первых лиц государства выражается общая стратегическая цель – превращение России в страну с развитым гражданским обществом и устой-

чивой демократией, с конкурентоспособной рыночной экономикой и подлинным суверенитетом.

Тот факт, что инициатива обсуждения идеи суверенной демократии в российском обществе исходила из аппарата президента Российской Федерации, свидетельствует о понимании политической элитой необходимости дискуссии по данной проблеме и принятия мер с целью построения суверенной демократии в России. Для достижения этой задачи требуется не только разработка четких понятийных, терминологических основ суверенной демократии, но и обеспечение ее реального воплощения в общественных отношениях.

Базовое понимание суверенитета состоит в том, что это независимость государства во внешних и его верховенство во внутренних делах [5, с. 1297]. В правовом отношении суверенитет трактуется как признак государства, понимаемый в качестве верховенства, самостоятельности, независимости власти [6, с. 41], как независимость государства в международных отношениях и территориальное верховенство внутри страны [1, с. 100]. Исходя из такого подхода, *суверенная демократия* предполагает, с одной стороны, верховенство государства при решении внешних и внутренних вопросов страны, а с другой стороны, – признание принципа равенства и свободы всех людей, участие народа в управлении государством [2, с. 33].

Полагаем, что одним из основных условий реализации концепции суверенной демократии в России является противодействие коррупции. Мы исходим из того, что воплощение концепции суверенной демократии, как и любая другая деятельность, требует осуществления управляемого воздействия субъекта на объект, то есть воздействия контролируемого и способного достичь своей цели. Иными словами, достижение желаемого результата возможно лишь путем претворения идеи в жизнь. Этот процесс должен быть настроен и отлажен наилучшим образом. Государство, как и любая организация, осуществляет достижение поставленных перед собой целей прежде всего посредством должностных лиц. При наличии такого явления, как коррупция, у людей возникает

так называемый конфликт интересов, когда интересу государственному начинает противостоять интерес личный.

Определение коррупции дано в Федеральном законе «О противодействии коррупции»: коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица^{*}.

Исторические корни коррупции, вероятно, восходят к обычаю делать подарки, чтобы добиться расположения власть предержащих. Дорогой подарок выделял человека среди других просителей и способствовал тому, чтобы его просьба была выполнена, поэтому в первобытных обществах плата жрецу или вождю была нормой. По мере усложнения государственного аппарата и усиления власти центрального правительства появились профессиональные чиновники, которые, по замыслу правителей, должны были довольствоваться только фиксированным жалованием. На практике чиновники стремились воспользоваться своим положением для тайного увеличения своих доходов.

Понятием коррупции охватывается прежде всего деятельность должностных лиц. В Российском законодательстве отсутствует единое понятие должностного лица, которое могло бы применяться ко всем отраслям права. Однако определенные акты все же содержат дефиницию данной правовой категории. В Уголовном кодексе Российской Федерации, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях приводится толкование понятия должностного лица. Определение должностного лица дается также в федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Согласно примечанию к ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации «должностными лицами в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные,

административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации»^{**}. Приведенное определение относится к главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государства и службы в органах местного самоуправления».

В примечании к ст. 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях приведено следующее определение: «Под должностным лицом в настоящем Кодексе следует понимать лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти, то есть наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, а равно лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Совершившие административные правонарушения в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций руководители и другие работники иных организаций, а также лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как должностные лица, если законом не установлено иное»^{***}.

Как видим, в КоАП РФ представлено практически то же понимание должностного лица, что и в УК РФ, только в ст. 2.4 КоАП РФ уточняется, что значит «осуществляющее функции представителя власти»: «наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от данного лица». Кроме того, в КоАП РФ нет упоминания о «государственной корпорации», но, по-видимому, в скором времени в КоАП РФ внесут поправку, касающуюся государственной корпорации, так как в примечание к ст. 285 УК такая поправка уже была внесена в 2007 году. К лицам, выполняющим организационно-распорядительные функции, можно отнести, например, начальника отдела кадров, госинспекторов и др.; к тем, кто

*См.: О противодействии коррупции: Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ.

**См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

***См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

несет административно-хозяйственные функции (полномочия по управлению и распоряжению госимуществом), – начальников финансовых, планово-хозяйственных, снабженческих отделов. Также КоАП РФ, в отличие от УК РФ, расширяет указанное понятие за счет лиц, которые являются руководителями и иными работниками организаций и лиц, осуществляющих индивидуальную предпринимательскую деятельность.

В ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» приводится следующее определение: «Должностное лицо местного самоуправления – выборное либо работающее по контракту (трудовому договору) лицо, выполняющее организационно-распорядительные функции в органах местного самоуправления и не относящееся к категории государственных служащих; выборное должностное лицо местного самоуправления – должностное лицо, избранное населением непосредственно или представительным органом местного самоуправления из своего состава, наделенное согласно уставу муниципального образования полномочиями на решение вопросов местного значения».

Представляется, что для понятия «коррупция» значимой является деятельность должностного лица, являющегося представителем власти либо выполняющего организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях – в соответствии с пониманием должностного лица, которое содержится в Уголовном кодексе Российской Федерации. Однако необходимо отметить, что в условиях широкой демократизации и либерализации общества многие функции государства осуществляются не только сотрудниками органов государственной власти и местного самоуправления, а также юридическими лицами, учредителем которых являются указанные органы, но и лицами, не состоящими

на службе государства и не входящими в штат публично-правовых образований. Примером может являться нотариус, который не состоит на службе у государства, однако в настоящее время осуществляет часть действий, относящихся к государственным функциям (заверение сделок, удостоверение завещаний, реализация процедуры наследования имущества), другим примером могут служить саморегулируемые организации в различных сферах (в частности в строительстве).

Следовательно, понятие должностного лица можно трактовать в узком и широком смысле. Мы считаем, что разница в понимании должностного лица отражается на форме ответственности, которая возникает в случае совершения им правонарушений: при привлечении к уголовной ответственности должностное лицо понимается в узком смысле, при привлечении к административной ответственности – трактуется в широком смысле. Поскольку лица, относящиеся к широкому пониманию, так или иначе реализуют своей деятельностью государственные функции, то к ним необходимо применять понятие «должностное лицо» во всех отраслях права.

Коррупцию как явление характеризует такое соотношение интересов, при котором личный интерес превагирует над интересом государственным. В связи с этим какими бы ни были самостоятельными и сильными решения и цели государства и представителей власти, они остаются неисполненными при парализации общества и механизма государственного управления коррупцией, а демократические и правильные по своей сути цели, поставленные на высшем уровне, при их воплощении превращаются в антинародные действия нижестоящих чиновников.

Именно поэтому противодействие коррупции является важнейшим условием, обеспечивающим реализацию суверенного демократического правового государства в России в соответствии с положениями концепции суверенной демократии.

1. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права [Текст]: учеб. для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. М.: Спарк, 2004.

2. Лебедев В.А., Киреев В.В. К вопросу о понятии суверенной демократии [Текст] / В.А. Лебедев, В.В. Киреев // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Право. – 2007. – № 2 (80). – С. 27–36.

3. Лебедев В.А., Киреев В.В. Концепция суверенной демократии: современное состояние и перспективы юрисдикции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://suv-demokrat.csu.ru/node/128>, свободный (20.03.2010).

4. Орлов Д. Политическая доктрина суверенной демократии [Текст] / Д. Орлов // Известия. – 2006. – 30 ноября. № 222.

5. Советский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1989.

6. Теория государства и права [Текст] / Под ред. С.С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1985.

*Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ НА РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ПРОРЫВ ИЛИ ПРОВАЛ?

УДК 325

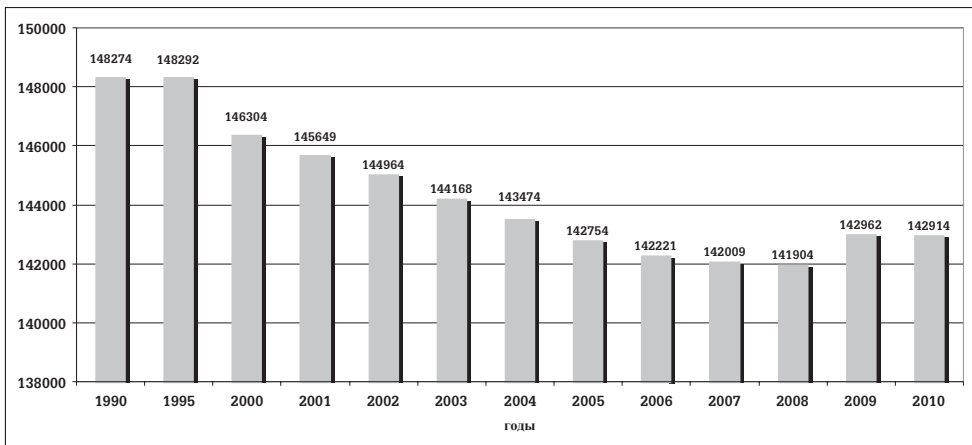
С.А. ПИСКУНОВ

Решение демографической проблемы является одной из важнейших задач современной России. Численность россиян снизилась со 148,3 миллиона человек в 1990 году до 142,9 миллиона человек в 2010 году (3,6 %) [диаграмма 1] [8; 13, с.60]*.

рациональным приростом. Уменьшение по Приморскому краю за 1990–2010 годы составило 357 тысяч человек (15,5%), Хабаровскому – 282 тысячи человек (17,4%), Амурской области – 226 тысяч человек (21,4%).

Диаграмма 1

**Динамика численности населения России, 1990–2010 гг.
(тысяч человек)**

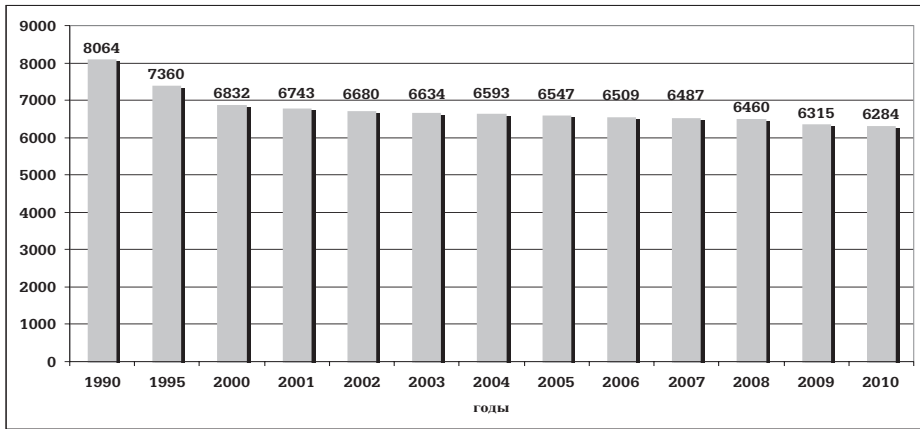

В региональном разрезе статистика выглядит еще менее благоприятной: число жителей, проживающих в Дальневосточном федеральном округе, за 1990–2010 годы сократилось с 8 064 тысяч до 6 284 тысяч человек (22%) (диаграмма 2) [8; 13, с.61], что обусловливается отрицательным естественным (за исключением республики Саха (Якутия) и миг-

В подобной ситуации были разработаны и стали реализовываться мероприятия, с одной стороны, направленные на повышение рождаемости, с другой, на повышение показателей миграционного прироста как в целом по России, так и по ее отдельным субъектам, преимущественно за счет привлечения соотечественников из-за рубежа.

* Диаграмма составлена на основе источника: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. М., 2009. С. 60; Об оценке численности постоянного населения на 1 января 2010 г., на 1 января 2011 г. и в среднем за 2010 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> Дата обращения: 12 сентября 2010 г.; 20 апреля 2011 г. За 1990, 1995, 2000–2008 гг. данные приведены на конец года, за 2009 и 2010 гг. – данные на 1 января 2010 и 2011 года соответственно.

Динамика численности населения Дальневосточного федерального округа, 1990–2010 гг. (тысяч человек*)

В первом случае государство использует стимулирующие меры, прежде всего материального характера, направляя их на постоянно проживающее на территории России население: так, государством с 2007 года выделяется так называемый материнский капитал при рождении в семье второго и последующих детей. Использовать полученные средства законодатель предписывает на решение социальных проблем конкретной семьи – на улучшение жилищных условий, на получение образования ребенком, на формирование накопительной части трудовой пенсии для женщины [6].

Решение демографической проблемы за счет переселения соотечественников из-за рубежа свидетельствует об изменении традиционной миграционной политики России. Новизна этого подхода состоит в том, что произошел переход (на сегодняшний день следует вести речь главным образом о концептуальной стороне проблемы) от перераспределения населения в рамках одной страны к миграционному обмену (в пользу России) с государствами, входившими в состав СССР в качестве союзных республик.

С этой целью была разработана «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», направ-

ленная на стимулирование и организацию процесса добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников на основе повышения привлекательности ее субъектов, а также компенсация естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. Координатором Государственной программы является ФМС России [14].

Федеральный Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. содержит дефиницию понятия «соотечественники»: «Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, религии, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии». Законодателем была определена и категория населения, попадающая под определение «соотечественники за рубежом»:

- граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами России;
- лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство

*Диagramма составлена на основе источника: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. М., 2009. С. 60 // Федеральная служба государственной статистики. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> Дата обращения: 12 сентября 2010 г. За 1990, 1995, 2000–2008 гг. данные приведены на конец года, за 2009 и 2010 гг. – данные на 1 января 2010 и 2011 года соответственно.

этих государств или ставшие лицами без гражданства;

- выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства либо имеющие вид на жительство или ставшие лицами без гражданства;

- потомки лиц, принадлежащих к вышеуказанным группам, за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств [15].

В случае успешной реализации Программы должны выиграть все – и соотечественники, находящиеся за границей и испытывающие известные трудности, и государство. Первым будет (должны быть!) созданы сравнительно лучшие условия для жизни с учетом их добровольного выбора региона вселения. Государству, в свою очередь, это позволит решить тесно связанные друг с другом экономические, демографические и политические проблемы.

Реализация программы намечена на 2006–2012 гг. На 2006 год пришелся подготовительный этап, в течение которого была сформирована нормативно-правовая база переселения. Были определены 12 «пилотных» субъектов Российской Федерации – мест вселения соотечественников – Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Липецкая, Новосибирская, Тамбовская, Тверская и Тюменская области (в 2009 г. число субъектов возросло до 22). Собственно переселение началось с 2007 года.

На Дальнем Востоке первоначально были определены три субъекта Российской Федерации, куда должно осуществляться переселение, – Приморский и Хабаровский края, Амурская область (в 2009 году Распоряжениями Правительства Российской Федерации от 5 августа и от 17 октября согласованы проекты программ Камчатского края и Еврейской автономной области, о результатах осуществления которых говорить еще преждевременно).

При этом государство, следуя историческому опыту, не устранилось от некоторых видов материального стимулирования миграции. Так, программа переселения в Забайкалье и на Дальний Восток предусматривает компенсацию затрат на проезд и перевозку имущества, единовременное пособие в размере 60 тысяч рублей (с ноября 2008 года – 120 тысяч рублей) на участника программы (в остальных регионах – 60 ты-

сяч рублей) и 20 тысяч рублей (с ноября 2008 года – 40 тысяч рублей, в остальных регионах – 20 тысяч рублей) на каждого члена его семьи, а также ежемесячное пособие в размере 1/2 прожиточного минимума в течение шести месяцев [11; 12].

Возникает вопрос: достаточно ли принимаемых мер для успешного решения демографических проблем восточных районов страны? Анализ промежуточных результатов реализации Государственной программы применительно к субъектам вселения в Дальневосточном федеральном округе свидетельствует о том, что количество привлеченных переселенцев на сегодняшний день далеко от выполнения намеченного графика. Так, согласно плану, определенным законодательными органами субъектов Российской Федерации, за 2007 – 2009 годы предусмотрено переселить участников Программы и членов их семей: Приморский край – 9 888 человек (всего за 2007–2012 гг. – 26 048 человек), Хабаровский край – 1 684 человека (за 2007–2012 гг. – 5 844 человека) и Амурская область – 1 520 человек (за 2007–2012 гг. – 2 048 человек), что в совокупности составляет 13 092 человека (33 940 человек) [3; 4; 5]. Результаты оказались не столь оптимистичными в сравнении с планами: за 2007–2009 гг. в Приморский край было привлечено 107 человек (1% от предполагаемого числа), Хабаровский край 119 человек (7%), Амурскую область – 70 (4,6%), всего – 296 человек (2,3%). Цифры свидетельствуют о провале Государственной программы. В реальности цель, поставленная Указом Президента Российской Федерации от 22.06.2006 г. № 637, по состоянию на начало 2010 года не была реализована: компенсации естественной убыли населения за счет привлечения соотечественников, проживающих за рубежом, не произошло. Так, за 2007–2009 годы естественная убыль населения Приморского края составила 16 664 человека; Хабаровского края – 7 613 человек, Амурской области – 4 641 человек [1, с. 20,22; 7; 11, с. 31–32]. Доля переселенцев по замещению населения составила по Приморскому краю 0,64%, по Хабаровскому краю (1,56%), по Амурской области (1,50%). Комментарии излишни.

Причины негативных явлений на этапе реализации миграционной политики многообразны, поскольку сочетают в себе экономические, природные, социальные и культурные основы. По мнению большинства специалистов, наиболее существенным недостатком реализуемых мер государственной поддержки переселенцев является отсутствие полноценной политики обеспе-

чения жильем: на этапе временного проживания возможна аренда жилья участниками Программы и членами их семей на условиях социального найма за счет собственных средств. После получения переселенцами статуса гражданина Российской Федерации они могут на общих основаниях стать участниками программ, направленных на решение жилищных проблем [10]. Получается, что участники Программы еще в большей степени усугубят ситуацию, связанную с дефицитом недвижимости.

Обратимся к статистике. Так, в 2007 году в целом по Российской Федерации 2 910,9 тысячи семей (5,6% от общего числа семей) состояли на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, из них в 2007 году улучшили условия проживания 140,2 тысячи семей (4,5% от количества нуждающихся). В целом по Дальневосточному федеральному округу эта цифра составила в 2007 году 127 тысяч семей (5,3%), а число тех, кто смог улучшить условия проживания, составило 10,3 тысячи семей (7,6%). По Приморскому краю эти показатели составили, соответственно, 37,2 тысячи человек (4,4%), из них улучшили жилищные условия – 1,8 тысячи человек (4,6%); по Хабаровскому краю 18,1 тысячи человек (3,5%), из них улучшили условия проживания – 1,4 (7,3%); по Амурской области 16,8 тысячи человек (5,3%), из них улучшили условия проживания – 1,5 тысячи человек (9,2%) В этом смысле Дальневосточный федеральный округ по степени обеспеченности занимает 3-е место (в относительных пропорциях), уступая Центральному и Южному федеральным округам. Абсолютные показатели, учитывая слабую заселенность территории, выглядят еще более благоприятно: в Дальневосточном федеральном округе менее всего зарегистрировано нуждающихся в жилье семей. Данные за 2008

год демонстрируют незначительное снижение числа нуждающихся семей и примерно одинаковое число граждан, улучшивших жилищные условия [13, сс.220–221]. Действительно, позитивное движение за 2007–2008 годы обозначилось, но следует учитывать, что при таких темпах решения жилищной проблемы и при условии, что число нуждающихся семей в улучшении жилищных условий расти не будет (что, естественно, весьма сомнительно), потребуется 10–20 лет. При этом не стоит забывать, что речь идет о числе семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, фактическое же число на порядок выше (так, обосновывая необходимость выделения жилищной проблемы в особый национальный проект, его разработчики указали, что для 61% семей еще не решен «квартирный» вопрос [2]). А в случае успешной реализации Программы ситуация усугубится еще в большей степени за счет положительного сальдо миграции. В этом смысле перед государством, чья роль в обеспечении жильем по-прежнему велика*, встанет дилемма: отдать предпочтение переселенцам или поставить их в общую очередь. Развитие сценария по первому варианту может быть сопряжено с социальными протестами старожилов, второй – чреват слабой приживаемостью новоселов. Возможен и альтернативный вариант, требующий значительных финансовых вливаний государства в строительство так называемого «социального жилья» и обеспечение им отдельных категорий граждан. Однако на сегодняшний день этот вариант наименее вероятен, поскольку значительная часть строительных работ выполняется с точки зрения формы собственности частными организациями, заинтересованными в коммерческих, а не в реализации социальных, зачастую мало-прибыльных проектах**.

*По данным статистики, удельный вес жилых домов, построенных населением за счет собственных и заемных средств, в общем вводе жилья в 2008 году вырос по отношению к 1990 году. Так, в 1990 году по России этот показатель составил 9,7%, то в 2008 г. – 42,7%; по Приморскому краю – 1,3% и 54,8%; по Хабаровскому краю – 0,9% и 17,3%; по Амурской области – 0,9 и 19,5% // Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. М., 2009. С. 642–643 // Федеральная служба государственной статистики. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> Дата обращения: 12 сентября 2010 г.

**Так, по России доля частных компаний в области строительства увеличилась с 63,9% в 2000 г. до 88,1% в 2008 году, по Приморскому краю с 57,6% до 76,6%; по Хабаровскому краю с 39,4% до 64,1%; по Амурской области с 41,7% до 77,8% // Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. М., 2009. С. 628–629 // Федеральная служба государственной статистики. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> Дата обращения: 12 сентября 2010 г.

На рынке недвижимости за 2000–2008 годы наблюдается значительный рост стоимости 1 кв. м жилого помещения (в среднем по вновь вводимому и вторичному жилью): по Российской Федерации с 7 634 рублей до 54 499, 5 руб.; по Приморскому краю с 8 817 рублей до 49 075,5; по Хабаровскому краю с 6 549 рублей до 47 253 руб.; по Амурской области с 5 162,5 руб. до 37 696,5 руб. // Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. М., 2009. С. 967–970 // Федеральная служба государственной статистики. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> Дата обращения: 12 сентября 2010 г.

Диаграмма 3

Динамика численности безработных в России, 1995–2008 гг. (тысяч человек)*

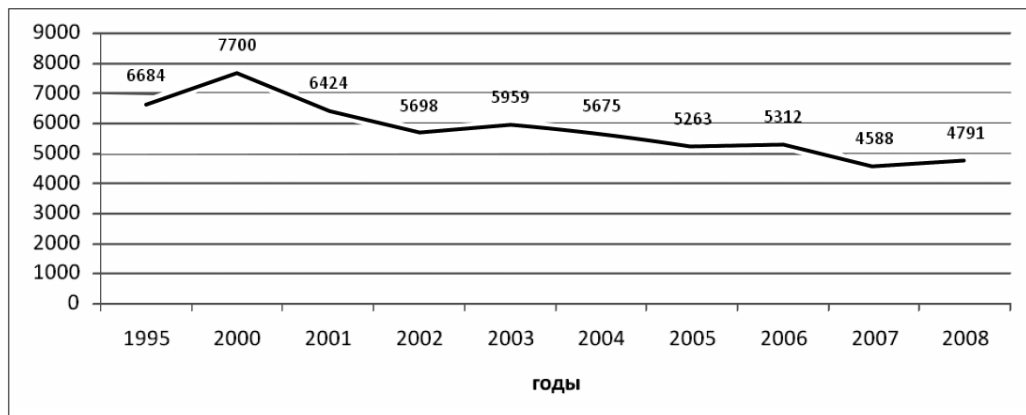
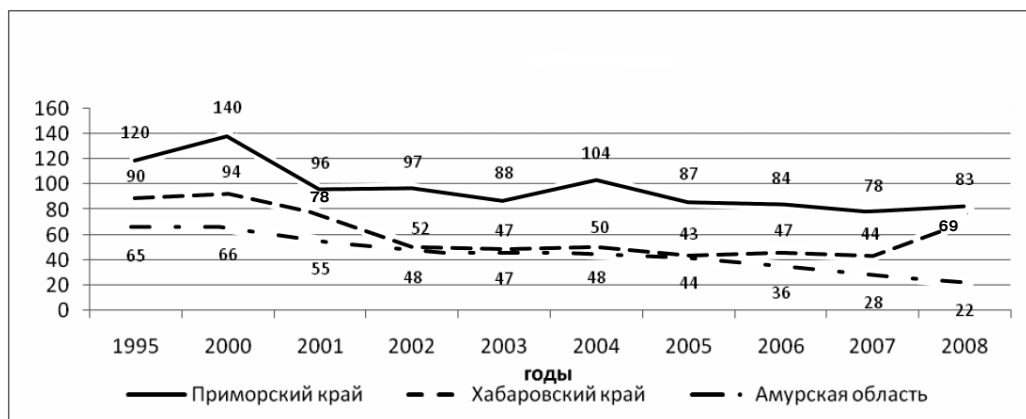

Диаграмма 4

Динамика численности безработных в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области, 1995–2008 гг. (тысяч человек)**

*По данным выборочных обследований населения по проблемам занятости: 1995 г. – на конец октября, с 2000 г. – в среднем за год. С 2006 г. – включая данные выборочных обследований населения по проблемам занятости в Чеченской Республике. Диаграмма составлена на основе источника: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. М., 2009. С. 130 // Федеральная служба государственной статистики. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 12 сентября 2010 г.).

**По данным выборочных обследований населения по проблемам занятости: 1995 г. – на конец октября, с 2000 г. – в среднем за год. С 2006 г. – включая данные выборочных обследований населения по проблемам занятости в Чеченской Республике. Диаграмма составлена на основе источника: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. М., 2009. С. 131 // Федеральная служба государственной статистики. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 12 сентября 2010 г.).

Неоднозначная ситуация складывается на рынке труда в регионах вселения. В диаграммах 3 и 4 представлена динамика численности безработных в России и в Хабаровском, Приморском краях и Амурской области.

Статистические данные свидетельствуют, что Дальневосточный федеральный округ, по-прежнему являясь слабозаселенной территорией, перестал быть трудодефицитным регионом (диаграмма 3). Очевидно, что соотечественники, прибывающие в Россию, составят конкуренцию местному населению на рынке труда.

Показательно, что большинство участников Программы выбрало регионы с благоприятными экономическими и природными условиями. Так, вклад в прирост принятых соотечественников за 2008–2009 гг. (по состоянию на 1 октября 2009 г.) Калининградской области составил 41,4% (1 место), Калужской области – 21,7% (2 место), Липецкой области – 17,4 % (3 место), тогда как по Приморскому краю – 0,5% (11 место), Хабаровскому краю – 0,8% (10 место), Амурской области – 0,5% (12 место из 12)* [7, с.9]. Анализ показывает, что из 12 «пилотных» субъектов Российской Федерации, участвующих в реализации Программы, по уровню среднедушевого дохода в 2008 году Амурская область занимала 9 место, Приморский край – 7, Хабаровский край – 2. Однако соотношение среднедушевого денежного дохода к стоимости

фиксированного набора потребительских товаров и услуг дает совсем иную картину: из 12 возможных Приморье занимает 12 (1,491), Амурская – 11 (1,557), Хабаровский край – 8 (1,746), в то время как Калининградская область – 9 (1,698), Липецкая – 3 (1,954), Калужская – 5 (1,866) [13, сс.168–169, 955–956].

Таким образом, Государственная программа по привлечению соотечественников, проживающих за рубежом, концептуально является прорывом в области улучшения демографической ситуации. Фактически же, как это следует из первых результатов реализации миграционной политики, есть все основания утверждать о ее провале как в целом по России, так и в отношении к Дальнему Востоку. «Непривлекательность» восточной окраины России традиционно связана с ее суровыми природно-климатическими условиями, отдаленностью региона от центра. Поэтому от государства требуются реальные действия, направленные на повышение уровня жизни дальневосточников, развитие инфраструктуры края, создание культурно-развлекательных, спортивных центров. Реализация комплекса означенных мероприятий предполагает серьезное напряжение человеческих и материальных ресурсов со стороны государства. Но очевидно одно: без их решения амбициозная Государственная программа останется такой только на бумаге.

1. Амурская область в цифрах: Краткий статистический сборник. Благовещенск, 2009. СС.20,22 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Амурской области. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stat.amur.ru> (дата обращения: 12.09.2010).

2. Доступное и комфортное жилье: о проекте //Приоритетные национальные проекты. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rost.ru> (дата обращения: 20.04.2011).

3. Закон Амурской области «Об областной целевой программе «Оказание содействия добровольного переселения в Амурскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2007–2012 годы» № 384-ОЗ от 5 сентября 2007 г. // Нормативные правовые акты Российской Федерации. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakon.scli.ru> (дата обращения: 10.09.2010).

4. Закон Приморского края «О краевой целевой программе «Об оказании содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2007–2012 годы». № 112-КЗ от 28 июня 2007 г. // Нормативные правовые акты Российской Федерации. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakon.scli.ru> (дата обращения: 10.09.2010).

5. Закон Хабаровского края «О программе Хабаровского края по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию граждан, проживающих за рубежом». № 128 от 27 июня

*В данном случае сравнение осуществляется среди 12 «пилотных» регионов реализации Программы: Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Липецкая, Новосибирская, Тамбовская, Тверская и Тюменская области.

2007 г. // Нормативные правовые акты Российской Федерации. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakon.scli.ru> (дата обращения: 10.09.2010).

6. Информация о материнском (семейном) капитале // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pfrf.ru> (дата обращения: 25.10.2010).

7. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения в 2007–2009 годах (краткий вариант) // Федеральная миграционная служба Российской Федерации. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2010).

8. Об оценке численности постоянного населения на 1 января 2010 г., на 1 января 2011 г. и в среднем за 2010 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.04.2011).

9. Основные социально-экономические показатели городов и районов Хабаровского края // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.habstat.ru> (дата обращения: 15.09.2010).

10. Постановление правительства Амурской области от 30 октября 2008 г. №251 «Об утверждении долгосрочной программы «Оказание содействия добровольному переселению в Амурскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2009–2012 годы» (в ред. Постановления правительства Амурской области от 13 мая 2010 года №228) // Правительство Амурской области. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amurobl.ru> (дата обращения: 12.09.2010).

11. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2008 г. № 866 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 года №7 «О порядке выплаты единовременного пособия на обустройство участникам государственной Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей» // Нормативные правовые акты Российской Федерации. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakon.scli.ru> (дата обращения: 12.09.2010).

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 года №7 «О порядке выплаты единовременного пособия на обустройство участникам государственной Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей» // Нормативные правовые акты Российской Федерации. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakon.scli.ru> (дата обращения: 12.09.2010).

13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. М., 2009. С. 60 // Федеральная служба государственной статистики. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 12.09.2010).

14. Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. №637 // Нормативные правовые акты Российской Федерации. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakon.scli.ru> (дата обращения: 10.09.2010).

15. Федеральный Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. (в ред. Федерального Закона от 18.07.2006 № 121-ФЗ) // Российские соотечественники за рубежом. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russiancompatriots.com> (дата обращения: 10.09.2010).

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

УДК 330

И.В. ЛАВРОВ, М.И. ЛАВРОВА

В условиях экономического кризиса для устойчивой региональной политики важны современные информационные технологии управления социальным развитием территорий, которые должны быть основаны на управленческих и финансовых нововведениях. Инновации охватывают бюджетирование, формирование временных рабочих групп, стратегическое планирование, методы управления региональной корпоративной культурой, бенчмаркинг и многие другие методы и модели управления социальным развитием территорий. Происходит постепенный переход от традиционной административной модели управления, в которой главным было следование инструкциям, к новой модели менеджмента территориального развития, в которой центральным системообразующим элементом становится контроль за достижением целей и качество результатов.

Новая управленческая модель в экономике и менеджменте соотносится с «процессным подходом», «управлением по целям», «управлением по значительным результатам», а в рамках государственных расходов – «бюджетированием, ориентированным на результат». При этом результатом становится не только высокая эффективность социальной политики на всех уровнях управления и социальной ответственности работодателей региона в целом, но и устойчивый рост качества жизни населения, что и составляет сущность социального развития территории. Социальное развитие территорий непосредственно связано с положительными качественными изменениями благосостояния и уровня жизни населения.

В сложившейся ситуации выхода из кризиса в регионах особенно важно создание условий устойчивого функционирования тех объектов инфраструктуры, которые обслуживают неотложные социальные нужды людей. Сюда входят экологическая защита; региональные объекты культуры, образования и воспитания детей; личная и общественная безопасность; медицинское обслуживание; торговля, обеспеченность продуктами питания и товарами народного потребления; муниципальные услуги

(услуги жилищно-коммунального хозяйства, пожарная безопасность, общественный транспорт, дороги); средства связи и массовой информации. Таким образом, концептуальные основы эффективного управления регионом неразрывно связаны с созданием условий, обеспечивающих социально-экономическое развитие, включая воспроизводство самого человека и создание всей инфраструктуры его жизнеобеспечения и жизнедеятельности.

В составе УрФО шесть субъектов федерации, из них четыре области: Курганская, Свердловская, Тюменская, Челябинская и два автономных округа: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО представляют регионы, в структуре валового продукта которых по видам экономической деятельности доминирует добыча полезных ископаемых («сырьевые» регионы), и три региона округа (Курганская, Свердловская и Челябинская области), отрасли рыночной специализации которых – обрабатывающие производства («индустриальные» регионы).

Территориальные органы публичной власти любого уровня (регионального, городского или районного) выполняют, на наш взгляд, две основные функции: предоставление услуг жителям и предприятиям (содержание дорог, водо-, тепло-, энерго-снабжение, уборка мусора, соответствующее содержание парков, мест отдыха и пр.) и управление социально-экономическим развитием территории. Управление развитием может осуществляться с помощью широкого спектра различных стратегий, программ, конкретных действий и одноразовых управленческих решений, посредством которых администрация стремится стимулировать развитие экономики и социальной сферы региона или города, создать новые рабочие места, увеличить налоговую базу, расширить возможности для определенных видов экономической активности, в которых заинтересовано местное сообщество.

Не уменьшая значения первой функции (функции обслуживания), можно с уверенностью сказать, что функция социально-экономического развития становится все более

важной. Особое значение она приобретает в транзитивный период, когда к вопросам экономического развития присоединяются проблемы преодоления кризисных явлений, сопровождающих переход экономики из одного состояния в другое. Целенаправленные действия по социально-экономическому развитию городских и сельских территорий – обязательная и, можно сказать, центральная функция органов государственной власти. Особенно актуальной эта функция становится во время институциональных и структурных изменений привычного экономического уклада жизни.

Так, самоорганизация территориальных сообществ предусматривает партнерство населения, власти и бизнеса. Это партнерство касается в первую очередь обычных функций управления (функционирование учреждений образования, медицинского обслуживания, состояния дорог, жилого фонда и инженерной инфраструктуры по снабжению электроэнергией, водой и теплом). В то же время вопросы стратегического характера, затрагивающие аспекты развития территориальных систем в целом, отодвигаются на второй план. Серьезным препятствием положительным социальным изменениям в регионах УрФО является рост цен на продовольственные товары и продукты питания.

Во всех регионах округа сохраняется тенденция расширения видов услуг, предлагаемых населению, и улучшения их качества. В структуре объема платных услуг населению преобладают жилищно-коммунальные услуги, услуги транспорта и связи. В УрФО

новые товары среди регионов Уральского ФО в 2009 году отмечен в Курганской области, на непродовольственные товары и платные услуги населению – в Свердловской области. Наименьший рост потребительских цен на продовольственные товары в 2009 году отмечен в Ямало-Ненецком АО, на непродовольственные товары – в Челябинской области, на платные услуги населению – в Ханты-Мансийском АО. За прошедшие два года в среднем по УрФО и в трех субъектах округа в наибольшей степени выросли цены на продовольственные товары [2, с. 960–961].

Стоимость минимального набора продуктов питания, входящих в расчет потребительской корзины, в январе 2009 года составила в целом по федеральному округу 7170,6 руб., что на 3% выше, чем по России в целом, и на 16,4% выше, чем в январе 2008 года (6158,2 руб.) в округе. Показательно, что во всех субъектах УрФО стоимость минимального набора продуктов питания в 2008–2009 годах снижается по сравнению со среднероссийскими ценами, кроме Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО (табл. 1), динамика цен потребительской корзины в которых повлияла на средние цены округа.

В 2009 году в РФ 80% населения получили 52,1% всех денежных доходов, а 20% – 47,9% (табл. 2). В субъектах УрФО эти показатели составляли, соответственно, в Курганской области 80% – 53,3%, 20% – 46,7%; в Свердловской области 80% – 51,1%, 20% – 48,9%; в Тюменской области 80% – 48,6%, 20% – 51,4%; в Ханты-Мансийском АО 80% – 50,9%,

Таблица 1

Изменение стоимости минимального набора продуктов питания по регионам УрФО

Федеральный округ, субъект	Стоимость набора, руб. на начало года		В процентах к среднероссийской стоимости		В процентах к 1 января предыдущего года	
	2008	2009	2008	2009	2008	2009
Российская Федерация	6068,3	6973,6	–	–	116,0	114,9
Уральский ФО	6158,2	7170,6	101	103	116,1	116,4
Курганская область	5375,8	6163,0	89	88	115,9	114,6
Свердловская область	5938,4	6905,4	98	99	118,8	116,3
Тюменская область	7440,2	8747,0	123	125	113,0	117,6
в том числе:						
Ханты-Мансийский АО	8309,8	9704,5	137	139	112,5	116,8
Ямало-Ненецкий АО	8924,1	10561,3	147	151	111,3	118,3
Челябинская область	5449,3	6304,3	90	90	116,1	115,7

в 2009 году индекс потребительских цен на продовольственные товары составил 115,9%, непродовольственные товары – 107,4%, платные услуги – 116,8%. Наибольший рост потребительских цен на продовольствен-

20% – 49,1%; в Ямало-Ненецком АО 80% – 50,2%, 20% – 49,8%; в Челябинской области 80% – 53,6%, 20% – 46,4%. В Курганской и Челябинской областях коэффициенты фондов и Джини самые низ-

кие не только среди субъектов УрФО, но и в соотношении со среднероссийскими значениями этих коэффициентов (табл. 2) [2, с. 166–299].

В Курганской области как дотационном регионе среди всех субъектов УрФО коэффициенты фондов и Джини всегда были ниже среднероссийских и средних по округу. В таблице 2 представлены также и самые высокие в 2009 году по УрФО показатели социально-го расслоения населения, дифференциации и концентрации денежных доходов в Тюменской области, где денежные доходы самых богатых в 23 раза выше денежных доходов самых бедных, а 10% населения получают 46,4% всех денежных доходов региона.

Преодоление кризиса в любой сфере жизни территориального (регионального, местного) сообщества напрямую связано с уровнем экономической активности

и предпринимательским сектором;
– масштабы государственного сектора, которые определяются как объемами перераспределяемого ВВП, так и долей занятого населения в госсекторе;

– особенности социальной политики, которые касаются темпов, содержания и стратегий социального развития территорий.

Последний критерий охватывает различия как в целях и инструментах социальной политики государства, так и усилий предпринимательства в направлении эффективной реализации социальной ответственности его бизнеса. Например, эти социально-политические различия национальных экономик охватывают отношение хозяйствующих субъектов, включая государство и муниципалитеты, к проблеме полной занятости, что предполагает выбор между поддержанием полной занятости и

Таблица 2

Сравнительная таблица по РФ и субъектам УрФО распределения общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2009 году

Показатель / РФ, субъект УрФО	Удельный вес денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, в %					Коэффициент фондов, в разгах	Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)
	1 гр.	2 гр.	3 гр.	4 гр.	5 гр.		
Россия	5,1	9,7	14,8	22,5	47,9	16,9	0,423
Курганская область	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	15,2	0,409
Свердловская область	4,8	9,4	14,5	22,4	48,9	18,5	0,435
Тюменская область	4,2	8,7	13,7	22,0	51,4	23,0	0,464
в том числе:							
Ханты-Мансийский АО	4,8	9,4	14,4	22,3	49,1	18,7	0,437
Ямало-Ненецкий АО	4,6	9,2	14,2	22,2	49,8	19,9	0,445
Челябинская область	5,5	10,2	15,2	22,7	46,4	14,7	0,405

государства, местного самоуправления, предпринимателей, всего населения. Социальное развитие, хотя и обладает относительной самостоятельностью, в значительной степени определяется ресурсными возможностями, которые в свою очередь зависят от степени экономического развития региона в целом. Поэтому, лишь развивая экономическую активность хозяйствующих субъектов, можно осуществить то или иное положительное продвижение в жизни населения, которое, в конечном счете, всегда определяет степень успеха, стабильность и надежность социальной политики властей.

Существует несколько моделей социально ориентированной экономики, зависимых от достигнутого уровня, исторического пути и национальных различий стран и которые можно описать по следующим критериям:

- место социальной политики среди национальных приоритетов;
- распределение социальных ролей между государством, гражданским обще-

стимулированием эффективности и конкурентоспособности производства.

Социальное развитие территорий характеризуется развитием социального сектора экономики, долей социального страхования в общих бюджетных расходах на социальные цели, адресностью социальной политики, масштабами и количеством социальных программ, обеспечивающих результативность общественно-частного партнерства и т.д.

Основную роль в финансировании социальных расходов играет государство, осуществляя финансирование как через бюджет центрального правительства, так и через региональные бюджеты. Однако финансовые проблемы, с которыми столкнулось большинство экономически развитых стран в 1990-х годах, обусловили определенные сдвиги в методологии реализации социальных функций. Так, государства со значительными объемами финансирования социальных расходов за счет бюджетной системы стали более ак-

тивно использовать принципы социального страхования на основе общественно-частного партнерства и вводить элементы платности государственных социальных услуг. В государственном секторе современной экономики перераспределяется от 30 до 70% ВВП (в России, по нашей оценке, значение этого показателя не превышает 39% для консолидированного бюджета страны).

Рост государственных расходов наблюдается во всех индустриально развитых странах мира, и очевидно, что сформировались общественные потребности в развитии социально ориентированной бюджетно-налоговой системы регионов России. Формирование социального государства (ст.7 Конституции РФ) наиболее эффективно в том случае, если цели бюджетно-налоговой, кредитно-денежной и валютной систем не противоречат и оптимально соответствуют его общенациональным целям. Усиление роли государственного сектора в современной капиталистической экономике предполагает сокращение неравенства на основе роста денежных доходов населения.

Так, в «сырьевых» регионах округа от 60 до 76% домашних хозяйств имеют денежные доходы выше 15 тысяч рублей в месяц, их вдвое больше, чем семей с такими же среднедушевыми денежными доходами в РФ (35,1%), и в 2–3 раза больше по сравнению с «индустриальными» регионами УрФО. В Курганской, Свердловской и Челябинской областях округа пока еще много домашних хозяйств (семей) с низкими среднедушевыми денежными доходами, что является показателем невысокой концентрации среднего класса и его незрелости с позиций роста экономического благосостояния.

Во всех субъектах округа, кроме Курганской области (17,9%), доля беднейшего населения ниже среднероссийского показателя (13,1%). Но даже 6,6% в Ямало-Ненецком АО, 7,4% в Ханты-Мансийском АО, 10,3% в Свердловской и Челябинской областях, 10,4% в Тюменской области беднейшего населения от общей численности населения (по оценке на 1 января 2009 года) дают серьезные цифры по каждому субъекту и округу.

В Курганской области населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума – 170533 чел., в Свердловской области – 452644 чел., в Тюменской области – 353486 чел., в Ханты-Мансийском АО – 112480 чел., в Ямало-Ненецком АО – 35878 чел., в Челябинской области – 361406 человек. В итоге по Уральскому ФО численность населения округа, получающего денежные

доходы, не обеспечивающие удовлетворение минимальных жизненных потребностей людей, 1486427 чел., т.е. почти полтора миллиона человек. В абсолютном выражении больше всего беднейшего населения в Свердловской и Челябинской областях УрФО.

Основным источником номинальных и реальных денежных доходов населения УрФО остается заработная плата. Она составляла на 1 января 2009 года 48,8% от всех денежных доходов населения округа [2, с. 177]. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций и предприятий в 2008 году возросла по сравнению с 2007 годом на 22,4% и составила 21826 руб. Реальная заработная плата работников организаций и предприятий увеличилась на 9,4% [1, с. 441]. По сравнению со среднероссийским уровнем отрицательная динамика прироста денежных доходов населения наблюдалась в 2005–2009 годах в Курганской и Челябинской областях, причем в Челябинской области на 15–20% ниже, чем в Курганской. Самые высокие положительные приросты номинальных денежных доходов были отмечены в этот период в Ямало-Ненецком АО.

С учетом доминирования горожан в структуре населения (в среднем по округу городского населения более 70%) базовой категорией классификации бюджетов домашних хозяйств, уровня и качества жизни в регионах округа является денежный доход. На наш взгляд, рост экономического благосостояния населения выражается в различии уровней номинальных и реальных среднедушевых денежных доходов. В структуре номинальных денежных доходов населения УрФО постепенно к 2009 году снижается доля доходов от социальных выплат, доходов от оплаты труда и от собственности, но растут одновременно доходы от предпринимательской деятельности и другие доходы, включая «скрытые», доходы от продажи валюты, денежные переводы и пр.

Общий вывод, который следует из тенденций изменений благосостояния и уровня жизни населения УрФО в условиях кризиса, заключается в том, что важнейшей задачей социального государства остается задача по обеспечению баланса между рыночной эффективностью и социальной справедливостью. На этом пути мероприятия социальной политики государства и местного самоуправления должны подкрепляться усилиями предпринимательского сектора экономики, который обеспечивает реализуемость программ социального развития территорий.

1. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2008: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 654 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 990 с.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ПЕРМСКОГО КРАЯ

УДК 332.1

Н.Ю. КОРОТИНА, С.И. КАТАЕВ

Современный этап экономики характеризуется активным поиском идей, подходов, методов и средств ускорения ее развития. Особую актуальность в этих условиях приобретают способы управления хозяйствующими субъектами экономической деятельности, учитывающие отраслевые аспекты структуры, многоотраслевых сфер производства, к которым относится сельскохозяйственное производство.

Эволюционная динамика развития хозяйствующих субъектов сельского хозяйства, взаимоотношений государственных институтов власти и институтов частного агробизнеса предусматривает наличие простых и сложных форм хозяйствования и управления.

Наиболее сложной формой изменений взаимоотношений государства и бизнеса является реализация диверсификационных видов деятельности в целях обеспечения устойчивости развития АПК территории. Проблеме диверсификации агропромышленного производства в настоящее время уделяется повышенное внимание в силу целого ряда причин: консервация сырьевой направленности развития экономики и поиск действенных средств и механизмов преодоления моноструктурности; необходимость формирования национальной инновационной системы (организационные, экономические, технологические изменения).

Первоочередными задачами, стоящими перед субъектами агропромышленного комплекса, является модернизация производства, сохранение производственного потенциала, разработка инновационных вариантов использования ресурсов, технологий, организации производства. Диверсификация агропромышленного комплекса предполагает наиболее полное использование потенциала предприятий. При объединении ресурсного потенциала и преимуществ ряда предприятий в интегрированную производственную систему в рамках агропромышленного комплекса можно расширить продуктовый портфель комплекса.

Монографический обзор по теоретическим положениям данной проблемы позволит в дальнейшем рассмотрении данной проблемы основополагающей позицией считать: под диверсификацией агропромышленного комплекса региона понимается комплекс мероприятий и направлений по выбору диверсификационных видов деятельности, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое развитие территории, распределение финансового капитала территории (инвестируемого или ссужаемого денежные капиталы) между различными хозяйствующими субъектами, устойчивость развития отдельных хозяйствующих субъектов АПК.

Цели диверсификационной политики АПК нами определяются как позиции их социальной направленности (повышения качества жизни населения). Экономическое целеполагание субъектов нами определяется по результативности обеспечения устойчивого развития диверсификационных производств.

Диспаритет цен на сельскохозяйственную продукцию, системы налогообложения и кредитования, протекция зарубежным производителям определяют необходимость рассмотрения преимуществ и возможностей выбора и реализации диверсификационных видов деятельности, определения механизма [1] формирования и реализации диверсификационной политики региона. Широкие возможности диверсификации сельскохозяйственного производства создаются при кооперации сельских товаропроизводителей, их интеграции с перерабатывающими производствами, предприятиями и организациями, условиями оптимальной занятости населения в сельхозпроизводстве.

Диверсификация деятельности в условиях рыночной экономики позволяет предприятиям аграрной сферы быстро перестраиваться в зависимости от условий хозяйствования, снижать риски, гибко реагировать на изменяющуюся структуру спроса, сохранять и наиболее эффективно использовать кадровые, материально-технические и финансовые ресурсы. В целом

Таблица 1.

Упрощенный баланс производства и потребления некоторых основных продуктов питания по Пермскому краю

Наименование	Производство			Потребление (фонд потребления)			Коэффициент самообеспечения		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Мясо и мясoproдукты, тыс. т	83,4	77,2	77,3	151,2	153,3	154,4	55,0	50,3	50,0
Молоко и молокопродукты, тыс. т	510,1	479,9	479,0	644,9	600,9	611,8	70,5	71,1	70,3
Яйцо, млн шт.	833,6	753,7	766,2	711,9	707,9	726,8	113,3	102,7	101,1
Картофель, тыс. т	675,1	591,5	673	329,7	282,2	298	106,7	118,0	124,6
Овощи и бахчевые, тыс. т	354,7	179,9	177,3	377,1	286,1	282,1	85,9	57,5	57,0

этот процесс представляет собой включение в хозяйственную структуру предприятия новых видов деятельности, обладающих существенно разными качественными и количественными характеристиками.

Складывающаяся в настоящее время хаотичность диверсификации отечественных предприятий связана не только с их низкой рыночной активностью, недостаточностью государственной политики, но и с отсутствием специалистов, способных сделать процесс осознанным и полезным для хозяйствующих субъектов.

Указанные тенденции характерны и для диверсификационной политики Пермского края, где в первую очередь необходимо решить проблемы инвестиционной привлекательности, обеспеченности кадрами, выпуска продукции, пользующейся спросом.

Опыт диверсификации экономики любого региона позволяет определить, что комплексные программы социально-экономического развития муниципальных образований могут и должны быть заложены в основу концепции диверсификационной политики региона. При этом предполагается, что концепция развития региона может иметь проблемно-управленческие матрицы экономического развития региона, приведенной в таблице 2. Данный опыт имеется в Рязанской области, где правительство в конкретизированном виде представлено как проблемно-управленческая матрица и дерево экономической политики [2].

Безусловно, применительно к Пермскому краю необходимы соответствующие корректировки адаптационных позиций в использовании данной матрицы (табл. 2).

Оценочным показателем экономической независимости региона является повышение валового регионального продукта (ВРП). Для Пермского края, по данным статистического обследования, отмечается тенденция устойчивости данного показателя

и тенденция к его повышению. Динамика валового регионального продукта (в млрд рублей): 2004 г. – 266,3%, 2005 г. – 327,3, 2006 г. – 383,8, 2007 г. – 477,8, 2008 г. – 609,2 [3].

Механизм увеличения и последующего роста валового регионального продукта может быть реализован в полной мере, исходя из возможностей хозяйствующих субъектов Пермского края.

Дискуссионным является вопрос содержания диверсификационного потенциала, его структуры.

Диверсификационный потенциал агропромышленного комплекса, по нашему мнению, это мера возможности и готовности агропромышленного комплекса к решению задач, обеспечивающих достижение поставленных социально-экономических целей в условиях реализации инновационно-инвестиционной политики региона для обеспечения устойчивости территории, устойчивости деятельности хозяйствующих субъектов на данной территории.

Нами предполагается, что структура диверсификационного потенциала (рисунок 1) включает следующие составляющие элементы: сырьевой потенциал, инновационный потенциал, инвестиционный потенциал, научный потенциал, производственный потенциал, организационно-структурный потенциал.

Огромное значение для развития агропромышленного комплекса региона имеет производственный потенциал. Под производственным потенциалом мы понимаем совокупность всех экономических ресурсов, занятых в производстве, – факторов производства, обеспечивающих выполнение стратегических и текущих целей производства и способствующих росту конкурентоспособности региона.

В Пермском крае производственный потенциал АПК региона имеет ряд негативных черт: неполная загрузка, отсутствие

Таблица 2.

Проблемно-управленческая матрица социально-экономического развития АПК Пермского края

Наименование проблемы	Концепция решения
<p>1. Неравномерное развитие видов экономической деятельности в структуре агропромышленного комплекса:</p> <p>1.1. Отсутствие механизма отраслевого подхода к управлению региональной экономикой АПК.</p> <p>1.2. Несформированность региональной политики стимулированного развития необходимой для экономики региона отрасли.</p> <p>1.3. Неоптимальное распределение инвестиций по приоритетам развития.</p> <p>1.4. Незрелость механизмов выбора приоритетов агропромышленного комплекса.</p>	<p><i>Краткосрочные меры (1–3 года):</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Законодательное закрепление механизма выбора приоритетов отраслевого развития. 2. Разработка механизма подхода к управлению региональной экономикой АПК. <p><i>Среднесрочные меры (4–10 лет):</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Дифференциация налогообложения. 2. Законодательное закрепление дифференцированных по видам экономической деятельности механизмов целевого выбора направлений вложения бюджетных средств в сектор АПК. <p><i>Долгосрочные меры (свыше 10 лет):</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Закрепление принципов формирования и системы диверсифицированного развития АПК региона.
<p>2. Недостаточное использование диверсификационного потенциала агропромышленного комплекса:</p> <p>2.1. Отсутствие механизма взаимодействия предприятий.</p> <p>2.2. Развитие базовых отраслей АПК региона на устаревшей технологической базе.</p> <p>2.3. Незакрепленность приоритетности развития наукоемких видов экономической деятельности.</p>	<p><i>Краткосрочные меры (1–3 года):</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Создание комплексной программы повышения качества продукции. 2. Разработка организационно-экономического механизма диверсификации на базе интеграции производственных систем (ИПС). <p><i>Среднесрочные меры (4–10 лет):</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Перестройка образования и науки в целях удовлетворения потребности в развитии агропромышленного комплекса региона. <p><i>Долгосрочные меры (свыше 10 лет):</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Закрепление принципов формирования и системы диверсифицированного развития агропромышленного комплекса региона.
<p>3. Неэффективная работа с федеральным центром по софинансированию долгосрочных проектов. Недостаточность инвестиционных ресурсов для развития агропромышленного комплекса.</p>	<p><i>Краткосрочные меры (1–3 года):</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Привлечение сторонних инвесторов. 2. Инвестиционные налоговые льготы. 3. Разработка организационно-экономического механизма диверсификации на базе ИПС. 4. Формирование рациональной структуры инвестиций. <p><i>Среднесрочные меры (4–10 лет):</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Создание механизма введения дополнительных инвестиционных средств в региональную экономику на основе выбора приоритетов отраслевого развития по видам экономической деятельности.
<p>4. Незакрепленность приоритетности развития наукоемких производств:</p> <p>4.1. Недостаточность инвестиционных ресурсов для развития наукоемких производств.</p> <p>4.2. Отсутствие механизма инновационного развития регионального АПК.</p> <p>4.3. Устаревшая технологическая база.</p>	<p><i>Краткосрочные меры (1–3 года):</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Разработка политики в сфере науки и инноваций. 2. Разработка бюджетной, налоговой политики. 3. Разработка политики в сфере образования. 4. Разработка организационно-экономического механизма диверсификации на базе ИПС. 5. Разработка механизма принятия организационно-управленческих решений, обеспечивающих гибкость структурной перестройки сельхозпроизводства в соответствии с требованиями внутренних и внешних рынков. 6. Информатизация общества.
<p>5. Неполная загрузка мощностей предприятий, их медленное обновление:</p> <p>5.1 Модернизация основных фондов.</p> <p>5.2. Интенсивное использование основных фондов.</p>	<p><i>Краткосрочные меры (1–3 года):</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Разработка политики в сфере модернизации основных фондов. 2. Разработка организационно-экономического механизма диверсификации на базе ИПС.

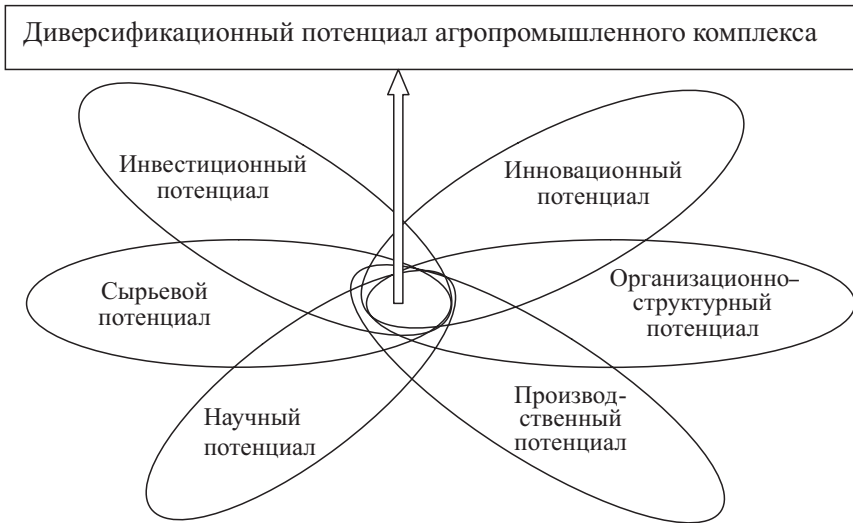

Рис.1. Формирование диверсификационного потенциала агропромышленного комплекса

качественного улучшения и дефицит производственных мощностей, применение ресурсозатратных технологий, технологическая разбалансированность и высокая степень износа основных производственных фондов, неравномерность распределения производственных мощностей по территории страны.

В этой связи улучшение эффективности использования производственного потенциала невозможно без государственной поддержки с использованием различных бюджетно-финансовых инструментов, государственного участия в реализации инвестиционных проектов, предусматривающего государственное финансирование, государственно-частное партнерство, обеспечение гарантий вложений частных инвесторов.

Инвестиционный потенциал определяет меру возможности и готовности потенциальных инвесторов вкладывать средства в развитие предприятий промышленного комплекса. Так, государственная поддержка развития агропромышленного комплекса осуществляется в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы (Постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2007 № 446) и краевой целевой программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в

Пермском крае на 2009–2012 годы». В 2009 году сельхозтоваропроизводителям оказана господдержка (субсидии) в объеме 1,55 млрд руб., в т.ч. из федерального бюджета привлечено 679,1 млн руб., из краевого бюджета освоено 868,1 млн руб. [3].

Качественное развитие инвестиционной деятельности в экономике региона становится в современных условиях важной исходной предпосылкой для решения задач по обеспечению экономического роста и оказывает непосредственное влияние на повышение конкурентоспособности России. Как подтверждают исследования, инвестиционная деятельность отдельного региона становится более эффективной, когда она организована в форме системы, в которой взаимодействуют финансовые, организационные, предпринимательские и другие факторы с соответствующим государственным регулированием.

Под научным потенциалом региона понимается совокупная способность и возможность субъектов научной деятельности выполнять исследования и разработки в заданный период времени, направленные на повышение конкурентоспособности региона и обеспечивающие рост качества жизни населения посредством удовлетворения потребностей в новых наукоемких технологических процессах, продуктах, услугах, их модификациях.

Воспроизводство и развитие научного потенциала определяется результатами

взаимодействия формальных и неформальных институтов – участников научной, инновационной, образовательной, производственной и иных связанных видов деятельности в процессе создания, использования и тиражирования научных знаний.

Под инновационным потенциалом агропромышленного комплекса мы понимаем инструменты и методы создания и внедрения новых знаний, технологий, организации, ранее не применявшихся идей для развития и эффективного использования в целях совершенствования агропромышленного комплекса, что потребует наличия целостной системы управления организационными техническими экономическими изменениями.

Инновационные процессы в АПК имеют свою специфику. Они отличаются многообразием региональных, отраслевых, функциональных, технологических и организационных особенностей.

Под организационно-структурным потенциалом агропромышленного комплекса понимаем меру его возможности и готовности создавать различные интегрированные производства сложного продукта, который не может быть выполнен на одном из отдельно взятых предприятий. Диверсификация модернизации на базе интегрированных производственных систем является новой организационно-структур-

ной формой, которая позволяет не только покрыть часть потребностей внутритерриториального характера, но и поддержать и вывести на новый уровень многие предприятия региона.

В рамках целевой диверсификации агропромышленного комплекса формой интеграции является кластерная форма.

В этих условиях основным инструментом проведения целенаправленной политики внедрения процессов диверсификации в управление агропромышленным комплексом становятся качественно новые управленческие механизмы, адаптированные к реальным условиям с масштабными перспективами в развитии, создающие условия для повышения конкурентоспособности и повышения уровня благосостояния населения, что достигается путем эффективного использования социально-экономического потенциала территории.

Решение данной проблемы требует обеспечения оптимального взаимодействия всех объектов, вовлеченных в данный процесс, проведения организационных и технологических изменений.

Позиции рассматриваемого вопроса включают научно-теоретические и научно-практические разработки оценки эффективности диверсификационного потенциала территории, механизма его формирования и реализации.

1. Бородина, М.А. Разработка механизма регионального управления взаимосвязью науки, промышленного производства и образования [Текст] / М.А. Бородина // Инновационные пути реализации приоритетных национальных проектов в регионе: Сб. научных трудов / Под ред. А.Н. Пыткина; Пермский филиал Института экономики УрО РАН. – Пермь, 2007.

2. Ларионова, О.А. Диверсификация как основа качественного изменения экономического роста региона [Текст] / О.А. Ларионова // Организационные механизмы управления инновационным развитием промышленности региона: Сборник статей. – Рязань: ООО «Полиграф», 2008. – С. 79–85.

3. Сельское хозяйство Пермского края. 2010: Статистический сборник [Текст] / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. – Пермь, 2010. – 177 стр.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 304 (340.115.4)

В.Н. САВИН

Проблема правовой культуры личности и общества привлекает ученых различных специальностей. Сегодня ее изучают юристы, философы, социологи, культурологи. Этот интерес связан с ее особой актуальностью на современном этапе. Актуальность заключается, прежде всего, в том, что в условиях социальной трансформации современного российского общества, реформы системы образования и воспитания, традиционных институтов социализации и механизмов социокультурной преемственности усложняется процесс адаптации молодежи, поиска ею социально приемлемых и оптимальных форм поведения, самореализации и самоутверждения. Формирование правовой культуры молодежи в нашей стране идет трудно, распространены асоциальные проявления в молодежной среде. Приоритетами государственных интересов и всего общества в отношении студенческой молодежи еще не стали воспитание и формирование гражданина, патриота, труженика, активно участвующего в государственной и общественной жизни, в функционировании социальных институтов на основе правовых норм и ценностей. Участие молодежи в жизнедеятельности общества на современном этапе во многом зависит от меры развития у нее правовой культуры. Состояние неустойчивости, переходности, кризисности общественного развития меняет формы и механизмы формирования правовой культуры молодых людей, обуславливает необходимость изучения ее особенностей, факторов, противоречий. К тому же, без сформированной у личности правовой культуры невозможно построение в России правового государства и гражданского общества.

Изучение правовой культуры студентов важно с социологической точки зрения. В работах отечественных и зарубежных ученых рассматривается правовая культура в целом как социальный феномен и правовая культура различных социально-профессиональных групп, в первую очередь, юристов и работников пенитенциарных учреждений;

при этом используются различные теоретико-методологические подходы. Однако работ, посвященных социологическому изучению правовой культуры студентов, явно недостаточно. Следовательно, данная проблема требует дальнейшей теоретической разработки и проведения эмпирических исследований.

Анализ состояния правовой культуры студентов имеет практическое значение для разработки механизмов и программ ее приведения в соответствие с требованиями формирующегося правового государства. Таким образом, теоретическая неразработанность проблемы и ее практическая значимость свидетельствуют об актуальности темы.

Прежде чем говорить об особенностях правовой культуры студентов, определимся с понятием «правовая культура». Правовую культуру можно определить как особое взаимодействие личности, общества и государства на основе разделяемых правовых знаний, норм, ценностей, обеспечивающих ее участие в различных сферах социальной деятельности, обусловленное влиянием объективных и субъективных факторов.

На наш взгляд, данное определение указывает, во-первых, на то, что правовая культура – важный феномен культуры, так как включает совокупность знаний, умений и навыков, определяющих образцы социальной деятельности, осуществляемых на основе законов, передающихся из поколения в поколение. Во-вторых, это всегда движение, стремление личности к определенным идеалам, развитию правового государства и гражданского общества. В-третьих, правовая культура есть результат взаимодействия внешней заданности (объективных факторов), побуждающей личность к правозаконной деятельности и внутренней необходимости (субъективных факторов) – интереса, ценностей, потребностей, установок и т.д.

Поэтому правовая культура может быть рассмотрена как особая форма социаль-

ного взаимодействия личности, общества и государства.

Правовая культура является особой подсистемой культуры. Становление и развитие определенного типа правовой культуры тесно связано с существующими законами в обществе, характеризующими и определяющими поведенческие модели личности. В структуре каждого общественного строя выделялась система ценностей, идеалов, образцов поведения, законов, которые выражали квинтэссенцию существующего уклада жизни, регулировала отношения между государством, обществом и гражданином.

Особенности правовой культуры проистекают из интенсивности взаимодействия личности с обществом, государством и ее включенности в общественную жизнь. В то же время правовая культура выступает формой осознания необходимости построения правового государства в целом и важнейшим показателем его развития. Она является продуктом зрелого общества, в ней закрепляется и передается социально-политический опыт, а также образуются механизмы, позволяющие обеспечить выражение и согласование различных интересов и принятие общих правил и решений на основе принятых в обществе законов. Единство заключенных в ней социальных и политических отношений придает культуре новое качество и возможности влиять на функционирование всего общественного организма. Это находит выражение в формировании определенного типа личности и воспроизводстве и развитии правовых качеств. Речь идет о выработке правового сознания и форм правового поведения, социальных связей и способов общения, способствующих укреплению всего общества.

Именно в правовой культуре представлен единый комплекс основополагающих правовых ценностей и норм, охватывающих все сферы общества и определяющих их общую гражданскую направленность. Следовательно, правовая культура представляет собой нормативную систему, регулируемую и контролирующую деятельность личности, стимулирующую общественную жизнь. Правовая культура вбирает в себя особый правовой кодекс, основанный не только на правовых положениях, но и на моральных нормах и общей приверженности общественным принципам и долгу. Проявлением нормативности правовой

культуры можно, в частности, считать активное правовое сознание и поведение.

Определившись с понятием «правовая культура», перейдем к анализу специфики правовой культуры студентов в современных условиях.

В январе-феврале 2011 года нами было проведено социологическое исследование в вузах города Челябинска. В исследовании приняли участие студенты, обучающиеся на технических, социальных, гуманитарных и юридических факультетах вузов г. Челябинска. В рамках исследования нами был проведен опрос экспертов по данной теме. Использование количественной и качественной стратегий позволило нам более полно описать состояние правовой культуры студентов.

В рамках изучения правовой культуры важным является анализ жизненных ценностей студентов. Восприятие целей, ценностей, норм правовой культуры, степень их интериоризации находятся под влиянием индивидуально-личностных ценностей, их личных жизненных ориентаций, жизненного опыта. Поэтому в ходе исследования студентам было предложено проранжировать жизненные ценности по степени их важности.

Жизненные ценности представляют собой ориентир в сознании индивидов, в соответствии с которым выстраивается жизнедеятельность, в том числе и деятельность личности в правовой сфере.

В нашем исследовании использовалась модифицированная версия методики М. Рокича, направленная на выявление иерархии жизненных ценностей человека. На основе рассчитанной средней взвешенной получен следующий рейтинг жизненных ценностей студентов.

Данный рейтинг дает нам представление о том, что опрошенные студенты в первую очередь ориентированы на достаточно универсальные ценности: здоровье, семейное и материальное благополучие, карьеру, любовь. Это подтверждает общую тенденцию как для россиян, так и для зарубежных граждан вне зависимости от того, к какой социально-профессиональной группе они относятся. Вместе с тем, на задний план отходят такие ценности, как творчество, самореализация, желание приносить пользу людям. А ведь эти ценности так необходимы для молодого человека – будущего специалиста, так как без самореализации вряд ли сегодня можно

быть успешным в жизни и сделать карьеру – то, о чем мечтают сегодня студенты. Между тем, исследование показало, что 48,0% респондентов указало на самореализацию, как необходимую ценность для будущего специалиста. В целом же анализ результатов исследования дает основание заключить, что ведущее место у студентов занимают общечеловеческие, гуманистические ценности, которые доминируют в общественном сознании современного постиндустриального общества. Некоторые важные ценности прошлой эпохи – активная жизненная позиция и желание приносить пользу людям – утратили свою приоритетную значимость и смещаются на периферию сознания студентов (13–14 места).

Охарактеризовав систему жизненных ценностей студентов, мы полагаем целесообразным перейти к анализу состояния их правовой культуры. Прежде всего, обратимся к тому, как респонденты понимают феномен правовой культуры.

Правовую культуру студенты понимают, прежде всего, как культуру взаимодействия на основе принятых в обществе ценностей и норм поведения. На это указало 38,9% респондентов. Часть студентов дали иные определения: 25,8% опрошенных считают, что правовая культура – это комплексное понятие, которое включает правовые знания, ценности, а также формы поведения личности; для 16% респондентов правовая культура ассоциируется с определенными формами взаимодействия на основе соблюдения законов, имеющихся в обществе; 9,8% опрошенных свели ее к принятию личностью правовых знаний, норм, ценностей. 5,8% опрошенных студентов отметили, что она есть не что иное, как правовые знания, а 7,2% – правовые нормы. Таким образом, мы видим, что студенты в понимание профессиональной культуры вкладывают как знаниевые, когнитивные аспекты, так и ее нормативно-аксиологическую составляющую.

Как видим, нет единого мнения у респондентов в вопросе о том, что представляет собой феномен «правовая культура». Однако не может не радовать тот факт, что большинство респондентов (89,1%) считает, что правовой культурой должен обладать каждый россиянин. Вместе с тем, лишь половина студентов отметила, что они обладают правовой культурой (48,9%). И этот факт не может не беспокоить, так как

студенчество – это передовая часть молодежи, которой и предстоит строить в стране правовое государство. В этом мы видим одно из противоречий формирования правовой культуры: между необходимостью ее формирования и отсутствием условий для этого. Студенты выразили единодушное мнение о том, что для формирования и повышения уровня правовой культуры в современной России необходимо повысить роль высшей школы, семьи и СМИ. Все опрошенные нами студенты отметили, что «общество и государство должны вернуться лицом к формированию правовой культуры».

Наше исследование показало, что и в среде экспертов нет единодушного мнения о сущности феномена «правовая культура». Одни считают, что вполне обоснованно говорить о правовой культуре личности как о наборе правовых знаний, умений и навыков деятельности: «Правовая культура включает наличие у человека глубоких правовых знаний, законов и умения применять их на практике» (А.Н., 54 года, начальник отдела министерства); другие под правовой культурой личности понимают «...наличие у человека правовых знаний и принятие им правовых норм...» (С.И., 66 лет, ректор вуза). Вторая группа экспертов склонна отдавать предпочтение совокупности качеств личности, которая обладает правовой культурой. «Можно говорить о правовой культуре личности в том случае, когда он/она обладает такими качествами, как честность, порядочность, соблюдение законов» (А.С., 35 лет, преподаватель права); «правовая культура личности – это личностные качества человека, которые помогают ему в любой деятельности. Это такие качества, как соблюдение прав человека, уважение прав другого человека, соблюдение законов, толерантность. Правовая культура – это то, чем должен обладать каждый человек независимо от той сферы, где он работает (С.П., 38 лет, преподаватель права).

Таким образом, исследование показало, что представления о том, что такое правовая культура, в определенной степени интуитивны, размыты, скорее основаны на личном опыте, нежели на знании. При этом все информанты уверены, что правовой культурой должен обладать каждый человек, особенно студент – будущий специалист, и ее предназначение заключается в организации и ведении любой социаль-

ной деятельности на основе соблюдения законов и прав человека.

Наш анализ правовой культуры студентов опирается на подход Л.Н. Когана, в соответствии с которым в структуре правовой культуры выделяется три блока: когнитивный, поведенческий и праксеологический. Сразу же отметим, что подробное рассмотрение праксеологического блока не входит в наши задачи.

Когнитивный блок правовой культуры составляют (ЗУНЫ) правовые знания, умения и навыки, правовые ценности, язык общения. Поэтому первым элементом анализа выступают правовые знания, умения, навыки студентов, обучающихся в высшей школе.

Наше исследование показало, что 72,5% респондентов испытывают потребность в правовых знаниях, причем испытывают потребность в знаниях как студенты, обучающиеся на технических специальностях (53,6%), так и те, кто обучается на социально-гуманитарных факультетах (38,8%). Здесь, как мы видим, расхождения в количественном отношении. Такое расхождение можно объяснить тем, что у студентов, обучающихся на гуманитарных и социальных факультетах, больше часов отводится на изучение правовых дисциплин. Что касается качественных показателей (знаний по определенным отраслям правовой науки), то студенты, обучающиеся на технических факультетах, в большей степени, чем студенты социально-гуманитарных факультетов, испытывают потребность в правовых знаниях в области защиты прав потребителей (67,5%), семейных отношений (до 40%), жилищно-коммунальных отношений (до 50,0%) и др., т.к. это необходимо любому россиянину.

На наш взгляд, это вполне объяснимо. При обучении на технических специальностях предметы социогуманитарного цикла не преподаются вообще либо даются студентам в «усеченном виде» по сравнению с обучением на гуманитарных факультетах. Что касается студентов, изучающих юриспруденцию, то подавляющее большинство (более 80%) не испытывают потребности и дефицита правовых знаний, что вполне объяснимо – юриспруденция их будущая профессия.

Исследование зафиксировало причины, вызвавшие потребность студентов в правовых знаниях. К ним относятся: умение лучше отстаивать свои права (72%

респондентов); желание не быть обманутым (26,6% респондентов); желание не нарушать законы (15,0% респондентов); желание умело обходить законы (9,0% опрошенных). Две первые причины являются вполне обоснованными. Не может не беспокоить тот факт, что 9,0% опрошенных студентов отметили причину – умело обходить законы. Это также свидетельствует о том, что наше государство не является правовым. Это подтверждают и данные экспертного опроса: «Мы живем в стране, где любой закон можно обойти. Для этого нужны деньги и знание, как это сделать. В отсутствие правового государства сложно говорить о правовой культуре студентов. Студенты это чувствуют» (А.С., 35 лет, преподаватель права).

В исследовании нас интересовал вопрос о том, откуда студенты должны получать недостающие им правовые знания и откуда они получают их. Мы получили следующую картину получения правовых знаний.

Исследование показало, что желаемыми источниками информации о правовых знаниях являются: вуз, Интернет, правоохранительные органы (юристы), СМИ. На практике основным источником получения знаний выступает Интернет, что не способствует повышению правовой культуры студентов. Таким образом, исследование выявило противоречие между необходимостью повышения уровня и качества правовых знаний студентами и ограничением возможностей со стороны государства делать это в организованных формах (вуз, школа, правоохранительные органы, курсы).

Второй элемент данного блока правовой культуры – нормы, умения и навыки применения их на практике. Студентам было предложено оценить, что, по их мнению, представляет собой правовая норма. Исследование показало, что для 44,0% опрошенных правовой нормой является установленное или санкционированное государством правило поведения личности в обществе. 25,3% респондентов отметили, что правовая норма – это соблюдение правил поведения личности в обществе; 23,4% – социальный регулятор поведения личности в обществе; 15,6% – это норма культуры; 5,7% – мера государственного принуждения. Как видим, более половины опрошенных студентов не совсем четко понимают сущность правовой нормы.

Когда мы говорим о правовой норме как социальном регуляторе, то мы должны понимать, что, помимо права, таким регулятором социальных отношений в обществе выступает мораль, религия, политика. В этом плане студенты отождествляют данные понятия. Говоря о том, что правовая норма есть норма культуры, не учитывается тот факт, что норма культуры не имеет статуса легитимности, следовательно, она варьируется в разных социокультурных средах, а правовая норма имеет статус закона, следовательно, она обязательна для всех. В исследовании нас интересовал вопрос о том, что дает студентам знание правовых норм. Так, для 81,1% опрошенных это возможность знать свои права и уметь их защищать; для 42,4% респондентов – возможность корректировать свое поведение; для 22,4% – возможность всегда соблюдать закон. 19,5% студентов указали на то, что правовые нормы нужны для зарабатывания денег законным способом.

Как видим, эти позиции верно раскрывают функции правовых норм, что и отразили наши респонденты. Однако не могут не беспокоить отмеченные студентами четыре последующие позиции (20,9% опрошенных – возможность вызывать у окружающих хорошее отношение к себе, 9,6% респондентов – уметь обходить закон). Они свидетельствуют о негативной тенденции развития правовой культуры, что коррелирует с данными о правовых знаниях: правовые знания не всегда ведут к соблюдению правовых норм личностью. Так, 70,0% опрошенных студентов высказали свою позицию о том, что они всегда соблюдали и будут в дальнейшем соблюдать правовые нормы при любых обстоятельствах; 6,5% респондентов отметили,

что они уже не всегда соблюдают правовые нормы; а 23,5% студентов затруднились с ответом на вопрос о соблюдении ими правовых норм. Возможно, среди этих студентов мы в будущем можем увидеть нарушителей законов.

Подводя итог анализу данных исследования правовой культуры студентов, можно сделать следующие выводы об ее особенностях.

К особенностям правовой культуры студентов можно отнести ее кризисное состояние, что соответствует кризису правовой системы в обществе и отсутствию правового государства. В исследовании выявлено преобладание негативных тенденций развития над позитивными.

Также необходимо отметить статистически значимые корреляции между правовыми нормами и правовыми знаниями, что характеризует противоречие между знаниями студентами правовых норм и применением их на практике. Вследствие этого наблюдается тенденция снижения значения правовых норм для студентов.

Исследование позволило выявить ряд противоречий, прежде всего, между декларируемой необходимостью формирования правовой культуры студентов со стороны государства и отсутствием условий для ее формирования. Социальные институты, призванные формировать этот вид культуры: семья, школа, высшая школа, правоохранительные органы, СМИ – не выполняют своей функции. Одним из противоречий можно считать противоречие между «идеальным типом личности – носителя правовой культуры», определяемого законодательно, и «реальным типом», формирующимся под влиянием СМИ, кризиса культуры общества и отсутствия правового государства в целом.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРЫ ТУРЦИИ

УДК 316.7

Н.В. КИММЕЛЬ

Сегодня Турция – это интенсивно развивающееся государство. Благоприятные климатические условия, модель развития, сочетающая светский характер государственного устройства, умеренный ислам и технологичную модернизацию, с каждым годом привлекает не только большое количество туристов, но и эмигрантов. Так, по предварительным данным посла России в Турции В.Е. Ивановского, сегодня в Турции проживает примерно 50 тыс. россиян [1]. Турция является важным туристическим, торгово-экономическим, промышленным и внешнеполитическим направлением для России. В условиях интенсивно развивающихся русско-турецких отношений русскоязычная диаспора является не просто демографическим резервом России, испытывающим дефицит населения, но и опорой для укрепления экономических, политических и культурных отношений и связей со страной проживания соотечественников, а также важной составляющей современной системы международных отношений. Поэтому проблема сохранения культурной идентичности представителей русскоязычной диаспоры не просто актуальна, но и имеет общегосударственный характер. Но встает вопрос, насколько эмигрантам удастся сохранить собственную культурную идентичность. Ведь в чужой стране они сталкиваются и с рядом других проблем, в частности, как сформировать новую культурную идентичность, чтобы чувствовать свою принадлежность к новой культуре, и насколько возможно принять ценности, нормы и традиции «чужой» культуры, а также с какой культурой себя отождествлять. Немаловажным вопросом является и то, кто или что и каким образом должен формировать эту новую культурную идентичность.

Прежде чем рассматривать специфику культурной идентичности русскоязычных эмигрантов в условиях культуры Турции, обратимся к понятиям «диаспора» и «куль-

турная идентичность». Под диаспорой мы понимаем устойчивую совокупность людей одного этноса, мигрировавших в результате причин экономического, политического или личностного характера, проживающую за пределами своей исторической родины, сохраняющую этническое самосознание и имеющую социальные институты для развития и функционирования данной общности. Культурная идентичность, на наш взгляд, – это результат приобщения и отождествления личности с ценностями и нормами другой культуры, внутреннее качество личности, позволяющее охарактеризовать ее как представителя конкретной социокультурной группы, к которой она принадлежит или стремится принадлежать.

С целью выявления факторов, влияющих на формирование новой культурной идентичности, нами было проведено исследование, которое включало в себя анкетный опрос, а также глубинное интервью. В ходе исследования было опрошено 500 представителей русскоязычной диаспоры, проживающих в крупных городах Турции (Стамбул, Измир, Анталия). Это в основном разновозрастная группа эмигрантов (с преобладанием молодого поколения от 26 до 30 лет – 37%), с высоким уровнем образования и разнородная по сфере занятости.

Социологический анализ проблемы формирования культурной идентичности предполагает анализ факторов, влияющих на этот процесс. При этом каждый из факторов может не только способствовать формированию новой, но одновременно и сохранению старой культурной идентичности. Поэтому мы рассмотрим только некоторые из факторов, способствующих приобретению эмигрантами новой культурной идентичности.

По нашему мнению, важным фактором, влияющим на формирование новой культурной идентичности личности, явля-

ются особенности культуры, из которой человек выезжает. Так, хуже вступают во взаимодействие с новой культурой представители тех культур, в которых очень важно понятие «лица», «личности». Представители этих типов культур болезненно воспринимают неизбежные ошибки и потери в процессе аккультурации. А представители «великих держав», которые обычно считают, что приспособливаться должны не они, а «другие», с трудом вступают во взаимодействие, и, как правило, для этих людей процесс формирования новой культурной идентичности оказывается крайне сложным и противоречивым [3, с. 138]. Анализируя данный фактор, мы должны учитывать то, каким образом и по каким причинам человек покидает родную для него культуру, а также, насколько ценности, нормы, традиции родной культуры были интериоризированы им. Рассмотрим причины, которые способствовали переезду эмигрантов в Турцию.

Таблица 1.

Причины переезда представителей русскоязычной диаспоры в Турцию (в % к числу опрошенных)

Причины переезда эмигрантов	% опрошенных
семейные обстоятельства (воссоединение с семьей, родственниками)	–
поиск лучшей жизни	28,6
нестабильная политическая ситуация в стране	–
тяжелая социально-экономическая ситуация в России (откуда приехали)	8,2
замужество, женитьба в Индонезии/Турции	38,8
желание жить в теплом климате	4,1
желание жить в цивилизованной стране	28,6

Из таблицы 1 видно, что главной причиной своего переезда 38,8% опрошенных указали «замужество»; 29% эмигрантов посчитали Турцию «более цивилизованной страной» и уехали по этой причине. Подобное желание респонденты также объясняют наличием проблем социально-экономического характера (на это указали 8,2% респондентов). Среди незначительных причин респонденты также выделили «желание

жить в теплом климате». Результаты глубинного интервью выявили еще ряд причин, среди которых отдельные респонденты указали на: «желание уехать из России», «уехать от суеты», «лучше условия, чтобы растить детей», «в стране полный беспорядок, разврат и наркомания». Кроме того, данные исследования показали, что 96% респондентов были рады покинуть родную страну. Таким образом, анализируя причины, по которым эмигранты покинули свою родину, мы приходим к выводу, что они способствовали осознанному желанию переехать в другую страну (а не вынужденному, например, депортация и пр.) и войти в новую культуру, что, по нашему мнению, служит отправным моментом в обретении эмигрантами культурной идентичности. Поэтому, на наш взгляд, данный фактор способствует приобретению новой культурной идентичности представителями русскоязычной диаспоры в Турции.

Еще одним фактором, влияющим на формирование новой культурной идентичности, является культура семьи. Здесь важным является то, насколько члены семьи готовы принять новую культуру и насколько культура семьи, сформировавшаяся в родной культуре, близка культуре страны пребывания. Вместе с тем, значение имеет удовлетворенность материальным благосостоянием и статусом семьи в новой культуре.

Результаты проведенного исследования выявили, что 72% опрошенных состоят в браке с представителями Турецкой Республики и 25% респондентов – незамужем/холосты, но при этом также состоят в отношениях с турками. Вместе с тем, 29% опрошенных отметили, что имеют детей от брака с представителями турецкой нации. О значимости фактора семьи для русскоязычных эмигрантов свидетельствует ряд показателей. Например, «семья» среди всех жизненных ценностей эмигрантов стоит на первом месте по важности. На это указали 83% опрошенных в Турции. 83,3% респондентов предпочитают проводить время в кругу семьи. Кроме того, 32% опрошенных, наряду с русскими праздниками, также отмечают все мусульманские праздники в кругу семьи. Также необходимо учитывать тот факт, что при возникновении проблем 36,4% респондентов обращаются за помощью к родственникам из состава турецкой семьи. Поэтому, на наш взгляд, семья имеет большое значение для русскоязычных эмигрантов в Турции.

Отвечая на вопрос о своем материальном положении, 94% респондентов, состоящих в браке, указали на его улучшение, при этом 79,6% – довольны своим материальным положением. Кроме того, 55,1% респондентов считают, что в связи с переездом в Турцию их социальный статус повысился. Мы аргументируем подобные результаты следующими причинами. Во-первых, материальное положение и социальный статус эмигрантов могли улучшиться в связи с вступлением в брак (71%) и переходом на обеспечение семьи (45% опрошенных – домохозяйки), и, во-вторых, – большинство эмигрантов (89,8%) покинули Россию в период кризиса практически сразу после окончания университета (74% опрошенных), когда стабильное материальное положение оценивать было рано. Таким образом, результаты проведенного исследования доказали важность фактора новой «семьи и ее культуры» для представителей русскоязычной диаспоры в Турции. И, следовательно, данный фактор на наш взгляд, способствует обретению новой культурной идентичности русскоязычными эмигрантами, проживающими в Турции.

Одним из наиболее значительных, по нашему мнению, факторов является фактор референтной группы (ближайшего социального окружения). Круг общения, наличие друзей и знакомых из местных жителей или же из бывших соотечественников, безусловно, оказывает воздействие на формирование культурной идентичности личности.

Результаты проведенного нами исследования показали, что 85,7% опрошенных предпочитают проводить свободное время с представителями турецкой культуры, и только 10,2% респондентов проводят свободное время с русскими, а 4% опрошенных проводят время с представителями разных культур.

Из таблицы 2 мы видим, что русскоязычные эмигранты в Турции предпочитают проводить время в кругу турецкой семьи. Так считают 83,3% опрошенных. Кроме того, 16,7% респондентов в Турции также проводят свободное время с родственниками (из состава турецкой семьи), а 27% опрошенных – с коллегами по работе (представителями турецкой культуры). И только 25% респондентов отметили, что проводят его «с друзьями» (представителями русской культуры).

Таблица 2.

Времяпрепровождение русскоязычных эмигрантов в Турции (в % к числу опрошенных)

Времяпрепровождение русскоязычных эмигрантов	% опрошенных
с друзьями (представителями русской культуры)	25%
в кругу турецкой семьи	83,3%
один (одна)	20,8%
с родственниками (из состава турецкой семьи)	16,7%
с коллегами по работе (представителями турецкой культуры)	27,1%

Сумма превышает 100%, поскольку респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов.

Более того, на вопрос «Как вы проводите свободное время?» большинство опрошенных, проживающих в Турции (41,9%), ответили – «за просмотром телевидения». Из чего можно сделать вывод, что представители русскоязычной диаспоры в Турции больше предпочитают проводить свободное время дома, нежели общаться с другими представителями русскоязычной диаспоры.

Полученные результаты исследования позволяют нам сделать вывод о том, что, поскольку большинство опрошенных предпочитают проводить свободное время с представителями турецкой культуры, и, чаще всего, в кругу семьи или дома (за просмотром телевизора), а не общаться с другими представителями русскоязычной диаспоры, то есть их основным окружением являются представители турецкой культуры, то можно заключить, что фактор референтной группы в данном случае способствует приобретению эмигрантами новой культурной идентичности.

На наш взгляд, на формирование культурной идентичности влияет фактор культурной дистанции. Под культурной дистанцией мы понимаем степень различий между родной культурой и той, с которой взаимодействует личность в новых условиях, а также степень близости или отчуждения личности от данной культуры. Культурная дистанция относится к ряду ненаблюдаемых непосредственно явлений культуры. Для ее обозначения в культуре выработаны различные средства. К ним

относятся: язык, символы, знаки, ценности, действия. Здесь важно отметить тот факт, что на процесс формирования новой культурной идентичности влияет даже не сама культурная дистанция, а представление человека о ней, ощущение культурной дистанции, которое, в свою очередь, зависит от многих факторов: наличия или отсутствия конфликтов как в родной, так и в чужой культуре; знание чужого языка и культуры и др.

Рассмотрим одно из средств культурной дистанции – язык. Результаты проведенного нами исследования показали высокий уровень владения эмигрантами турецким языком. В семье представители русскоязычной диаспоры предпочитают разговаривать на двух языках. Так, на русском в кругу семьи говорят 85,7% опрошенных, а на турецком – подавляющее большинство – 98% респондентов. На работе 22,4% эмигрантов разговаривают на русском, а 94% говорят на турецком. В магазинах 98% опрошенных предпочитают разговаривать на турецком языке, а с друзьями общаются на двух языках (75% – на русском и 98% – на турецком).

Таблица 3.

Владение русскоязычными эмигрантами турецким языком (в % к числу опрошенных)

Владение эмигрантами языком страны пребывания	Турция	
	русский	турецкий
В кругу семьи	85,7%	98%
На работе	22,4%	94%
В магазине	–	98%
С друзьями	75%	98%

Сумма превышает 100%, поскольку респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов.

Таким образом, можно заключить, что для представителей русскоязычной диаспоры в Турции основными являются два языка – родной и турецкий. Данный фактор свидетельствует как о сохранении эмигрантами своей культурной идентичности, так и приобретении новой.

Однако рассматривать знание языка еще недостаточно, чтобы в полной мере

говорить о влиянии культурной дистанции на формирование культурной идентичности эмигрантов. Необходимо учитывать представления респондентов о культурной дистанции. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно проанализировать мнения эмигрантов о наличии разницы между культурой страны исхода и пребывания.

На вопрос о сходстве двух разных культур большинство представителей русскоязычной диаспоры в Турции (65,3%) указали на относительное сходство, 6,1% опрошенных считают, что эти две культуры имеют много сходства, и лишь 28,6% опрошенных придерживаются мнения «абсолютно не похожи». При этом респонденты, проживающие в Турции, указали несколько критериев, по которым можно говорить о сходстве двух культур: «ориентация и русской, и турецкой культуры на Европу», «схожесть традиций», «гостеприимство». Кроме того, респонденты отметили, что и та, и другая культура очень современна и модернизирована. Относительно различий турецкой и русской культуры, на которые указало 28% опрошенных, наиболее значительными респонденты считают следующие: «отношение к семье, женщине, детям», «различия в стиле поведения и одежде», «разность в быту, обычаях, кухне, в культурном наследии (считают, что русская культура намного богаче)».

Таким образом, учитывая данные исследования, можно констатировать, что для представителей русскоязычной диаспоры в Турции культурная дистанция не столь ощутима, и, соответственно, русскоязычные эмигранты в Турции подвержены приобретению новой культурной идентичности.

Другим, не менее важным фактором формирования культурной идентичности личности, являются условия культуры пребывания, то есть, насколько условия проживания в чужой культуре для человека способствуют формированию его новой культурной идентичности. Основными моментами являются настрой и доброжелательность местных жителей к приезжим и то, насколько готовы они к позитивному взаимодействию с ними. К условиям культуры пребывания мы относим и экономическую, и политическую стабильность принимающей культуры, уровень преступности, от которого зависит безопасность личности, возможность личности взаимодействовать с представителями другой культуры (совместная производственная или учебная деятельность, совместный

досуг, участие в совместных мероприятиях и т.д.).

Что касается настроения местных жителей по отношению к эмигрантам, то результаты проведенного нами исследования показали, что 50% опрошенных, проживающих в Турции, отметили, что при переезде в другую страну ощутили на себе неприязнь местных жителей. Это объясняется тем, что отношение к русским эмигрантам в таких туристических странах, как Турция, негативное. Отрицательное отношение к русским в Турции объясняется бурным развитием туризма, доступного для широких масс населения (что непосредственно сказывается на негативном поведении русских туристов на курортах), а также отношением к русской женщине, сформировавшимся в конце 90-х годов XX века, когда в Турцию направилась волна трудовой миграции с целью заработка «легких денег». Это подтверждают и данные глубинного интервью: «Зачастую русские туристы ведут себя очень некультурно, что проявляется в безмерном употреблении «бесплатного алкоголя», хамстве, нецензурной брани. А русские девушки порой очень откровенно одеваются» (Ирина, 29 лет, менеджер в отеле, г. Анталья). Глава русского благотворительного фонда в Турции Г. Максимчук также считает, что отношение к русским негативное: «сегодня в Турции нет грамотной подачи русской культуры и образа русского человека, поэтому в СМИ, и не только, отношение и настрой к русским пока отрицательный» [2]. Таким образом, в данном случае, учитывая настрой местных жителей к приезжим, фактор «условия культуры пребывания» препятствует приобретению эмигрантами, проживающими в Турции, новой культурной идентичности.

Говоря об условиях культуры страны пребывания, на наш взгляд, необходимо учитывать мнение респондентов о стране и ее культуре. Оценивая страну пребывания, 89,4% респондентов в Турции рассматривают ее как «страну контрастов». «Дружелюбной страной» считают новое

место жительства 8,5% респондентов, «благополучной страной» находят страну 4,3% опрошенных, а «социальным государством» считают новое место пребывания 17% эмигрантов. Рассматривая культуру страны пребывания, большинство опрошенных указали, что она ассоциируется у них с «турецкой кухней», «байрамом», «Стамбулом», «дервишами», то есть, по нашему мнению, вызывает у эмигрантов положительные эмоции. Таким образом, можно заключить, что в целом мнение респондентов о культуре страны пребывания положительное.

Однако, учитывая роль фактора «условия страны пребывания» в обретении эмигрантами культурной идентичности, стоит проанализировать, насколько респонденты чувствуют себя безопасно в новой культуре. Исследование показало, что для эмигрантов, проживающих в Турции, показатель личной безопасности не особо значительный. О степени его важности говорит то, что никто из респондентов не указал на его наличие. А такой критерий, «как порядок в обществе», считают для себя важным только 14,3% опрошенных. Таким образом, анализируя результаты исследования, мы приходим к выводу, что в целом условия культуры страны пребывания рассматриваются представителями русскоязычной диаспоры положительно (за исключением негативно отношения к русскоязычным эмигрантам в Турции), что, на наш взгляд, способствует приобретению эмигрантами новой культурной идентичности.

Таким образом, на формирование новой культурной идентичности может оказывать влияние целый ряд факторов. Однако, проанализировав результаты проведенного нами исследования, мы выделили наиболее значительные факторы, влияющие на формирование новой культурной идентичности представителей русскоязычной диаспоры в Турции: фактор культурной дистанции, условия культуры пребывания, культура семьи и особенности культуры страны исхода.

1. Интервью посла России в Турции В.Е.Ивановского [Электронный ресурс] // Интернет-журнал МИД РФ «Консул» – 2009. – № 4, 19. – Режим доступа: http://www.turkey.mid.ru/hron/int_10.html (дата обращения: 18.04.2011 г.).

2. Интервью главы русского благотворительного фонда Г. Максимчука для «Новости Турции.Ru» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turkishnews.ru/interview/234.html> (дата обращения: 18.04.2011 г.).

3. Back, P.K. Culture shock [Text] / P.K. Back. – N.Y., 1970.

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ К ЭКСПЛИКАЦИИ ПОНЯТИЯ «ДЕМАССИФИКАЦИЯ»

УДК 111.6

Г.Ю. ЧЕРНОВ

Философский анализ системы социально-массовых явлений современности с необходимостью включает в себя не только рассмотрение наличных феноменов (массового общества, массовой культуры, массового человека, массового потребления и т.п.), но и путей преодоления массовости на социальном и индивидуальном уровнях, демассификации.

Приобретающее ныне глобальный масштаб массовое общество, т.е., в нашем понимании, общество управляемой и контролируемой, формируемой с помощью специальных технологий и идеологий массы, порождает в ходе своего функционирования целый ряд последствий, которые с позиций гуманистической философии невозможно оценить иначе, как кризисные, в перспективе катастрофические для человека и социума. Это прежде всего:

кризис человека, человеческой субъектности (сущность которого обозначена К. Ясперсом в форме вопроса о том, возможен ли еще в новейшем массовом обществе человек, сам определяющий свою судьбу) [13, с. 183];

кризис социальности, проявляющийся, с одной стороны, в распадении и/или выхолащивании социальных связей, в атомизации, десолидаризации людей, сокращении и формализации межличностных контактов, замещении отношений между людьми виртуализированными «отношениями» с машиной (ПК) или же через нее, и, что еще важнее и страшнее ввиду своих дегуманизирующих последствий – «вещеотношениями» (Ж. Бодрийар); а с другой стороны, – в растущей унификации самих желаний и потребностей людей (в рамках «шкалы потребления», т. н. «кода стэндинга»), в вытеснении – замещении «цветущей сложности» личностей и коллективностей единообразием массы «нормальных потребителей»;

кризис культуры: превращение культуры и искусства, которые должны служить, по выражению того же К. Ясперса, «шифрами трансценденции» [13, с. 116], в тривиальный, при этом весьма прибыльный, род индустрии, «фабрики» по расширенному воспро-

изводству «массового человека» – консьюмера, управляемого квазиэлитами, политически пассивного и творчески импотентного «жевателя мастик и глотателя пустот», по М. Цветаевой;

торжество манипуляции и корпораций манипуляторов над психикой наивного обывателя, превращаемого в «дойную корову» для монополий либо авантюристов, озабоченных лишь прибылью, абсолютно равнодушных к судьбам нынешних и будущих поколений людей (массовое внедрение в сельское хозяйство и пищевую индустрию, несмотря на предостережения медиков и биологов, генно-модифицированных сортов и продуктов, варварская «скоростная» нефть- и лесодобыча, современная фармакология – прозак и т. п., пластическая хирургия «силиконовой красоты» и многое другое), что грозит уже в ближайшее время истощением ресурсов Земли и гибелью биосферы и «биочеловека».

Выход человека и общества из массового состояния, таким образом, отождествляется нами в значительной степени с выходом из кризисного, предлетального состояния, с их «выздоровлением». Значимость выявления сущности, разработки принципов, способов и технологий демассификации представляется в связи со сказанным чрезвычайно высокой, однако и трудности изучения данного предмета немалые: фрагментарность, частнодисциплинарный уклон имеющихся исследований, отчасти футурологический, прогностический характер работы.

Под демассификацией мы, вслед за классиками исследования проблематики СМЯ*, понимаем процесс, обратный массовизации и массивификации, т.е. процесс преодоления однородности, унифицированности сознания и бытия множества людей, субъективное и объективное движение последних к индивидуальности, оригинальности, творчеству, в конечном итоге к социальной и межкультурной коммуникации по принципу единства в многообразии. Суть демассификации, ее цель – возрождение социокультурной субъектности и многообразия. В свете сказанного представляет интерес и трактовка демасси-

* См. прежде всего работы Б.А. Грушина, О. Тоффлера, К. Ясперса.

фикации, предложенная коллективом авторов из РУДН, как «процесса, противоположного массивификации, омассовлению всего и вся, направленного на утверждение свободы и индивидуального выбора человека» [8].

Хотя масштабное развертывание процессов массовизации, как было показано в работах Б.А. Грушина, Г.Г. Дилигенского, автора настоящей статьи [4; 5; 12], совпадает с эпохой становления и развития индустриального общества, усиливаясь в его поздней, «гедонистической» фазе (или фазе позднего потребительского капитализма, по Ж. Бодрийяру), и пролонгируясь, с видоизменениями, в эпоху постиндустриализма в XXI веке, есть основания полагать, что проблематика способов и путей демассификации общества и личности была предвосхищена в европейской социально-философской и гуманитарной мысли до Нового времени и в самом его начале.

Первые прототеории и частичные практики демассификации могут быть отнесены еще ко временам Просвещения, а то и раннего Средневековья, с их озабоченностью «духовной нищетой» народного большинства, с попытками элитаризации обыденного сознания и формирования этических эталонов. Они связываются нами с распространением христианского учения о равенстве людей перед Богом, с учением Августина Аврелия о свободе и ответственности человека за свои поступки, в абсолюте предполагающими духовное восхождение и нравственное богоуподобление. Таким образом, парадоксом Средневековья было «массовое» внедрение отнюдь не массовых по содержанию идеологии и практик, этико-эстетически связывающих человека (даже «простеца») с вертикалью культуры, ориентирующих на индивидуальное самосовершенствование. В то же время закрытокорпоративный характер средневекового общества также не способствовал массивификации, стиранию границ и различий между стратами, что является характерной чертой современности.

Многие гуманисты эпохи Возрождения относились к народным низам, большинству, как отмечает М.А. Хевеши, с сочувствием. Полагая источником благородства и элитарности культуру, они исходили из того, что и сын Божий открыл тайну небесного царства лишь немногим ученикам, которые должны возвестить ее толпе, большинству. Однако истину следует соизмерять с аудиторией, сделать доступными богооткровения, ценности культуры, облекая их в популярную, наивно-буквальную форму [11]. Таким образом, выход из массы неразличенного, обезличенного состояния (т.е., своего рода демассификация) мыслился гуманистами как приобщение к культуре, инициирован-

ное элитой и требующее на первых порах адаптированной, популярной формы. Просвещение видело основой социальной и личностной эмансипации (свобода, равенство, братство) освобождение от заблуждений через правильное воспитание и формирование научной картины мира, рационализацию мышления и поведения представителей широких масс, в то время как действительность эпохи Великой французской революции продемонстрировала скорее обратное – иррациональность масс. Следует отметить, что вплоть до эпохи буржуазных революций и формирования индустриального общества все попытки «демассификации» в форме гуманистических проектов, культуртрегерства и «хождения в народ» носили исторически ограниченный характер, поскольку:

во-первых, не носили системного, тотального характера и не базировались на массовом образовании «низов», что препятствовало восприятию гуманистических идей и даже простой осведомленности о них;

во-вторых, эти проекты и действия не отражали волю правящих сословий и не опирались на мощь государственных ресурсов, а были уделом одиночек или «маргинальных» (в отношении власти) групп интеллектуалов;

в-третьих, «гигантские маховики» (по выражению С. Московичи) массовизации индустриально-урбанистической «второй волны» (массовое производство и потребление, масскульт, СМИ) еще не заработали в полную мощь, унифицируя образ жизни и мысли миллионов, поэтому и не мог быть осознан весь масштаб грядущей проблематики, выход из массового (деиндивидуализированного) состояния понимался почти исключительно как культурный акт, как выход из невежества, заблуждений, и только;

наконец, *в-четвертых*, недооценивался (особенно просветителями) психологический аспект проблемы, реакция массового человека – носителя обыденного сознания – на попытки его «элитаризации» и превращения в «сознательного субъекта исторического действия». Не совсем правомерно, на наш взгляд, универсализируя «массу» всех времен и народов, Ж. Бодрийяр в чем-то оказывается и прав, когда пессимистически замечает: все попытки мобилизации масс, их облагораживания очень часто вызывали искажение, вульгаризацию, упрощающее низведение исходных смыслов, «балаганизацию», оставляющую лишь внешнюю форму, зрелище, либо отторжение, имплозию [3, с. 191–192].

Считается, что честь введения в обиход социальных наук термина «демассификация» принадлежит американскому футурологу и социологу О. Тоффлеру. В «Третьей волне»

(1980) и последующих работах, в частности, новейшей – «Революционное богатство» (2006), Тоффлер активно использует данную дефиницию. Однако анализ показывает, что речь идет у американского футуролога о переходе от крупносерийного централизованного производства «второй волны» (индустриального общества) к мелкосерийному, диверсифицированному, рассчитанному на разные вкусы и группы потребителей (это касается и медиапродукции), что якобы автоматически должно усиливать тенденции роста креативности у производителей и разнообразия групп потребителей, читай социальных страт. В развитии экономики США О. Тоффлер видит тенденции, свойственные новой, «третьей волне», социальные потребности и предпочтения которой ведут к разукрупнению, индивидуализации производственного процесса, к востребованию более развитого, инициативного, творческого работника. Крупносерийное производство сходит на нет, информатизация, доместикация труда полностью меняют характер общества, которое все больше демассифицируется. «Частичный работник» превращается в индивидуальность, творческую личность. Сам Тоффлер говорит о «третьей волне», о глобальной демассификации как общемировых тенденциях. Другое дело, что сегодня даже в США эта «третья волна» еще не стала повсеместным явлением, соседствуя с производством и экспортом массовой продукции, включая масс-культ, различного рода «Макдональдсы» и т.п.

Анализ последних текстов О. Тоффлера приводит к мысли, что демассификация рассматривается автором «Революционного богатства» зачастую как новая маркетинговая стратегия, в большей степени, чем прежняя, адаптированная к запросам различных групп потребителей, не более того (чего стоит, например, восторженный пассаж по поводу адаптации образа «Человека-паука» к запросам и особенностям индийской аудитории) [9]. Тогда правильнее было бы говорить о *диверсификации* производства и продаж, о *фрагментации* рынка, медиааудиторий.

Критика тоффлеровской концепции демассификации, для которой (концепции) характерны, по нашему мнению, наивно-оптимистическая вера в благоденственный прогресс на почве технологического детерминизма, в автоматизм социальных трансформаций, может строиться в нескольких направлениях. Так, в теории Тоффлера мало учитываются культурологические и антропологические аспекты проблемы демассифи-

кации. В ироничной форме об этом пишет В. Богомяков: «На первый взгляд, демассификация полярна омассовлению и, значит, в процессе демассификации народонаселение вроде бы должно уменьшиться, но это только на первый взгляд. Дурни, рассаженные по ячейкам, остаются дурнями и, сколько бы ни надували щеки, ума от этого, конечно, не прибавляется» [2]. «Частичному человеку», потребности которого формируются рекламной медиасредой, масс-культом, негде черпать ресурсы для преобразования в гармоническую, экзистирующую, вопрошающую о смыслах бытия личность. Без изменения характера культуры, структуры и иерархии человеческих потребностей, без вовлечения в процесс индивидуализирующей демассификации самой личности этот процесс оказывается односторонним, неполным.

А.В. Костина, автор лучших на сегодняшний день в России исследований масс-культуры, отмечает, что те процессы, которые ряд теоретиков постиндустриализма (к которым, безусловно, принадлежит О. Тоффлер) обозначают как персонализацию личности, в реальности выступают в качестве индивидуализации не процессов творчества, а процессов потребления, «где огромный выбор товаров, услуг и способов осуществления активности задается властными структурами, а потребление органично вписывается как в схему раскрепощения и персонализации личности, так и в процедуры тотального управления этим человеком и его потребностями» [6, с. 34]. Таким образом, концепт демассификации у Тоффлера отражает специфику перемены в маркетинговых стратегиях современных производителей, рост разнообразия и выбора товаров, медиапродукции, но мало ориентирован на познание и преобразование духовного мира человека, создание достойной культурной среды (а не только «обеспечения досуга»), логика его построений представляется полностью интроецированной, развивающейся в рамках проекта «общества потребления».

Понимание сущности процесса демассификации во многом зависит от трактовки массовизации, а также от типа и характера исследовательского подхода к социально-массовым явлениям, «исповедуемого» тем или иным автором (авторами). Так, в рамках политико-ориентированного подхода массовое состояние может трактоваться как политическая бессубъектность множества людей, социального большинства, их неспособность влиять на политический процесс и принятие политических решений,

*О различных подходах к социально-массовым явлениям см.: Чернов, Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы: Монография. – Дубна, 2002.

часто сопровождающиеся гражданско-политической пассивностью и фатализмом; как «неэлитность». Гуманистически утопическое направление данного подхода, представленное, в частности, марксизмом, ориентирует на преодоление политического (как и экономического) отчуждения социальных множеств в будущем коммунистическом обществе, где «свободное развитие каждого» будет залогом «свободного развития всех» [7, с. 477], где каждая личность добровольно будет участвовать в коммунистическом самоуправлении обществом. Мечта о гармоничном человеке будущего достигает, по всей видимости, апогея в следующем высказывании Л.Д. Троцкого: «Средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гете, Маркса. Над этим кряжем будут подниматься новые вершины» [10, с. 197].

В начале XXI века идеи, созвучные марксовым, высказывает крупнейший российский элитолог Г.К. Ашин, отмечающий имманентную демократической системе (демократии в прямом и полном смысле этого слова) тенденцию, направленную в сторону расширения субъекта политической активности, в перспективе до масштабов всего населения. Демассификация сочетается с политической «деэлитаризацией» общества: «мы можем говорить об обществе без элиты как идеале демократии, об обществе, где высокая политическая культура населения позволяет добиться максимальной вовлеченности членов общества (во всяком случае, подавляющего большинства их) в управление всеми общественными делами (это и есть поднятие уровня масс до уровня элиты)». В таком случае, как отмечает Г.К. Ашин, человек преодолевает отчуждение от политики, превращается в творца, свободно созидающего свою историю, в том числе – историю политическую [1, с. 336–337]. Развитие информационного общества способствует последнему, открывая, согласно солидарному мнению Г. К. Ашина и группы британских социологов, новые возможности использования механизмов обратной связи между органами управления и членами общества, для прямой демократии, децентрализации политических решений на базе всеобщей компьютеризации и развития сети Интернет создаются условия для формирования компетентного гражданина [14, P. VI; 1, с. 338].

При всех достоинствах данных рассуждений мы должны сделать, по крайней мере, две оговорки:

во-первых, припоминая элитократический скепсис политологов и философов в отношении способности заурядного чело-

века к принятию политических (как и любых требующих профессионализма, компетентности и социальной ответственности) решений, следует увязывать проблему превращения неэлит в политических субъектах со становлением их как полноценных, высокоразвитых социокультурных субъектах вообще, в «изнутри ориентированных личностей», по терминологии Д. Рисмена. Ведь переход власти и права на принятие политических решений в руки неолюмпенов или, например представителей «извне ориентированного», клонированного медийно-рекламной индустрией «офисного планктона», не только не вел бы к демассификации общества и личности, но и мог бы привести к вульгаризации и деградации политических институтов, превращению их в условия «общества потребления» в машины удовлетворения желаний большинства, привязанные лишь к текущей конъюнктуре и действующие по принципу: «после нас – хоть потоп!»;

во-вторых, сведение проблематики демассификации общества к «демассификации политической» в рамках политико-ориентированного подхода к СМЯ сужает и обедняет дискурс рассмотрения проблематики социально массового: выход человека и общества из «массового» состояния требует, как представляется, смены модели производящей деятельности и отношения к потреблению, выбора между подлинным бытием, в его открытости и многогранности, и «бытоустройством», восстановления в правах «вертикали» культуры и многих других усилий, возрождающих социокультурную субъектность и многообразие.

Тем не менее, следует согласиться с тем, что демассификация как процесс преодоления «массовизированности» индивидов и социума включает в себя как свой элемент, как момент движения процесс политической эмансипации людей, прежде составлявших политически инертную, пассивную массу, превращение их в подлинных граждан, заинтересованно и все более профессионально творящих свое будущее.

В ортегианской культурцентристской и номиналистической модели «восстания масс» массовизация связывается с доминированием этико-эстетических эталонов и потребностей нового «плебса» – «людей массы», с растущим численным и «ценностным» доминированием этого человеческого типа, ведущим к оттеснению творческих и альтруистичных элит от управления обществом и культурой. В процессах вос-

производства человека тогда начинает доминировать массовизирующая социализация, направленная на расширенную репродукцию управляемой заурядности, самодовольно ограниченного, не стремящегося к индивидуализации и творчеству типа «человека массы». Альтернативой массы выступает творческая высокоморальная элитарная личность.

К сожалению, сам Х. Ортега-и-Гассет не рассматривал подробно механизмов демассификации и не оставил в этом направлении наследия, равновеликого своей гениальной критике «массового человека» и массовизирующегося на его глазах общества. Однако, опираясь на основные постулаты его учения, возможно логически «достроить» ортегианскую модель демассификации. Последняя может включать в себя следующие направления социальной и культурной активности:

во-первых, возрождение престижа и социального статуса духовной элиты (не имея здесь в виду функциональную, правящую элиту, которая, по Х. Ортега-и-Гассету, является в новейшую эпоху следствием гиперактивной вертикальной мобильности все того же «человека массы»);

во-вторых, формирование социальных эталонов, определяющих направление социализации, стандарты образования, воспитания, политики СМИ на базе ценностей духовной элиты и гуманистически ориентированной высокой культуры;

в-третьих, активную, «массированную» и всестороннюю критику квазиценностей «человека массы» и массового общества;

в-четвертых, создание социальных фильмов, затрудняющих «вертикальное вторжение варварства» в институты управления обществом и культурой.

Безусловно, ввиду ограниченного объема данной статьи, анализ проблематики демассификации далек от своего завершения и должен быть продолжен. Предметом осмысления в последующих работах для нас станут: «персоналистская» модель демассификации как «индивидуального спасения» К. Ясперса; теория и практика «Отказа» западной контркультуры 1960–70-х годов; социалистические концепции массовизации/демассификации (Г. Маркузе, Э. Фромм, Ж. Бодрийяр, Ф. Бегбедер, А. Зиновьев и др.); модель постэкономического общества и человека Инглгарта/Иноземцева.

Осмысление «массового» становится все более зрелым, и на этой основе возможно создание контртенденций, противовесов омассовлению общества и деперсонализации человека. Необходимо вернуть статус социального лидера подлинно творческим, созидательным силам, духовной элите и в национальном, и в общественном масштабе, и социальная философия должна внести весомую лепту в инициирование этого процесса.

1. Ашин, Г.К. Элитология [Текст] / Г.К. Ашин / МГИМО–Университет МИД России. – М., 2005.

2. Богомяков, В. Воскресные просветления и озарения [Электронный ресурс] / В. Богомяков // Топос. Литературно-философский журнал. – 2003. – 18 ноября. – Режим доступа: www.topos.ru/article/1721 (дата обращения: 10.03.2011).

3. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства [Текст] // Ясперс, К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы / Карл Ясперс, Жан Бодрийяр. – М., 2008. – С. 186–240.

4. Грушин, Б.А. Процессы массовизации в современных обществах [Текст] / Б.А. Грушин // Рабочий класс и совр. мир. – 1986. – № 5. – С. 30–46.

5. Дилигенский, Г.Г. Рабочий на капиталистическом предприятии. Исследование по социальной психологии французского рабочего класса [Текст] / Г.Г. Дилигенский. – М.: Наука, 1969.

6. Костина, А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества [Текст] / А.В. Костина. – Изд. 3-е, стереотипн. – М., 2006.

7. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Изд. 2-е. – Т. 4.

8. Словарь философских терминов и понятий [Электронный ресурс] / РУДН. – Режим доступа: www.ido.rudn.ru/philosophy/glossary.html (дата обращения: 30.11.2010).

9. Тоффлер, О. Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь [Электронный ресурс] / Олвин Тоффлер, Хейди Тоффлер; [пер. с англ. М. Султановой, Н. Цыркун]. – Режим доступа: <http://www.klex.ru/8uu> (дата обращения: 10.03.2011).

10. Троцкий, Л.Д. Литература и революция [Текст] / Л.Д. Троцкий. – М., 1991.

11. Хевеши, М.А. Толпа, массы, политика [Электронный ресурс] / М.А. Хевеши // Библиотека Гумер – философия. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Hevesh/05.php (дата обращения: 12.03.2011).

12. Чернов, Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы [Текст] / Г.Ю. Чернов: Монография. – Дубна, 2002.

13 Ясперс, К. Духовная ситуация времени [Текст] // Ясперс, К., Бодрийяр, Ж. Призрак толпы / Карл Ясперс, Жан Бодрийяр. – М., 2008. – С. 10–185.

14. Microelectronics and Society. Freidrics G. & Shaff (eds.) – Oxford, 1982.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1990-е ГОДЫ

УДК 94(470)

Г.С. СМIRHOV, С.С. СМIRHOV

Начало перехода к рыночной системе пенсионного обеспечения в России было положено принятием Верховным Советом РСФСР 20.11.1990 г. Закона «О государственных пенсиях в РСФСР».

Этот «российский» закон был ориентирован на готовившиеся радикальные экономические реформы. Он существенно отличался от предыдущего «союзного» пенсионного законодательства и был призван послужить амортизатором «шока», которому неизбежно должна была подвергнуться в ходе «шоковой терапии» наиболее многочисленная категория «экономически неактивного» населения – пенсионеры. Главное его отличие заключалось в возможности относительно быстрого регулирования размеров пенсионных выплат в зависимости от стоимости жизни. Однако на деле в процессе «терапии» никакой «амортизации» не произошло. Социально неактивное население наиболее пострадало от реформ, названных в середине 1990-х годов оппозицией «экономическими репрессиями».

Начатая в исследуемый период пенсионная реформа не завершена ещё и поныне. Это обстоятельство делает исторический подход к проблеме её реформирования особенно актуальным. В частности, требует ответа принципиальный вопрос: было ли катастрофическое положение пенсионеров следствием неоперативной и непрофессиональной деятельности местных пенсионных служб, не сумевших быстро приспособиться к новым условиям работы, или это издержки общей социальной политики государства?

На 1 января 1991 г. в России насчитывалось около 34,3 млн получателей пенсий, из них пенсионеров по возрасту – 25,6 млн, по инвалидности – 3,3 млн, по случаю потери кормильца – 2,1 млн, получателей социальных пенсий – 0,5 млн. Именно по этим категориям наиболее больно ударила либерализация, когда всего лишь год спустя после принятия закона, в октябре 1991 г., V Съездом народных депутатов СССР было принято постановление «О проведении радикальной экономической реформы». Её первым актом стала либерализация цен (со

2 января 1992 г.), в результате которой реальные доходы и, как следствие, уровень жизни получателей пенсий резко упали. Наступил период невиданного роста цен и инфляции [1, с. 66].

Пенсионный закон вводился поэтапно. Первый этап длился с 1 марта до конца 1991 г. и предшествовал началу реформ. На этом отрезке закон вступал в силу в полном объеме лишь для девяти категорий граждан, главным образом, имевшим отношение к Великой Отечественной войне (инвалиды ВОВ, участники ВОВ, семьи погибших в войне, граждане из числа вольнонаемного состава, принимавшие участие в ВОВ, труженики и жители блокадного Ленинграда), а также участники ликвидации аварии на ЧАЭС, граждане, репрессированные по политическим мотивам, дети – круглые сироты, матери, имеющие детей-инвалидов с детства. Для остальных граждан он вводился в действие лишь в части норм, определяющих минимальные размеры пенсий. Таким образом, абсолютное большинство лиц, получавших пенсии, встретило либерализацию цен экономически незащищенными.

Второй этап начался с 1 января 1992 г. и должен был завершиться к 1 августа, но в связи с катастрофическим положением пенсионеров был реализован досрочно – к 1 мая. На этом этапе были повышены минимальные размеры всех пенсий (вначале с 342 руб. до 393 руб. 30 коп., затем до 410 руб. 40 коп.). В результате этой акции свыше 90% пенсионеров стали получателями именно минимальных пенсий.

На третьем этапе (с мая 1992 г.) закон распространялся в полном объеме уже на всех получателей пенсий и одновременно повышался их минимальный размер до 1035 руб. [2, д. 1156, л. 55].

Следует отметить, что на каждом из этапов, даже у самых «защищенных» категорий пенсионеров, жизненный уровень существенно снижался, остальные просто оказались в нищете.

В дальнейшем система индексации минимальных пенсий заработала в полную силу: только за год (с мая 1992 по май 1993 г.) минимальные пенсии по старости

возросли с 1035 до 9340 р., или в девять раз. Но это не компенсировало роста цен, которые за то же время на Урале выросли в среднем в 26 раз. Поэтому наряду с повышением минимальных пенсий постоянно делались перерасчёты и остальных пенсий, выплачивались компенсации [1, с. 67].

Одновременно с поэтапным вводом закона в него систематически вносились изменения и дополнения. Только за период с марта 1991 по январь 1993 г. по вопросам пенсионного обеспечения было принято 63 нормативных акта Верховным Советом РСФСР, издано 5 указов президента, вышли 2 постановления правительства. Это было вызвано неконтролируемым ростом цен и соответствующим падением уровня жизни нетрудоспособного населения.

Указанные изменения касались огромного числа получателей пенсий и пособий и число их стремительно росло. На 1 января 2002 г. в Челябинской области по линии учреждений социальной защиты населения их насчитывалось 810,9 тыс., а три года спустя – уже более 1 млн, в том числе 910 тыс. получателей трудовых и социальных пенсий и 90 тыс. получателей ежемесячных пособий на детей. В Оренбургской области масштабы были несколько меньше, но и там в 1995 г. их было свыше 500 тыс.

Вся нагрузка по назначению, перерасчётам и начислению пенсий и компенсаций ложилась на плечи пенсионных отделов управлений социальной защиты населения, совершенно не подготовленных к подобной деятельности. Проведенные в последнем квартале 1990 г. три крупных перерасчета, хотя и были выполнены в срок, тем не менее показали, что к работе в новых условиях пенсионные службы не готовы. Требовались принципиальные изменения форм и содержания их деятельности.

Изменения происходили по следующим направлениям: разрабатывались и внедрялись программы автоматизированного начисления пенсий и пособий, осуществлялась компьютеризация пенсионных служб, проводилась их децентрализация и структурная перестройка.

Главным направлением совершенствования их деятельности стала автоматизация обработки пенсионных дел. К 1992 г. в Челябинской области уже все районные и городские отделы были оснащены ПЭВМ. Для наиболее крупных из них приобретены аналого-цифровые печатающие устройства. В то же время не хватало хорошего программного обеспечения, а это, в свою очередь, препятствовало децентрализации назначения и выплаты

пенсий. В начале 1994 г. в области самостоятельную выплату пенсий осуществляли всего 9 отделов (10% получателей), к концу года – 20 отделов (30% получателей). Но это были лучшие и наиболее укомплектованные подразделения. На периферии не было ни машин, ни подготовленных кадров, ни нормативного обеспечения. Тем не менее, в принципе пенсионная служба вопрос компьютеризации к 1995 г. уже решила.

Главной задачей тогда являлось налаживание оперативного обмена информацией между рай(гор)собесами и узлами связи, которые занимались доставкой и выплатой пенсий [1, с. 67].

Похожая ситуация наблюдалась и в Оренбургской области с той разницей, что введение автоматизированной системы там шло гораздо медленнее и труднее. Хотя компьютеризация собесов области началась с 1990 г., к концу 2002 г. машины были установлены лишь в 15 отделах, в целом ситуация была плохой. Причина трудностей состояла в отсутствии государственного финансирования компьютеризации. Каждый районный и городской отдел социального обеспечения решал проблему самостоятельно. В Челябинской области, с её мощным промышленным потенциалом, найти «спонсоров» было гораздо проще, чем в Оренбургской [2, д. 1156, л. 92].

Показательно в этом отношении содержание выступления начальника управления соцзащиты Саракташского района Оренбургской области М.И. Зубарева: «Лишь в конце 1993 г. с большими трудностями удалось приобрести компьютер, но из-за отсутствия помещения он не был установлен. Когда разрешили его установить в соседнем кабинете районного ЗАГСа, мы успели внести 400 пенсионных дел и он у нас «сгорел». Ремонтировали его в Оренбурге 5 месяцев. С ноября прошлого года по настоящее время введено 2000 дел. Управление области выделило нам еще один ПК, в начале года его установили у меня в кабинете, обучили оператора, ввели 200 дел и он вышел из строя и вот уже 2 месяца ремонтируется сначала в нашей районной коммерческой конторе, потом в областном управлении социальной защиты и до сих пор не восстановлен. С нас спрашивают об ускорении завершения программы ввода дел, а мы в силу объективных причин топчемся на месте» [2, д. 1240, л. 53].

Коренной перелом произошёл только в 1994 г., ставшем в Оренбургской области годом массового внедрения компьютерной техники.

Челябинская область к этому времени уже завершила компьютеризацию и переходила на автоматизированную систему назначения и выплаты пенсий. Первыми на неё перешли в Орджоникидзевском и Правобережном районах Магнитогорска, где в 20 автоматизированных отделах была внедрена новая бухгалтерная версия выплатной части программного комплекса. К началу 1996 г. в автоматизированном режиме работали уже в 32 городах и районах области. Была организована дискетная почта для передачи в пенсионные службы области нормативно-инструктивных материалов. В 1995 г. подготовлено к работе с компьютерными программами 32 специалиста из 11 городов.

Второе направление реорганизации служб заключалось в передаче функций по выплате пенсий на места. В конце 1991 г. в Челябинской области в порядке эксперимента выплата пенсий была передана в отделы Советского и Metallургического районов Челябинска. Похожие меры предпринимались и в Оренбургской области. Однако эффект от этого мероприятия снижался из-за отсутствия у местных пенсионных отделов рычагов давления на Пенсионный фонд, финансировавший значительную часть выплат, и на посредников, занимавшихся доставкой пенсий. Начались задержки с выплатами.

В ответ была предпринята попытка сократить задержки путем создания доставочных кооперативов и малых предприятий. Таким способом предполагалось исключить из структуры прохождения финансовых потоков коммерческие банки, передать их функции в РКЦ. Но меры не давали заметных результатов. Вопрос поднимался даже на встрече с президентом Б.Н. Ельциным во время посещения им Челябинска, но и после этого изменений к лучшему так и не произошло.

С 1995 г. в связи с втягиванием страны в новую фазу экономического кризиса стала особенно заметной острая нехватка денежных средств, вызванная непоступлением их из Пенсионного фонда. Задерживались главным образом финансовые поставки от предприятий-налогоплательщиков. Однако перевод и доставка денег пенсионерам также осуществлялись с большим опозданием. Почтовые службы и частные фирмы, занимавшиеся доставкой пенсий получателям, не довольствуясь законными отчислениями в свою пользу, «крутили» пенсионные деньги в коммерческих банках, наживая за счёт пенсионеров баснословные прибыли. Ежемесячные задержки на 8–10 дней стали обычным явлением. Пенсионным фондом делались попытки работать с должниками, добиваясь

наложения взыскания на их имущество, однако большого эффекта эти меры не дали. Ответственными за получение пенсий адресатами по-прежнему оставались пенсионные службы, не имевшие ни собственных средств, ни рычагов давления на ПФ и доставщиков.

Это вызывало недовольство работников пенсионных служб, особенно в Оренбургской области. Наиболее выпукло проблема была сформулирована в выступлении на коллегии Главного управления социальной защиты населения по итогам 1994 г. начальника управления соцзащиты населения Ленинского района г. Орска Кошкиной А.С., которая обвиняла почтовое управление в корыстном использовании пенсионных средств: «У нас в городе начальник, замначальника, гл. бухгалтер получают заработную плату по несколько миллионов, а у меня на руках справка о заработной плате главного бухгалтера, которая за октябрь 1994 г. составляла 4389044 руб. Эти оклады они установили себе за счет наших пенсий и пособий». Выход из ситуации она видела в передаче функций доставки управлениям пенсионного обеспечения. По её мнению, это принесло бы следующие положительные результаты: «1. Упорядочилось бы финансирование выплат пенсий (перечисляем почтовой связи средства, а их отчеты не соответствуют действительности, зависает 260 млн. С 1 по 15 число жалобы от пенсионеров – нет выплаты пенсий). 2. Улучшилось бы обслуживание пенсионеров (те, кто сегодня доставляют пенсии, берут от пенсионеров деньги за доставку). 3. Сократились бы сроки от назначения до выплаты пенсии. 4. Сократилось бы число обоснованных жалоб по вопросу выплаты пенсий. 5. Усилился бы контроль за расходованием средств. 6. Проводилась бы необходимая разъяснительная работа среди пенсионеров по вопросам пенсионного обеспечения. 7. Стало бы возможным оказание помощи малоимущим пенсионерам» [2, д. 1241, л. 43].

Однако руководство страны на этот шаг не пошло. Взамен был предложен компромиссный вариант: создание некоммерческих муниципальных доставочных предприятий.

В Оренбургской области первое такое предприятие в виде эксперимента было создано в 1995 г. при Управлении социальной защиты населения Дзержинского района Оренбурга сроком на один год как альтернативная служба по отношению к почтовой связи. Итоги совместной работы УМП «Доставка» и районного управления социальной защиты населения за 1996 г. доказали правильность принятого решения. Ежемесячная экономия пенсионных средств на доставке только в од-

ном районе составила свыше 47 млн руб. Тем не менее, эксперимент не получил поддержки на федеральном уровне и был прекращён [2, д. 1243, л. 39].

В целом же в регионе, как и во всей стране, к началу 1996 г. сохранялся и усиливался общий негативный фон работы пенсионных служб: нестабильное принятие поправок к пенсионному законодательству, сокращение кадров пенсионных служб, отсутствие научно обоснованной кадровой политики, отвлечение сотрудников от работы с пенсионными делами на выдачу различных справок и документов, плохое знание стремительно менявшегося пенсионного законодательства, не всегда своевременное доведение его на места вели к падению качества работы. До 30% дел по оформлению пенсий на общем основании и около 70 % льготных после проверки возвращались на переоформление. В Челябинске и других крупных городах, где работники были квалифицированнее, ошибок случалось значительно меньше, зато на периферии обстановка складывалась совсем неприглядная.

Осенью-зимой 1996 г. началось новое ухудшение социально-экономической обстановки, что привело к ещё большему росту социальной напряженности в регионе и дальнейшему падению уровня жизни социально незащищённого населения. Эта ситуация, по мнению ряда исследователей, сохранялась вплоть до 17 августа 1998 г., когда наступила особенно острая стадия социально-экономического кризиса. 26 января 1999 г. на Всероссийском совещании по вопросам развития федеративных отношений главой Правительства РФ Е.М. Примаковым было признано, что основной причиной «кризиса 17 августа» стала утрата в 1992–96 годах контроля за социально-экономическими процессами в регионах страны [1, с. 105].

В такой обстановке начался новый виток реформирования пенсионных служб. Ещё не завершился последний этап внедрения пенсионного закона 1990 г., как была опубликована «Программа социальных реформ в РФ на период 1996–2000 гг.» (утверждена задним числом Постановлением Правительства РФ от 26.02.97 г. № 222) [5].

Программа предусматривала постепенный переход региональных пенсионных служб в состав Пенсионного фонда РФ. Необходимость такого шага мотивировалась началом персонализации пенсий. Трудность состояла в том, что многие собесы занимались и пенсионным обеспечением, и социальным обслуживанием одновременно, используя для этого одни и те же производственные пло-

щади, один и тот же компьютерный парк, и т.д. И хотя специализированные центры социального обслуживания населения уже к тому времени начали создаваться, их было явно недостаточно. Таким образом, переход пенсионной службы в ведение Пенсионного фонда РФ организационно был преждевременным. И если, например, в Челябинской области с 1993 г. ЦСО имелись уже во всех территориальных образованиях, то Оренбургская в этом отношении существенно отставала. Там подобных центров было всего несколько.

В соответствии с концепцией пенсионной реформы, утвержденной постановлением Правительства РФ от 7.08.1995 г. № 790, органам социальной защиты предстояло перейти к новым принципам социального обеспечения. Основная задача 1997 г. для региональной службы заключалась в создании базы данных с целью запуска постоянного механизма индексаций. Переход на индивидуальные коэффициенты расчета трудовых пенсий позволил бы исключить из оплаты периоды, не связанные с уплатой страховых взносов в Пенсионный фонд, что послужило бы основой для сокращения размеров пенсий для значительного большинства лиц, которые зарабатывали пенсии, опираясь на старое законодательство, учитывавшее только трудовой стаж и размер заработка.

Реализация концепции ещё более осложнила и обострила ситуацию с выплатой пенсий в регионе. Особое недовольство получателей вызывал новый вал ещё более серьёзных нарушений сроков выплаты пенсий. Задержки составляли уже по два и более месяца. Так, в г. Копейске Челябинской области средняя продолжительность задержки достигла в 1997 г. 55 дней.

Были зафиксированы случаи открытого выражения недовольства пенсионерами. В октябре 1996 г. в г. Миассе произошла массовая акция протеста. Стихийный митинг прошел в пос. Первомайский (Коркино). После этого Главное управление социальной защиты, областной Совет ветеранов, Управление пенсионного обеспечения Челябинской области были вынуждены обратиться к руководителям предприятий и профсоюзам с просьбой принять экстренные меры по перечислению страховых взносов в Пенсионный фонд, поскольку из федерального бюджета ничего не поступало [4, д. 1265].

В 1996 г. зафиксированы и первые случаи обращения пенсионеров в суды. Например, пенсионеры Октябрьского района г. Орска подали иск на органы социальной защиты за несвоевременные выплаты пенсий. Встал

вопрос, из каких средств оплачивать судебные издержки [2, д. 1242, л. 54].

Следует отметить, что подобные акты недовольства носили не локальный, а общероссийский характер и являлись реакцией на общегосударственную социальную политику. С целью ослабления остроты проблемы неплатежей президентом РФ была даже образована Временная чрезвычайная комиссия по укреплению налоговой и бюджетной политики. Отделениям пенсионного обеспечения предписывалось перевести счета из коммерческих банков в РКЦ Госбанка. В итоге сроки прохождения денег несколько сократились, но к стабилизации положения с выплатой пенсий принятые меры не привели. Сумма долга пенсионерам по России составила в 1998 г. свыше 16 трлн руб.

Задолженность перед пенсионерами росла и на Южном Урале. В III квартале 1998 г. она составила в Челябинской области 3,6 млрд руб. С целью поиска средств администрацией области было принято постановление об организации системы взаимозачётов при уплате страховых взносов в ПФ. В рамках взаимозачётов пенсионерам выдавались продукты питания, товары, оказывались услуги. Через систему взаимозачётов пенсии выплачивались с января 1998 г. в Агаповском, Троицком, Уйском, Чесменском районах, а с мая 1998 г. всем городам и районам устанавливались уже плановые показатели. С июля они были увеличены в 10 раз! Всего по области за 1998 г. погашено взаимозачётами пенсий на сумму 37 млн 949 тыс. руб. (в 1997 г. – 5,6 тыс.). Объем проведенного взаимозачёта составил 156% планового показателя.

В Оренбургской области эта мера использовалась реже, а отношение к ней со стороны

пенсионной службы и областной администрации было настороженным. Так, заместитель главы области по социальным вопросам А.Г. Иванова прямо заявляла, что «мы не специалисты в торговле, в обмене. Ввязываться в прием товаров, в их реализацию для того, чтобы деньги получить, мы с вами не будем» [2, д. 1242, л. 60].

Однако и там полностью избежать этого способа компенсации недостающих финансовых средств не удалось.

Принятые меры дали определенные позитивные результаты: с октября 1998 г. опоздание с выплатами пенсий и части пособий стало составлять менее месяца. Но в целом сама система себя уже исчерпала. Должников становилось все меньше, искать их – все труднее [3].

На основании изложенного материала можно сделать следующие выводы:

- деятельность служб социального обеспечения осуществлялась в чрезвычайных условиях переходного периода, что не могло не сказаться отрицательно на их деятельности;
- переход на новые условия работы региональных пенсионных служб происходил спонтанно, без заранее продуманного плана под воздействием текущей ситуации;
- главной проблемой в их деятельности являлось отсутствие нормального финансирования как пенсионных выплат, так и самих пенсионных служб;
- виновником подобной ситуации являлись федеральные органы государственной власти, не сумевшие или не пожелавшие осуществить переход к новой системе пенсионного обеспечения нетрудоспособного населения планомерно, без экономического и организационного «шока».

1. Гартман Н.А., Смирнов С.С. Становление и развитие системы социальной защиты населения в Челябинской области. Челябинск, 2000. – 158 с.

2. Государственный архив Оренбургской области. – Ф. 1082. – Оп.1.

3. Косилов А.Н. Основные итоги социальной политики в Челябинской области // Вестник Челябинского университета. Серия 8. Экономика. Социология. Социальная работа. 2000. – №1 (12). – С. 9–12.

4. Объединённый государственный архив Челябинской области. – Ф. Р- 948. – Оп. 18. Протоколы заседаний коллегий Управления социальной защиты населения Челябинской области.

5. Программа социальных реформ в РФ на период 1996 – 2000 гг. // Российская газета. – 1997. – 12 марта.

ИСТОРИЯ КАК ВСПЛЕСК. К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В.Н. САГАТОВСКОГО

УДК 304.2

А.В. ПАВЛОВ

*Как волна нагоняет волну, догоняемая сзади волною,
Так же бегут и часы...*

Овидий

1.

Историческая наука в нашей стране переживает не лучшие времена, впрочем, как и любая другая гуманитарная наука. Она почти не имеет коммерческой составляющей, а следовательно, ее развитие зависит от доброй воли власти и от состояния системы образования, особенно высшего, где она по большей части и существует. Состояние же системы образования, в свою очередь, зависит от власти.

В.Н. Сагатовский отмечает главные, на его взгляд, недостатки исторической науки: несистемность, идеологизированность, поверхностность, и указывает основное направление исправления этих недостатков: «Суть проблемной ситуации в философии истории заключается в трудностях перехода от монокаузалистских концепций к искомой картине общества с позиций системного взаимодействия» [2, с. 13].

Прежде всего, я должен согласиться с его оценкой положения дел, оно критическое. Действительно, историческая наука сегодня опирается на чрезвычайно идеологизированную марксистско-ленинскую историю философии, даже не столько на нее, сколько на недвусмысленные сигналы власти, которой нужна не сама история, а история, обосновывающая воссозданную вертикаль и определяемую ею перспективу для всей страны. А будет ли она марксистско-ленинской в смысле 30–50 гг. СССР или системно-целостной, власти не так уж важно. Ей нужна массовая идеология патриотизма, а не наука, и патриотизм ей нужен не всякий, а только послушный и безопасный, такой, для какого высшей ценностью является не отечество, а сама власть. Идеология же требует гораздо меньше финансовых вложений, чем исследования, сгодятся и те, что уже проведены. Были бы они изложены попроще и понятней для стремительно понижающегося культурного и интеллектуального уровня населения.

И еще раз соглашусь: без сомнения, состояние исторической науки напрямую за-

висит от философии истории, являющейся ее методологической формой. Только, пожалуй, проблема не в трудностях перехода от монокаузалистских концепций к системному взаимодействию, а в отсутствии у Главного заказчика потребности в науке, в методологии и в его откровенном желании заменить ее идеологией. Из-за этого желания у нас вырастает молодое поколение историков, лишенных методологической культуры и путающих историю с собирательством обрывочных и неважно связанных фактов под заданную идеологическую схему.

Положение дел чем-то напоминает период зарождения советской исторической науки. В результате в журналах и сборниках вполне могут появляться отдельные альтернативные публикации, но они никогда не будут востребованы образованием, той сферой, где историческая наука, по преимуществу, и превращается в практику общественной жизни. Примером может послужить сама публикация статьи В.Н. Сагатовского, интересной, теоретичной, но, как представляется, не вполне соответствующей собственному главному требованию: ухода от монокаузализма. Потому что по ее прочтении так и осталось неясным, чем, по большому счету, критикуемый монокаузализм отличается от заявляемого монотелеологизма. Все дело именно в приставке «моно», выражающей единственный правильный взгляд, единую высшую ценность (коммунистическую или ноосферную). Не случайно В.Н. Сагатовский объявил «ноосферное мировоззрение» – «коммунистическим мировоззрением сегодня», не сосредоточивая внимания на их различии [3, с. 10].

Почему именно «системно-целостный подход», почему «ноосферное мировоззрение», а не какое-либо другое? Потому что монокаузализм ведет к двум «основным глобальным проблемам современности: экологической и военной» [3, с. 9]? – Не обязательно, к этому итогу ведет только одна его разновидность, требующая

наращивания технических средств и перехода человечества из естественного состояния в искусственное (по терминологии В.Н. Сагатовского). Разрушительный характер монокаузализма? – Но ведь любое творчество имеет оборотной стороной разрушение устаревшего, и кто знает, где в бесконечном мироздании те концы и начала, которые позволят судить об *абсолютности и окончательности* как творчества, так и разрушения!

Общий пафос статьи В.Н. Сагатовского, на мой взгляд, вполне правомерен: взаимодополнимость всех компонентов исторического процесса, обязательное участие в нем субъективности и духовности на правах, равных с объективной реальностью, переход от материалистической причинно-следственной обусловленности истории к взаимообусловленности ее процессов, включение человеческой истории в общий контекст мироздания. Но замечу, что при таком подходе в бесконечном и «гармоничном» мироздании исчезает история, так как она в любом случае является нарушением гармонии и переходом от одного сложного гармонично-дисгармоничного состояния к другому, то есть, процессом.

Замечу, я не против системно-целостного подхода и ноосферного мировоззрения, мне не нравится их безальтернативность. Этот подход необходим и правомерен, но только в ряду множества других подходов, выражающих человеческую субъективность и представления о стратегиях жизни и общественного развития. И единственный способ соблюсти исковую гармонию состоит в *принципиальном отказе от политического вмешательства в историю* и как в процесс, и как в науку. Пусть идет так, как идет и складывается то, что складывается, так как никто не знает начал и концов. История должна идти естественно, а не конструироваться во имя политических задач, иначе будет так же, как со сказочным медведем, подтягивавшим пшеничку вверх, чтоб быстрее выросла...

И в этом смысле, идеал «развивающейся гармонии» выглядит столь же странно, как и уже заявлявшийся когда-то идеал «устойчивого развития».

2.

Для существования реального общества нужна некая согласованность между людьми («гармония» по Сагатовскому, понятая как «взаимодополнимость»). Она может основываться как на их одинаковости, так и на комплементарности, но в любом случае она предполагает множество человеческих субъектов со своими взглядами,

диалог, установление коммуникаций и взаимную легитимность. При этом:

1. Согласованность в одинаковости означает доминирование институциональных коммуникаций, созданных единой властью по ее идеологическому проекту и предписывающих всему человеческому многообразию единые требования, добиваясь единства людей в рамках одинаковых параметров.

2. Согласованность в комплементарности не отвергает институты, но означает, что институциональные коммуникации формируются на базе разделения властей, включая и оппозицию. Они существуют наряду с множеством других коммуникаций, возникающих в спонтанном диалоге, причем не подавляют их, а напротив, сами становятся их продуктом. Здесь институты общества складываются не как следствие предписания, а как следствие взаимодействия разных субъектов.

В первом случае мы находим власть как исключительно государственную функцию, опирающуюся на бюрократию и причастные к властной вертикали коррупционные слои. Конфигурируемое ею общество становится «искусственным», оно – продукт целенаправленного институционального конструирования на базе научных теорий и взглядов, сложившихся в прошлом и неадекватных для условий современности, как, например, СССР в XX в., это столетие вообще славно многочисленными попытками социального строительства по единому плану. Такие общества принято называть «тоталитарными», они образуются в результате принуждения, когда единый социальный институт государства, вооружаясь одной всех уравнивающей теорией, добивается полного механического равенства на практике, попросту подавляя тех, кто не подходит под теоретически заданные параметры. И тогда получается «тотальность», то есть, целостность здания, состоящего из одинаковых блоков, или искусственно распланированного, высаженного и постоянно контролируемого парка. Это – тоже гармония и взаимодополнимость, но больше гармония мозаичного пола, чем живого леса с разными видами деревьев, кустов и зверей.

В другом случае обнаруживается «естественное общество», где в результате эволюции устанавливается комплементарность, или, пользуясь терминологией К. Леви-Стросса, – «оптимум различий». Оно не строится, оно вырастает примерно так же, как большой лес, где сосуществует множество самых разных растений, но каждое само «отвоевывает» себе место, взаимодействуя с другими обитателями. Целенаправленное социальное констру-

ирование и здесь тоже применяется, но, во-первых, оно распространяется только на институты, не затрагивая напрямую людей иначе, чем путем предъявления им требований, ограничивающих их активность самобытностью других субъектов и самосохранением социума как целого. А во-вторых, целенаправленное конструирование здесь становится политическим лишь в том смысле, что оно не более чем инструмент в руках субъектов и встречается с ответным целенаправленным политическим действием оппонентов.

В таком контексте политика оказывается взаимной рациональной и целенаправленной активностью для формирования каждым человеческим субъектом собственно геокультурного пространства, в котором субъекты чувствуют себя морально легитимными, то есть, «по-человечески» уважаемыми, имеющими собственное достоинство. Самосознание субъекта на основе своей моральной легитимности побуждает его и всех партнеров с их пространствами воспринимать как легитимных субъектов, а отношения с ними оценивать как комплементарные. Тогда они нужны друг другу, тогда они приятельствуют или даже враждуют, но без оголтелой трусливой и высокомерной ненависти, без непримиримости, застилающей взгляд, гасящей разум и единственно несовместимой с комплементарностью и с гармонией В.Н. Сагатовского.

Отсутствие же самосознания легитимности побуждает к его поиску, то есть, к самоутверждению по отношению к соседям, и делает субъекта агрессивным. Политика начинает пониматься не только как деятельность государства и прочих т.н. политических институтов: партий, профсоюзов, группировок, а как деятельность каждого человека персонально.

Пространство взаимных политических действий и взглядов может называться политическим пространством. Причем оно оказывается в прямом отношении к геокультурному пространству, будучи инструментом его формирования, и к субъектам. Сегодняшний же политический облик мира выглядит этапом исторической эволюции, необходимым для формирования и самоопределения субъектов, но уже подходящим к концу. Появляется необходимость возврата к базовому представлению политики как взаимной активности, чтобы найти альтернативу нынешней политической и геополитической мировой структуре, но такую альтернативу, которая не теряет главного наследия предшествующей эпохи – индивидуального субъекта с его правами,

свободами и самостоятельностью. Проще сказать, политика должна переориентироваться с автономного и агрессивного субъекта, осваивающего мир исключительно в своих интересах, на комплементарного субъекта, сохраняющего самобытность и собственное достоинство, но признающего такое же право и за соседями.

Взаимная рациональная активность ограничивает произвол друг друга и позволяет существовать внерациональной спонтанности людей, истоки которой постоянно находятся за пределами теорий, но которая неизбежно вплетена в практику. Теория входит в контекст исторического времени, тогда как практика всегда современна. Теория может быть современной лишь в том случае, если она является рациональным выводом из практики, включающей в себя не только деятельность, регулирующую рациональностью и институтами, но и спонтанную активность, восходящую к внерациональной экзистенции человеческих субъектов.

3.

В целом естественным путем сформировавшееся общество можно представить по-делёзовски в виде следующей модели. В нем два полюса: на одном группа одинаковых индивидов, рациональных и авторитарных взглядов, там – национализм, институциональный патриотизм, бюрократия, клерикализм, именно здесь существуют механизмы воспроизводства великих целей и рассказов, «метанарративов», которые, по мысли Ж.-Ф. Лиотара обуславливают целостность классических обществ. На противоположном полюсе – полное межчеловеческое различие, там – анархия и крайние формы индивидуализма. Посредине же – демократия, то есть, разные степени комплементарности, образующей большие и малые пересекающиеся друг с другом сообщества. Первый полюс обеспечивает неизменность и устойчивость цивилизации социума, второй – изменчивость и развитие его культуры.

Соотношение этих полюсов напоминает шизофрению и паранойю у Ж. Делеза, они конфигурируют общественную жизнь, но в основном жизнь протекает между ними. И она постоянно воспроизводит следующую проблемную область:

- как сохранить оба полюса, но удерживать их в определенных пределах взаимодопустимости;
- как найти «точки комплементации» те, что между полюсами, определить число и меру разнообразия таких точек;
- как структурировать группы между

полюсами в основном теле социума на основе точек комплементации.

Естественно развивающееся комплементарное общество похоже на океан с неизбежными волнами и резонансами. Если его представлять графически, будет что-то вроде осциллограммы, позволяющей измерять «градусы» его здоровья и болезни. Например, слишком малы, слишком велики, сдвинуты или непропорциональны полюса, нарушена структура и пропорциональность групп. В нем общественная жизнь обуславливается двумя диаметрально противоположными точками, отношение между которыми можно рассматривать как закон его природы, хотя это очень своеобразный закон, его невозможно сформулировать ни как причинно-следственное взаимодействие, ни как противоречивое отношение между двумя внутренними четко фиксируемыми противоположностями.

Дело в том, что этот «закон», хотя и является противоречием, но таким, какое в познании представлено, с одной стороны, позитивностью социальных институтов с их формальным правом, позитивной моралью, общими ценностями и организацией, а с другой стороны, – границей пространства, в котором социальные институты работают и создаваемые ими коммуникации эффективны, то есть, сохраняют способность конфигурировать общественную жизнь и управлять ею. То есть, в предельно общем случае это противоречие рационального и иррационального.

Например, мы привыкли отождествлять Россию с ее политическими границами. Но если принять за версию, что Россия – там, где ее институты работают, то насколько сибирская или уссурийская тайга является ее частью, если их население живет по своим законам и говорит на своем языке? Насколько ночная Россия пригородов, узких переулков и подворотен, где бродят лихие люди, та же самая, что и дневная Россия? – Скорее уж, это разные страны.

4.

Первым такой вопрос, конечно, безотносительно к России, больше о Франции 1968 г., поставил Ж.Делез, сформулировав в своей «номадологии» проблему соотношения компарса и диспарса в пределах одного пространства города. Как взаимосвязаны, как переливаются друг в друга организованные группировки и стихийные толпы, больше напоминающие номаду первобытных кочевников, чем цивилизованных городских жителей XXI века? Этот вопрос побуждает вслед за И.Валлерстайном и его сторонниками воспользоваться концеп-

том «геокультура». «Номадология» и «геокультура» опять ставят нас перед выбором взгляда на историю. Мы вынуждены либо ее отрицать, утверждая, что имеется только вечно дующая современность, подобно катящейся капле, меняющая форму, но всегда остающаяся самой собой, либо считать, что исторический путь все-таки был, но он напоминает всплеск волны.

В первом случае прошлое как законченный отрезок пути навсегда осталось за спиной и обращение к нему лишено всякого смысла. Во втором случае современность выглядит как аккумуляция прошлого, предопределяющая будущую динамику.

Можно выдвинуть предположение, что в духе популярной сегодня синергетики реальный исторический процесс возможно описать так. В хаосе общественной жизни, как в гигантской номаде, формируются островки порядка, причем не один, а некоторое их множество и в разных местах. Они возникают как геокультуры в смысле Д.Замаятина [1] и как региональные культуры, объединяющие своими ценностями определенную группу людей, создающих общество. В культуре этой группы устанавливаются нормы и коммуникации, воспроизводящие ее единство, а на их основе формируются институты, главным из которых становится государство как субъект общественного самоуправления, использующий институты в качестве своих рычагов. Система общих ценностей, норм и институтов составляет цивилизацию, а хаотичная общественная жизнь трансформируется ею в зрелое общество. Так происходит переход от родоплеменных отношений к национальным и гражданским. Вот этот процесс созревания гражданского общества путем от культуры к цивилизации и к цивилизационному преобразованию самой культуры и представляет собою историю.

Поскольку в основе истории оказывается культура, то это – осмысленное творчество будущего. Не в значении смысла как ясного, общепризнанного идеала и четко обозначенной цели, но скорее в значении легитимности будущего для людей, понятности и признанности перспектив, его приемлемости для жизни. А в этом случае история становится осмысленным процессом общего созидания такого образа и его претворения в жизнь, процессом, где свою роль играют и общество с его культурой, и институты цивилизации, и государство как субъект конфигурирования.

История становится осмысленным творчеством будущего, в первую очередь прогрессом, не способным существовать

без смысла. Каждый эпизод ожидаемого будущего оценивается как предстоящее и подвергается осмыслению с позиции его легитимности. Только после общего признания он становится реальностью современности. И так происходит до тех пор, пока цивилизация не подменяет собою культуру и не принуждает общество и мышление к схематизму. Жизнь не помещается в схему, она становится тотально нелегитимной, и цивилизация, пережив период своего взлета, распадается и возвращается к первоначальному хаосу номады. Волна истории идет на спад. А рядом поднимается другая волна, либо перенимающая у предыдущей истории какие-то ценности либо нет.

Получается, что одновременных историй много, у каждой из них свой прогресс, в основе которого свои культурно-исторические ценности, порою взаимно конфликтные, как у истории Запада, Арабского мира и Китая. Переход же ценностей из одного культурно-исторического процесса в другой, преемственностью сопровождаются их переосмыслением и осуществляются в пространстве подобно тому, как в море энергия падающей волны передается поднимающейся соседней волне. Движение ценностей от одной региональной культуры к другой превращает историю из временного развития в пространственный путь.

Но при этом синергетических аттракторов как субъектов своих культурно-исторических процессов все-таки с самого начала не один, а много. Нечто подобное хорошо описывается в Ветхом Завете, в самых первых книгах, где на относительно небольшом пространстве древнего Ближнего Востока наряду с нарождающимися историями потомков Исаака и Измаила уже существуют развитые истории Египта и Ассирии. Волны пересекаются, вызывая резонанс, такую резонансную волну мы можем наблюдать в истории Западной Европы, увлекшей Европейский регион и повлиявшей на весь мир.

Тут и появляется актуальнейший для нашей современности вопрос: могут ли гражданские отношения в отдельных культурных регионах со своими историями интегрироваться в одну комплементарную общечеловеческую эволюцию, или разрушительный конфликт неизбежен. Способно ли человечество подняться по лестнице Иакова или оно обречено прыгать на месте, пытаясь ухватиться хотя бы за первую ступеньку?

Или, как печально пишет В.Н. Сагатовский: «Человек отплыл от одного берега – животного и не доплыл ещё до другого – подлинно человеческого. ... Стало ясным, что

до берега подлинно человеческой истории мы теперь можем и не доплыть» [2, с. 12].

5.

Идея комплементарности индивидуальных субъектов позволяет построить концепцию социокультурной парадигмы. Она представляется единым онтологическим основанием той упорядоченности, какая всегда сопутствует общественной жизни и за какой всегда скрывается человеческий хаос. То есть, социокультурная парадигма – это образ, но не литературно-художественный, а философский. В теоретическом плане такие образы представляют собою многомерные модели, образующиеся не в результате логического анализа и развития аксиом, а как следствие теоретического оформления экзистенциального опыта исследователя, полученного при переживании им его мира. Это превращенный в теорию опыт осмысления, непосредственно вплетенный в жизненную практику.

Экзистенциальный опыт не является единичным и точечным подобно эмпирическому факту, констатирующему принадлежность предмету единичного свойства наподобие факта, утверждающего, что яблоко весит 500 г, президентом США является мистер Твистер, а все тенали – борговы. Эмпирический путь позволяет сравнением множества теналей обнаружить их сходство по параметру борговости и на этой базе строить теорию, завершающуюся логическим выводом. Экзистенциальный же опыт с самого начала рефлексивен и множествен из-за многообразия людей, он представляет собою момент тождественности мыслящего человека с переживаемым предметом в контексте переживаемого мира. И предмет, и мир в практическом акте переживания ухватываются индивидом целиком, в единстве их рационально фиксируемых и внерациональных сторон. Отсюда и сам опыт содержит как возможность рационально-понятийного оформления, так и внерационального изображения как ясного смысла, так и эмоциональных коннотаций. Это значит, что и образ, складывающийся на основе такого опыта, непременно включает в себя не только свою теоретическую форму, но и ее логическую противоречивость, обусловленную динамичностью жизни, и смысловое содержание всех уровней от предельно ясных до только угадываемых, от рационально определенных до эмоционально экспрессивных.

Сама противоречивость экзистенциального опыта не позволяет построить

одномерную логически непротиворечивую теорию, в любом случае будет получаться многомерность, соответствующая числу разнонаправленных тенденций переживания, его «смятенности». Но эта многомерность обладает внутренним единством уже в силу принадлежности переживания одному человеку.

Опыт переживания мира не просто многомерен и обуславливает многомерное теоретическое конструирование, креативность в науке. У него бесконечное множество измерений, и осознанных, и неосознаваемых, из-за чего теория становится динамичной и принципиально не завершаемой. Но вся эта неисчерпаемая бесконечность уместается в рамках границ одного переживаемого мира. При таком взгляде теория оказывается теорией границ пространства мира, теорией формы предмета, рассмотренной субъектом, находящимся внутри него. Она неразрывна с практикой и всегда сопровождает ее, оказываясь ее интеллектуальной стороной. Практика же превращается в материально-предметную сторону теоретического мышления. Тогда теория, пусть даже это абстрактнейшая конструкция теоретической физики или космологии, оказывается теорией жизни ученого, она содержит и философские, и художественные, и даже религиозные планы, она доступна для моральных и эстетических оценок, но только с позиции самого ученого, и никак не со стороны кого-либо другого.

Такова, по сути своей, научная теория в момент ее создания, как характеристика мыслящей жизни ученого. Но далее она попадает в сеть устоявшихся научных коммуникаций. И именно здесь она лишается индивидуальной уникальности своего создателя, формализуется и становится позитивной. А вместе с этим она превращается в абстракцию от личности ученого и от его жизненной практики и обращается ко всем личностям, в том числе и к своему автору системой требований, предписывающей определенные взгляды и выводы. Она институализируется, приобретает идеологические черты, а ее отношение с практикой становится абстрактным и принудительным. Теория начинает конструировать свой мир формализаций и общепринятых смыслов, то есть, мир культуры и цивилизации, параллельный множеству конкретных миров людей, объединяющий и стандартизирующий их.

6.

Рассматривая парадигму, не следует упускать из виду, что ее всеобщий характер распространяется только на общественную

жизнь, относится только к культуре и за нею всегда скрыто множество мыслящих и одушевленных индивидов, в той или иной мере комплементарных друг другу, то есть, обладающих потенциалом и сотрудничеством, и соперничества, и взаимоприятия, и конфликта. Именно индивидуальные жизни выступают тем опытным уровнем, той, упрощенно говоря, «эмпирией», которая теоретически описывается социокультурной парадигмой.

Со времен выхода классической книги Т.Куна появилась возможность расширить понятие парадигмы, опираясь на представление о том, что любая человеческая деятельность включает в себя момент рационального познания. Рациональность опосредует межчеловеческие отношения, а следовательно, способна как разделять, так и объединять людей. Выступая формой, объединяющей человеческое общество, она и приобретает качество социокультурной парадигмы.

Такая парадигма образуется в межсубъектном общении и взаимодействии и обуславливает повседневную систему норм общественной жизни. Но стоит иметь в виду, что у нее как онтологии всегда есть два аспекта, упрощенно говоря, естественный и искусственный, уравнивающий субъектов друг с другом, превращающий их многообразие в единый общесоциальный субъект и комплементирующий их на основе их межличностного разнообразия.

Под социокультурной парадигмой понимается не просто образец или эталон научного познания и практики, а то, что служит онтологическим основанием творчества социальных норм, общих коммуникаций и институтов. То есть, это свойственное культуре общественной жизни и в той или иной степени разделяемое каждым членом общества представление о человеке, мире и их соотношении, восходящее ко множеству жизненных взглядов людей и обуславливающее их комплементарность друг с другом.

История же, понятая в контексте парадигмы, превращается в осмысленный порыв множества индивидов к будущему, которое каждый видит по-своему. В этом случае она оказывается чередой множества прогрессов, проходящих формально похоже, но содержательно очень различающихся. Осмысленный порыв приводит к культуре совместной жизни, в которой складываются устойчивые коммуникации, институты, политические структуры и власть, и все это легитимно до тех пор, пока уместается в рамках человеческого смысла, волна истории поднимается.

А затем власть начинает в обратном порядке искусственно формировать институты и коммуникации и предписывать правила жизни, вплоть до политического конструирования общего смысла в виде рационально оформленного идеала, одного на всех. В этот момент разнообразие человеческих смыслов вступает в конфликт с единообразием идеала и он теряет легитимность, а за ним нелегитимными оказываются и все связанные с идеалом цивилизационные конструкции. Их требования попросту перестают соблюдаться из-за их бессмысленности и абсурда, а волна истории поворачивает вспять.

Наступает время для новой истории, которая формально пойдет таким же возвратно-поступательным путем, но содержательно будет существенно иной, как различаются мифологическая история Античности, христианская история Средневековья и научная история Модерна. И здесь историческая проблематика формируется в точках взаимосвязи этих историй: будет ли преемственность или нет, и какая преемственность способна обеспечить легитимность новой исторической перспективы. Причем следует заметить, что в некоторые эпохи и в некоторых регионах истории как осмысленного творчества собственного будущего может и не быть, если, например, повседневность подавляет, если власть, хоть и абсурдна, но тотальна, и тогда говорят об эпохе «застоя».

7.

На мой взгляд, упущением статьи В.Н. Сагатовского является ее монотелеологизм. Не следовало бы для такого многообразного процесса, как история, предлагать один-единственный «мировоззренческий идеал». Он неизбежно превращается в цель, требующую конструктивного плана для достижения. Даже такой идеал, какой заявляет автор: «Искомое мировоззрение я называю ноосферным, а его философским основанием является философия развивающейся гармонии или антропокосмизма» [3, с. 10]. План должен быть реализован, а

значит, должны быть и средства принуждения к идеалу, такие же циничные, как цинично «принуждение к миру», прикрывающее необъявленную войну.

Поскольку субъектов много и все они разные, то любой мировоззренческий идеал неизбежно подвергается множеству различных интерпретаций, самых противоречивых и несовместимых друг с другом, как «коммунизм» в представлениях Л.И. Брежнева, Мао Цзэ-Дуна и Пол Пота. Та же самая судьба ожидает и антропокосмизм. В любом случае образуется множество идеалов, которые примирить друг с другом может только абсурдная в своей жестокости политическая воля единой власти, превращающей идеал в предписание. Я полагаю, что утверждение единого идеала является первым признаком деградации и распада, возвратного движения исторической волны. А отсюда и невозможность никаких конструктивных предложений по его воплощению, способных быть согласованными с многообразием человеческого смысла. Думается, что идея советского коммунизма погибла тогда, когда она стала идеалом и конструктивным планом «советской власти плюс электрификации всей страны» к 1980 году.

Полителеологизм же вполне конструктивен, он не дает одинаковых рекомендаций для всех, а от каждого ожидает осмысленных и легитимных персонально для него поступков. И в этом случае власть уже не может предписывать, она начинает согласовывать стремления людей, становится площадкой для диалога и парламентского, и с внепарламентской оппозицией. Она из «хозяина страны», который один знает, что вкусно, твердой рукой кормит всех одинаковыми конфетами и требует восторга, становится институтом посредников между разными субъектами, и политическими, и экономическими, и интеллектуальными.

Тогда история может продолжить свой ход, а историческая наука становится наукой не столько о прошлом, сколько о перспективах, скрытых в современности, наукой о будущем.

1. Замятин, Д. Геокультура: образ и его интерпретации [Электронный ресурс] / Д. Замятин. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/interpretation/image/> (дата обращения: 11.04.2011 г.).

2. Сагатовский, В.Н. Новый взгляд на историю (попытка обоснования) [Текст] / В.Н. Сагатовский // Социум и власть. – 2010. – № 3. – С. 12–17.

3. Сагатовский, В.Н. Новый взгляд на историю (попытка обоснования) [Текст] / В.Н. Сагатовский // Социум и власть. – 2010. – № 4. – С. 4–10.

4. Сагатовский, В.Н. Новый взгляд на историю (попытка обоснования) [Текст] / В.Н. Сагатовский // Социум и власть. – 2011. – № 1. – С. 4–10.

«ДОНКИХОТЫ» ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭРЫ: О ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ И ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЛОСОФА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 304.2

С.В. БОРИСОВ

Статья Валерия Николаевича Сагатовского «Новый взгляд на историю (попытка обоснования)» вызвала у меня противоречивые чувства. С одной стороны, не подлежит сомнению, что догмы исторического материализма нуждаются в пересмотре, но, с другой стороны, неужели этот пересмотр возможен, если находишься во власти того же дискурса? В лучшем случае это будет некое реформирование модернизации, «вливание нового вина в старые меха». Но даст ли такая попытка возможность действительно «нового» взгляда на историю? В связи с этим хочется сослаться на близкую по духу работу челябинского философа Евгения Васильевича Пашинцева «Введение в теорию формационного анализа: Критика классического формационного учения» (Челябинск, 2009). Необходимо понять, пишет автор этой работы, что «за прагматической оболочкой сталкивающихся классовых идеологий скрывается единственно возможный способ идентификации не только отдельного субъекта исторического действия, но и субъектного измерения человеческой истории вообще» [7, с. 8]. Евгений Васильевич поясняет эту мысль, ссылаясь на Дж.П. Гранта: «Самый политизированный и страстный марксист или экзистенциалист, возможно, ближе к истине, чем какой-нибудь профессор философии, воображающий, что он возвысился над историей, комфортабельно проживая где-нибудь в пригородах Новой Англии. Возможность подняться над «историей», по-видимому, зависит от принятия на себя страшной ответственности» [7, с. 8]. Теоретическое и духовно-практическое осознание *отчуждения*, – отмечает Евгений Васильевич, – это единственный способ выхода за пределы магического круга, именуемого институциональным фетишизмом.

Попытаемся найти выход из этого круга. Очертим мир современной культуры, посмотрим на то, что нас окружает, заглянем в глубь себя. Повсеместно в современной культуре мы наблюдаем процессы краха «метасценариев» прошлого. «Одни воспри-

нимают поражение великих проектов как признак перехода, как временный кризис; другие – как хаос, начало конца цивилизации; третьи считают, что новый порядок уже установлен и что новый мир и должен быть таким, разнообразным и лишенным центра» [9, с. 236]. Вместо «метанарративов», обитавших в большинстве своем на «западных» территориях, современный мир получил «метапространство», т.е. современную глобальную массовую культуру, к которой подключено большинство населения планеты.

Современность в корне меняет акценты в отношении того, что еще недавно считалось нормой. Сложная внутренняя плотность общественных структур повсеместно обнаруживает несоответствие с формированием новой личности, развивающейся под давлением информационной перегрузки и технологии «мгновенного доступа». Знание о культуре и культурная идентификация постепенно обретают новую «клиповую» структуру в силу привычки современного человека воспринимать мир посредством короткого, яркого посыла, воплощенного в форме либо видеоклипа, либо теленовости. Такая специфическая форма «вхождения в культуру» является во многом защитной реакцией организма на информационную перегрузку. Например, появляются новые формы «многомерного» чтения, точнее считывания, обработки и передачи информации, за которыми, несомненно, скрывается уже новый тип мышления и даже, пожалуй, новый тип личности. В связи с этим следует вспомнить проблему «футурошока» Э. Тоффлера: многие из ныне живущих никогда не почувствуют себя «в своей тарелке» в будущем. Мы можем понять ощущение человека будущего, представив себе путешественника, который остается чужим в чужой стране, который только ее почувствовал и приспособился к ее нравам, но уже должен двигаться дальше, в другую чужую страну. «Сверхиндустриальная революция», по мысли Э. Тоффлера, откроет нам массу новых возможностей для персонального роста, приключений и наслаждений. Однако она породит и массу новых проблем, главной из

которых будет *проблема выживания в условиях полной свободы* [10, с. 208–209].

Готово ли современное общество вообще, и российский общество в частности, осознать и принять всю полноту этой свободы и тем самым признать себя ответственным за все, что дает эта свобода человеку?

Начнем с того, что для характеристики современного общества не годятся ни одни из существующих «легал» социально-классовой структуры, унаследованных от эпохи модерна. Может быть, такой структуры, в известном нам смысле, вообще нет? Пожалуй, лишь уровень потребления может выступить в качестве критерия деления современного общества на социальные слои. Под потреблением (прошу понять меня правильно) подразумевается не материальная практика и не «общество изобилия», оно не определяется ни пищей, которую человек ест, ни одеждой, которую носит, ни машиной, в которой ездит, ни речевым или визуальным содержанием образов или сообщений, но лишь тем, как все это организуется в знаковую систему: это виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих более или менее связный дискурс. Это то, что, по словам Ж. Бодрийара, есть *деятельность систематического манипулирования знаками*. То есть, потребляются не сами вещи, а именно *социальные отношения* через серию вещей, которые их проявляют [2, с. 130].

Отношения более не переживаются – они абстрагируются и отменяются, потребляясь в вещи-знаке. Дискурс вещей – это дискурс соблазна потребительских стремлений. Потребительские стремления производят «машины желания», которые соблазняют, приносят наслаждения и даже эксплуатируют людские центры наслаждения. Получается, что в современном «обществе-гипермаркете» господствует скрытая форма символического насилия. Речь идет об управлении и направлении желаний, мыслей и поведения объектов социальной реальности. Установлен негласный договор: гиперреальность («матрица») соблазняет индивида различными подарками и посулами, то удовлетворяющими, то разжигающими желания, в обмен на молчание и «сон разума» (предоставление рабочих мест, системы страхования и здравоохранения, рекламные акции-подарки, зрелища массмедиа и т.д.). Современный социум живет в условиях постоянного соблазна и не подозревает о том, что благодаря эксплуатации его центров наслаждения над ним осуществляется постоянное насилие, которое уже давно отучило людей мыслить и действовать самостоятельно.

Именно поэтому современное общество – это общество *всеобщего конформизма и компромисса*. К нему все труднее при-

менять такие базовые понятия, как «народ», «классы», «интеллигенция», и т.п. Например, постмодерн лишил интеллигенцию прежних привилегий. «Раньше интеллектуалы вдохновляли и вели народ на взятие бастилий, теперь они делают карьеру на управлении бастилиями» (Ж.-Ф. Лиотар). Интеллектуалы уже не претендуют на роль властителей дум, довольствуясь исполнением более скромных функций. В наши дни писатель, художник, творец вообще уступают место журналисту, «эксперту».

Новизна сегодняшней ситуации, по мысли Г. Маркузе, заключается в сглаживании антагонизма между культурой и социальной действительностью путем отторжения оппозиционных, чуждых и трансцендентных элементов в высокой культуре, благодаря которым она создавала иное измерение реальности. Ликвидация «двухмерной культуры» происходит не посредством отрицания и отбрасывания культурных ценностей, но посредством их полного встраивания в утвердившийся порядок и массовое потребление. Фактически они становятся инструментами социального сплавивания. Подобно тому, как люди, зная или чувствуя, что реклама и политические платформы по самому своему смыслу не могут быть истинными или правдивыми, продолжают прислушиваться к ним, читать их и даже позволяют им себя увлечь, таким же образом они принимают традиционные ценности, делая их частью своего интеллектуального оснащения. Здесь, по словам Г. Маркузе, – «средоточие рациональности status quo и начало всякой отчужденной рациональности» [4, с. 88].

Когда высокие слова о свободе и исполнении надежд произносятся соревнующимися лидерами и политиками, а затем тиражируются с помощью экранов, радио и трибун, они превращаются в пустые звуки, имеющие какой-то смысл только в контексте пропаганды, бизнеса, дисциплины и релаксации. Эта ассимиляция идеала действительностью свидетельствует о том, насколько идеал отстал от нее. Низвергнутый из сублимированного царства души, духа, внутреннего мира человека, он зазвучал на языке операциональных терминов и проблем, на языке массовой культуры. Это искажение, по мысли Г. Маркузе, указывает на то, что развитое индустриальное общество вплотную подошло к возможности «материализации идеалов». Царство сублимации, в котором представлялись, идеализировались и обличались условия человеческого существования, постепенно сходит на нет, не в силах тягаться с оснащенностью общества. Высокая культура становится частью материальной культуры и в этом превращении теряет большую

часть своей истины [4, с. 88]. В современном обществе эта «десублимация» обнаруживает свою подлинную конформистскую функцию. Она, по словам Г. Маркузе, предстает как аспект «обуздания способности к трансцендированию» [4, с. 115].

Однако вернемся к статье В.Н. Сагатовского. Видимо, все современное «российское» (в том числе и взгляд на историю) не может обрести свою содержательную наполненность без сравнения с «советским». Речь идет об утвердившихся историко-философских «метанарративах» советской поры, которые стали философской традицией. Думаю, что следы «советского» прошлого продолжают упорствовать в нашей жизни главным образом в качестве защитных механизмов. Прошлое есть часть нас самих, поэтому, обращаясь к его «историзации», мы осуществляем не акт присвоения этой реальности, а акт узнавания той части нас самих, которая с течением времени просто приобрела от нас независимость. Это своего рода ностальгия: «ностальгия является таким способом переживания различия между прошлым и настоящим, в момент которого прошлое реально возвращается, всегда будучи частью нас самих» [1, с. 54]. Однако ностальгия – это и способ расставания с прошлым: я должен проститься с прошлым, чтобы позволить ему стать «другим», без одержимости и боли [3, с. 135].

Духом подобного рода «ностальгии-расставания» пропитана статья В.Н. Сагатовского. «Бытие общества во всей полноте его проявлений не сводится к объективной реальности (материи) как одному из видов бытия, и тем более к экономическому базису», – отмечает Валерий Николаевич, как бы полемизируя с «кем-то из прошлого» (возможно с самим собой). Поэтому в качестве бытия общества в целом предлагается его совокупная *жизнедеятельность*. Субъектом жизнедеятельности является *социально-антропологическая целостность* (САЦ), представляющая собой единство общества в целом, общностей и отдельных личностей. Атрибутивную специфику САЦ и ее жизнедеятельности характеризуют следующие *функциональные уровни*: *природный, социальный и психологический* [8, № 3, с. 15]. САЦ, продолжает свои рассуждения Валерий Николаевич, как результат естественно-исторического процесса выступает не как *естественно-историческая формация*, а как результат деятельности – как *культура*. Именно последнее понятие, по мысли Валерия Николаевича, никак не вписывалось в рамки исторического материализма, ибо «в нем жизнедеятельность сводилась к естественно-историческому процессу, по отношению к которому деятельность оказывалась лишь способом

реализации объективных законов, т.е. субъективное «в конечном счете» редуцировалось к объективному» [8, № 3, с. 15].

Возникает вопрос, каким же будет это «новое» философское основание понимания истории? В качестве такого основания Валерий Николаевич предлагает «ноосферное мировоззрение». «Рискну заявить, – пишет он, – что если брать исходные интенции, основной замысел, то *ноосферное мировоззрение – это коммунистическое мировоззрение сегодня*. Следование иным мировоззрениям ведет к глобальной катастрофе или пассивному ожиданию апокалипсиса» [8, № 4, с. 10]. Задаваясь вопросом, где же проходит подлинный ток истории, Валерий Николаевич характеризует два фундаментальных противоречия человеческой жизнедеятельности: *противоречие искусственного и естественного и противоречие отчуждения*. «Не перестав быть природным (естественным) существом, человек создал по своим искусственным (не запрограммированным биологически) проектам мир искусственного, который стал жить по собственным законам и в который он поместил самого себя, а теперь пытается вместить и природу. Эти искусственные проекты (технические, политические, религиозные и т.д.) создаются в соответствии с установками отдельных людей и потому могут, как они сами, так и тем более их реализация, быть *чуждыми* другим людям. Отсюда и противоречия» [8, № 1, с. 8].

Таким образом, противоречия искусственного-естественного и отчуждения – вот тот болевой нерв истории, который открывает перед нами новые горизонты видения своей и общественной судьбы.

Во многом созвучным этой «донкиховской» концепции истории является уже упомянутый нами труд Е.В. Пашинцева. Только в отличие от термина В.Н. Сагатовского «естественно-историческая формация» Евгений Васильевич вводит и обосновывает термин «*общественно-политическая формация*» (вместо традиционного – «общественно-экономическая формация»). Философским основанием новой формационной парадигмы у Е.В. Пашинцева является социологическая триада: труд – общение – целеполагание. Разработка новой социально-философской парадигмы дает возможность автору теоретически ассимилировать два, на мой взгляд, всегда искусственно противопоставляемых друг другу концептуальных подхода – формационный и цивилизационный. С точки зрения автора, предметные и временные рамки всемирной истории определяются не масштабом человеческой деятельности, а закономерностями разворачивания «клеточки» человеческой истории в природном, институциональном и идеологическом про-

странстве.

В разработанной автором «периодической системе» философии истории 12 общественных формаций сгруппированы в три социологически симметричных ряда. Каждый ряд представляет собой последовательность общественных формаций, связанных с предысторией, становлением и развитием определенного типа культуры – вначале материальной, затем социальной и, наконец, духовной. Таким образом, логика мировой истории, по мысли автора, состоит в том, что выделившаяся из природы первобытная ментальность, осваивая техническое, институциональное и затем идеологическое пространство, возвышается до уровня зрелого человеческого Духа как высшей формы символической реальности.

Это позволяет Евгению Васильевичу сделать ряд футурологических прогнозов. Например, он определяет так называемый «конец истории», который связан как с концом буржуазной истории общества, основанной на эксплуатации жизненной энергии социально изолированного человеческого индивида, так и с концом социалистической истории общества, основанной на использовании безграничных ресурсов коллективной энергии людей. По мысли автора, будущее цивилизации связано с «идеологическим разделением деятельности», которое придет на смену ее институциональному разделению, и «научно-социальной революцией», начиная с которой развитие общества будет определяться не столкновением социальных интересов, а его коллективной волей, опирающейся на интеллектуальную мощь общественных наук. Поэтому в концепции Евгения Васильевича особая роль отводится современному «классу интеллектуалов». В мире, основанном на социальном господстве Власти, выступающей в качестве юридически законной формы институционального насилия, современный «класс интеллектуалов» выживает только за счет своего профессионального Авторитета, имеющего исключительно идеологическую природу. «Поэтому переход современной цивилизации от прямого институционального насилия, диктуемого социальной природой Власти, к идеологическому доминированию социального Авторитета, является фундаментальной исторической потребностью того общественного класса, который по роду своей деятельности стремится заменить аргумент социальной силы интеллектуальной силой аргумента» [7, с. 11].

Вопрос об ответственности интеллигенции – это еще один укоренившийся «метанарратив» отечественной общественно-политической мысли. Как правило, он идет рука об руку с неразрешимой для «донкихотствующих» философов проблемой:

«Россия на пути модернизации». Например, обобщая все многообразие дискуссий на эти темы, В.М. Межуев приходит к выводу, что все дело во времени, которое отделяет нас от Запада. Конечно, речь идет не о хронологическом времени, а о времени историческом. Мы как бы живем с Западом в разные времена. От Запада нас отличает разное отношение к современности, к тому, что принято называть модерном и что Ю. Хабермас называл «философским дискурсом о модерне». У нас с Западом на этот счет как бы разные дискурсы. В самом общем виде под модерном понимается рационализация всех форм жизненного поведения человека. По сути, это практическая реализация идей Просвещения. Современная западная философия в своей значительной части развивается сегодня под знаком критики и преодоления модерна. А вот мы, по мысли Вадима Михайловича, до сих пор в этот модерн никак не можем попасть. Предпринимаем для этого огромные усилия, но какая-то еще более мощная сила выталкивает нас из этого модерна обратно.

Не столько в силу того, что современная «донкихотствующая» интеллигенция «живет в России», сколько потому, что она целиком и полностью находится во власти традиционных «метанарративов», ей трудно представить, как выглядит мир постмодерна, ибо она продолжает главным образом смотреться в зеркало вместо того, чтобы просто посмотреть в окно. В лучшем случае она может судить о нем по западной литературе, хотя постмодерн как состояние духа и образ жизни уже давно заполнил собой российский пространство, несмотря на то, что, по словам В.М. Межуева, «мы и в модерне по-настоящему пожить не успели». Такое впечатление, что Россия – страна перманентной модернизации, которая временами то вспыхивает, то угасает. «Что же мешает России стать современной страной, войти в модерн?» – задается вопросом Вадим Михайлович. Для этого Европе, как известно, потребовалось пройти через три «двери», первая из которых – Возрождение, вторая – Реформация, третья – Просвещение. Все вместе заняло у нее примерно лет пятьсот. Мы же не прошли ни через одну. У нас не было своего Возрождения, своей Реформации, ну а Просвещение остановилось где-то на полпути, затронув лишь верхний слой российского общества. Дальше не пошло.

По мнению Вадима Михайловича, российская критика модерна в отличие от его западной критики тяготеет не к новому, а к старому – традиционному – миру, находящемуся под властью церковного и государственного авторитета, то есть православия и самодержавия. «Если современный западный интеллигент в большинстве своем если

не модернист, то постмодернист, то наш, как правило, – антимодернист. В политике он – консерватор, обращенный к прошлому – советскому или дореволюционному, причем независимо от того, к какой партии принадлежит. Сегодня это видно, как никогда раньше» [5].

Так кто же виноват и что делать? «Новый социально-культурный опыт, основанный на рациональных формах массового сознания и на правовых отношениях, может сложиться лишь в определенной политической среде, – пишет по этому поводу Э.А. Паин. – Нельзя научиться плавать по самоучителю, живя в пустыне, нельзя освоить практику правовых отношений и правовой этики в стране, где не существует независимого суда. Следовательно, создание свободной, демократической институциональной среды является стартовым условием формирования рациональной, правовой культуры общества» [6, с. 55]. Однако не приходим ли мы здесь к противоречию: для утверждения новой культуры нужны политические перемены, в то же время сами политические инновации не закрепляются при отсутствии соответствующей культурной традиции. Что же делать? Опять «донкихотствовать»?

Однако, по мысли Эмиля Абрамовича, никакого противоречия здесь нет. В российских условиях, по его убеждению, сложившаяся народная культура не препятствует установлению новых политических институтов. Другое дело, что она не обеспечивает их закрепления в общественном сознании, не легитимизирует их. К тому же и новая политическая среда не ведет автоматически к переменам в культуре. «Для этого необходимы целенаправленные усилия государства и

общества – нужна программа выращивания новой культуры. Главным содержанием этой деятельности должно стать создание таких правил игры, при которых интересы групп, соответствующие импульсам модернизации, поддерживаются, а противоположные им – блокируются. Далее должны быть созданы условия для конструирования новых традиций» [6, с. 56].

Однако мне кажется, что главная проблема в другом, и здесь мне более близка позиция В.М. Межуева, нежели Э.А. Паина. Главная проблема состоит в том, что самосознание человека, живущего сегодня на пересечении разных культур, строится на основе его *свободного выбора*. Можно ли такой выбор сделать сознательным? Вопрос не в том, как мыслить свободу в качестве объекта знания, а в том, *как быть свободным в акте своего самоопределения и самосознания*. Каждый из нас в определенных пределах свободен в своем культурном выборе. Можно ли сознательно обосновать выбор нами своей культурной идентичности? Здесь, по мнению В.М. Межуева, и открывается поле для философствования, предметом которого является осознание нами той системы ценностей, которой мы руководствуемся в своем культурном выборе. И не всегда эти ценности можно установить опытным или логическим путем, обращаясь к традиции или к мнению большинства. Они во многом диктуются именно нашей свободой. По отношению к любой догматической или «донкихотской» позиции такое мышление всегда будет критическим, соразмерным свободе и ответственности философа, сопричастного реалиям современного мира.

1. Анкерсмит, Ф.Р. История и типология: взлет и падение метафоры [Текст] / Ф.Р. Анкерсмит. – М., 2003.

2. Бодрийар, Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийар. – М., 1995.

3. Лебедев, Д.В., Лебедева, Г.В. Проблема «проработки» прошлого в контексте модернизации современной России [Текст] / Д.В. Лебедев, Г.В. Лебедева // 20 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации: материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф., 19–20 апреля 2011 г. / Гуманитарный ун-т. – Екатеринбург, 2011. Т. 1.

4. Маркузе, Г. Одномерный человек [Текст] / Г. Маркузе. – М., 2009.

5. Межуев, В.М. Если человек не нуждается в свободе, то и философия ему ни к чему... // Новая газета. Научно-популярное приложение «Кентавр». 2007. № 6: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/kentavr06/00.html>

6. Паин, Э.А. Роль общества и культуры в современной российской модернизации [Текст] / Э.А. Паин // 20 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации: материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф., 19–20 апреля 2011 г. / Гуманитарный ун-т. – Екатеринбург, 2011. Т. 1.

7. Пашинцев, Е.В. Введение в теорию формационного анализа: критика классического формационного учения: в 2 т. [Текст] / Е.В. Пашинцев. – Челябинск, 2009. Т. 1.

8. Сагатовский, В.Н. Новый взгляд на историю (попытка обоснования) [Текст] / В.Н. Сагатовский // Социум и власть. – 2010. – №№ 3–4; 2011. – № 1.

9. Смолкина, Д.В. Массовая культура в отсутствие метасценариев [Текст] / Д.В. Смолкина // 20 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации: материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф., 19–20 апреля 2011 г. / Гуманитарный ун-т. – Екатеринбург, 2011. Т. 1.

10. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер. – М., 2002.

ПЕРЕД ВЗРЫВОМ. О КНИГЕ А.Н. БУРМЕЙСТЕРА «ДУХОВНОСТЬ И ПРОСВЕЩЕНИЕ. У ИСТОКОВ РУССКОГО САМОПОЗНАНИЯ»^{*} – Тюмень, ТюмГАСУ, 2010

А.В. ПАВЛОВ

Что происходит в бомбе после того, как догорел фитиль, но еще не раздался взрыв, разорвавший ее на осколки?

Это книга о России XIX века, о том ее историческом периоде, когда в ней началось формирование нации, и одновременно зародился круг идей, которые, распространяясь, пропитывали общественную жизнь и привели, в конце концов, к революциям начала XX века, к реставрации империи в облике СССР и к новому краху уже в конце XX века. Последствия этой истории мы переживаем до сих пор.

Общая концепция автора представляется такой: все русские потрясения в конечном счете, сосредоточиваются в реформах Петра I, который поистине революционными средствами ввел Россию в контекст европейской истории.

От себя скажу, Петр I мог бы и не совершать этой революции. Тогда, вероятно, Россия не стала бы ни европейской, ни азиатской, а вплоть до окончательного становления капитализма в Европе она оставалась бы в общей геополитической структуре мира «резервной территорией», подобно разделу «Прочее» в логических классификациях. А потом была бы мирно разделена, колонизирована, заселена и освоена соседними более энергичными и развитыми государствами и народами. Возможно, на ее территории возникли бы несколько второстепенных царств и ханств и подчинились бы сильным соседям, и была бы Россия похожа на своеобразную Африку, только не с пустыней и джунглями, а с тундрой и тайгой. Правда, история не любит сослагательного наклонения, и случилось то, что произошло.

Роль личности в российской гуманитарной науке всегда принижалась в угоду объективным условиям, в то время как роль

личности в ее реальной общественной жизни была куда как высока, и гораздо выше, чем в европейских странах. Это тоже, скорее всего, началось с Петром I. Он подсмотрел в Европе образцы государственности, и, используя тогдашний уровень европейской рациональной науки и европейских промышленных технологий, но со своей, воспитанной Золотой Ордой интуицией и непреклонностью, начал ту, первую революцию, определившую судьбу России на столетия и сегодня ставящую нас перед альтернативой: быть с Западом или против него.

И именно по этой причине все русские императоры после Петра поневоле были революционерами. Им выпало продолжать начатый Петром процесс вхождения в европейскую историю. Они не могли уже от него отступить потому, что именно в этом процессе заключалась отныне историческая логика. Теперь Россия не могла не быть самостоятельным государством – империей не китайского, не японского и не персидского типа, а только европейского. При всех унаследованных от Орды нравах ей *пришлось* заводить европейскую промышленность, европейскую науку, европейское образование, музыку и литературу, создавать, конечно, свои, но по европейскому образцу. Зачастую против воли, но приходилось идти в этом направлении.

Против воли потому, что сопротивлялось наследие Орды, противилось само необозримое, плохо контролируемое пространство, даже география, казалось, была против. Русская тройка мчалась куда-то сама по себе и вдруг повернула поперек собственной дороги. Потребовались очень прочные вожжи, очень сильная рука возницы, чтобы усмирить инерцию, не дать перевернуться и удержать на новом пути. Со времен Петра начинает формироваться огромная русская бюрократия

^{*} В журнале «Социум и власть» уже публиковалась в сокращении первая глава книги проф. А.Н. Бурмейстера, и вот теперь его книга «Духовность и просвещение» вышла в свет. А.Н. Бурмейстер, заслуженный профессор университета Гренобль-3 им. Стендаля, Франция, уже неоднократно публиковался в нашем журнале.

тия, выполнявшая роль механизма управления, и она, уже став сословием, «светом» и классом, начинает требовать «твердой руки» *даже тогда, когда дорога Петра почти завершена и твердая рука не нужна, она требуется уже самим вождям.*

Но Петр I – один, далеко не все его наследники могли с ним сравняться в непреклонности. Их все время угнетала двойственность их положения: с одной стороны, они были обязаны править твердой рукой, а с другой стороны, они этой твердой рукой должны были насаждать в народе просвещение, индустриализацию, частную собственность и демократию, потому что Европа уже становилась буржуазно-демократической. Это понималось как постепенная подготовка перемен, а фактически оказывалось нарастанием разрыва между русской чиновной бюрократией, с одной стороны, и народом, с другой.

XIX век в России – это глубокое расщепление на высший свет, напрямую связанный с бюрократией, группирующейся вокруг императора, и на прежнюю крестьянскую Русь, загнанную в клетку крепостного права. И при этом осторожное, робкое, очень позднее создание собственных университетов, гимназий, училищ, журналов то исключительно для дворянства, то, казалось бы, для всех, но на проверку выходило, что опять для избранных.

Конечно, были многочисленные мелкие крестьянские бунты XIX века. Крестьяне восставали без всяких политических требований, и даже без экономических, слишком очевидно, что восстаниями они свою собственную землю не получают, восставали просто от отчаяния. Конечно медленно, но все-таки распространялась образованность. Конечно, потихоньку развивалась промышленность и появлялся слабый, но рабочий класс, те же еще крестьяне, силой нужды оторванные от земли и от безнадежного, но веками привычного уклада, мало что умеющие и понимающие в городской и промышленной жизни. И конечно, образованное и просвещенное дворянство и первая интеллигенция, тоже завязанные на «свете» и всемогущей бюрократии, но имеющие паспорта и выезжающие за границу, причем в Европу, а не в Китай и не в Турцию.

Нельзя сказать, что Европа в XIX веке проводила активную антирусскую политику, хоть сколько-нибудь сравнимую, например, с антисоветской политикой XX века. В Европе столетия подряд все государства интриговали против всех государств и то и дело воевали друг с другом, создавали временные союзы

против какого-нибудь соседа, потом эти союзы рассыпались, потом их бывшие участники начинали интриговать и воевать с недавними союзниками. Это была обычная европейская политическая жизнь. Россия, входя в Европу, оказалась вынужденной участвовать в этой непривычной для нее жизни. А Европа конечно нервничала, когда в ее столетнюю игру вторгся новый игрок, заявивший о своих правах, пробовала его на прочность. Но идеологического давления не было, бомбардировка друг друга чуждыми ценностями не велась. Просто русское дворянство и интеллигенция, разъезжая «по европам», видело своими глазами, что жить можно иначе, чем в России, и что эта жизнь, при всех ее неудобствах и издержках, лучше.

Оно видело, что российская жизнь такая, какая она есть, во многом порождение бюрократии и самодержавия, в которой они сами – и дворянство, и интеллигенция – участники. И становилось стыдно, просто внутренне не по себе. Думается, и восстание декабристов, и диссидентское движение эпохи Николая I, и распространение нигилизма, и позднейшее интеллигентское «хождение в народ» обусловлены не только романтическими иллюзиями и идеалами, но и простым человеческим стыдом, смятенностью духа, вызвавшей протестные настроения в образованных кругах, и в конечном счете, приведшей к «революции сверху», к отмене крепостного права.

И вместе с этим тяжелые, почти мистические сомнения в правильности выбранного пути: ведь жили же когда-то наши предки без всех этих хлопот. Ну пахали деревянной сохой, когда соседи уже использовали металлический плуг. Ну ходили в соседнюю деревню свататься, когда соседи уже плавали в Америку, но не в этом ли наш исконный русский путь, с которого нас свернул Петр, не в том ли, чтобы быть резервной территорией, временно заселенной временным народом? – И рождалась Русская Идея, подкрепленная православием, позднее мистикой и философией, вся замешанная на смирении перед своей исторической судьбой, перед властью и бюрократией.

И вместе с этим создатель русской идеи П.Я. Чаадаев с нею сформулировал и проблему: кто же мы такие, почему живем так, как живем? А затем И.В. Киреевский в своей статье «Девятнадцатый век» эту проблему так заострил и усилил, что западниками и славянофилами начали становиться уже не в результате личных духовных поисков, а из принципа. Западничество и славянофильство обернулись жизненными позициями и аксиомами русской морали образованных слоев.

Примерно в этом контексте находится рассказ А.Н.Бурмейстера о русском XIX веке. Но эта книга не ограничена политическими границами Российской империи, она о России, проникающей в Европу путем Петра, уже находящейся в ней, Московской, но также и Берлинской, Лондонской и Парижской.

* * *

Автор книги очень тонко переплетает идеи и судьбы русского XIX века. Здесь восстанавливается не экономико-политический, а духовный контекст эпохи, в контактах и переписках людей с людьми, в поездках и наблюдениях, в начинающемся диалоге культур России с Европой. В первую очередь, с ближней Европой – Германией и ее философской мыслью.

В основу книги положен не политико-экономический анализ русского крепостнического рабства, а Просвещение, влияние зарождающегося Московского университета и первых журналов на глубокое преобразование духовного климата страны.

Россия – Просвещение – Европа, эта логика просматривается уже в названии глав:

Вступление: Московский университет и любомудры.

Глава 1. Московский университет и кружок Станкевича.

Глава 2. Москва. Современность и светскость.

Глава 3. Берлин. Логика и философия истории.

Глава 4. Москва. Гегель и примирение с действительностью.

Глава 5. Смерть Идеи и воцарение Отрицания.

Глава 6. Москва и Петербург. Духовность или Просвещение?

Всего в книге 9 глав, приложение, примечания и большой библиографический аппарат. В тексте использованы многочисленные материалы из архивов В.А.Черкасского, А.В.Головина, гр. Киселева и др.

Сама книга написана очень литературно, слегка архаичским языком, вводящим в атмосферу XIX века.

В центре книги находится судьба Н.В. Станкевича – русского философского писателя, прожившего очень недолгую жизнь, оставившего мало сочинений и известного сегодня только специалистам. Однако эта судьба прописана так внимательно, что Станкевич поневоле превращается в философскую фигуру российской истории не столько благодаря своим идеям, сколько из-за своего

фактического, хотя, порою, и случайного влияния. При чтении книги не покидает чувство, что это – запал бомбы, чей взрыв состоится меньше, чем через 80 лет. И вероятно, выбрана именно эта судьба не случайно, учитывая, что она напрямую повлияла на Бакунина, Аксакова Белинского, Тургенева, Майкова, Анненкова, и на западников, и на славянофилов. Несмотря на немногочисленность литературного наследия Станкевича, его имя и взгляды нашли себе место даже в классических учебниках по истории русской философии В.В. Зеньковского и Н.О. Лосского.

В книге показана траектория жизненного пути Станкевича в контексте с теми, кто прямо или опосредованно соприкасался с этой траекторией: В.Белинский, А.Герцен, гр. Уваров, гр.Бенкендорф, А.Пушкин, А.Кошелев, император Николай I, Ф.Шеллинг, Г.Гегель, Ф.Булгарин, М.Погодин и множество других. И везде Н.В.Станкевич предстает одним из тех немногих людей, которые подтолкнули русскую мысль к действию. Он, как шар, удачно пущенный кием великого бильярдиста. Так что даже последние главы книги, посвященные М.Бакунину, А.Герцену, нигилизму и отмене крепостного права, поневоле читаются как посвященные продолжающемуся влиянию Станкевича.

Чтение этой книги – интересное занятие, требующее немалой работы ума и воображения. Думается, она составляет весомый вклад в историю русской культуры, особенно в том ее разделе, какой посвящен диалогу с культурами европейских стран. И она имеет сегодня особенный смысл в контексте опыта самодержавной бюрократии.

Книга способна поставить перед вопросом: удачной ли была революция Петра, что происходит, когда революция осуществляется сверху, то есть, таким образом, когда революционер старается не перерубить сук, на котором сидит. Можно ли искусственно конструировать общественную жизнь и ее неисчислимые процессы, преследуя пусть даже великую и благородную цель?

И особенно хочу обратить внимание на издателя этой книги. Логичнее было бы ожидать, что она выйдет в Тюменском государственном университете, но она опубликована в Архитектурно-строительном университете. То ли потому, что в ней все-таки речь идет о спорах и сомнениях вокруг целенаправленного социального строительства, то ли потому, что время призывает нового Станкевича, из любой среды, лишь бы русская мысль опять пробудилась к действию.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА: ИСТОКИ, КОНТЕКСТ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Точка зрения директора департамента по вопросам административной реформы Центра стратегических разработок, доктора философских наук, профессора Владимира Николаевича ЮЖАКОВА

Начало административной реформы

По поводу начала проведения административной реформы в России есть разные точки зрения. Так же, как есть разные точки отсчета для его определения. Первые решения президента России, названные административной реформой, были направлены на сокращение административных барьеров, прежде всего и на введение новой многоуровневой структуры органов исполнительной власти. Они были подготовлены, насколько я знаю, с активным участием Центра стратегических разработок при помощи тех людей, которые сейчас работают, например, в правительстве РФ: Игорь Шувалов, Эльвира Нибиуллина. Также это нынешний президент ЦСР Михаил Дмитриев и коллеги из Высшей школы экономики. Трудно проранжировать, кто больше участвовал в этом процессе – тогда это была достаточно единая команда. Нынешний помощник президента Аркадий Дворкович, насколько я знаю, также относился к числу людей, которые формировали эти решения. Было отведено 2 года на решение этих вопросов, а следом за этим начали думать над следующими шагами по совершенствованию государственного управления. Тогда уже существовала и действовала также программа по совершенствованию государственной службы, которая была направлена на повышение профессионализма и компетентности государственных служащих. Но это был немного другой аспект, и исполнители данной программы были другие. Перед административной реформой стояла немного другая задача – оптимизация, совершенствование деятельности не отдельных служащих, не государственной службы, а деятельности государственных органов, прежде всего, конечно, органов исполнительной власти. Эту задачу рассматривали во всех аспектах, начиная с улучшения правовой базы реформы, развития методик, методологий, инструментария выполнения этих работ, совершенствования процедур выполнения этих работ. Вместе с тем были продолжены

работы, которые начались на предыдущем этапе. В частности, это работа по оптимизации полномочий государственных органов, по сокращению избыточных и дублирующих функций государственных органов. Тогда наш нынешний президент ЦСР М.Э. Дмитриев как раз отвечал в Министерстве экономического развития в качестве заместителя министра за выполнение этой задачи, т.е. за выявление избыточных и дублирующих функций. На тот момент было признано наличие около 4500 полномочий, функций федеральных органов исполнительной власти. В дальнейшем задача состояла в том, чтобы выявить, какие из них дублирующие, какие избыточные, какие можно сократить, какие можно укрупнить, какие можно передать на аутсорсинг, какие можно передать на нижние уровни власти. В итоге функции федеральных органов исполнительной власти заметно сократились – примерно на 2000. Кстати, сегодня принято говорить, что реально государственных функций, имеющих конечный выход, т.е. не для самих органов исполнительной власти, а для других органов исполнительной власти и для других конечных потребителей, это где-то 900 функций. Это отчасти и результат проведенной работы по укрупнению, по пониманию того, что имеет конечный эффект, а что является внутренними делами самих органов, что является избыточным. Но это не означает, что эта тема завершена в 2004 году. Она и сейчас является, на мой взгляд, открытой. Тогда в ЦСР начинали думать о том, какие будут следующие шаги, т.е. как подвести и развить итоги этих первых двух лет административной реформы. Но здесь уже личное впечатление, может быть, с других углов зрения, из других ведомств оно выглядит по-другому. В ЦСР тогда были проведены вместе со Всемирным Банком несколько «круглых столов», которые были направлены на мониторинг результатов первых шагов административной реформы, регулируемых указами президента. На них был сделан вывод, что можно попытаться сформулировать предложения по следующим шагам административной ре-

формы, исходя из тех проблем, которые обнаружили. Сначала это были просто предложения по плану нашей собственной работы, потом Михаил Дмитриев поставил задачу подготовить их как программу или как концепцию следующих шагов административной реформы в России. Мы подготовили и провели «круглый стол», который был посвящен фактически возможности разработки концепции административной реформы на следующие 5 лет. К участию были приглашены все потенциально заинтересованные лица из руководства Администрации президента России, правительства Российской Федерации, – тогда в правительстве за это отвечал нынешний вице-премьер Александр Жуков. Он направили на «круглый стол» руководителя своего аппарата, который непосредственно занимался организацией этой работы, – Алексея Головкина. Он послушал, задал массу вопросов, высказал свое мнение и попросил нас еще раз это все скомпоновать, подготовить презентации. В этой работе участвовали люди из разных экспертных организаций. Итоги этой работы Алексей Леонардович показал А.Жукову. Работа была продолжена. Сначала она была подготовлена в формате федеральной целевой программы. Затем формат менялся. В итоге она стала концепцией административной реформы в Российской Федерации. Это существенно поменяло ее статус, поменяло возможности ее финансирования, привлечения организационных структур, но и оставило достаточно неопределенной систему организации управления и ее исполнения. Но в конечном счете появились ответственные структуры, появилась правительственная комиссия по проведению административной реформы во главе с вице-премьером. Эти меры сделали работу более целенаправленной.

Влияние структур бизнеса на формирование основных направлений реформы

Бизнес-структуры участвовали во всех мероприятиях по подготовке административной реформы. В частности, участвовали эксперты из РСПП. Тогда уже в какой-то степени принимала участие «ОПОРА России». Бизнес-партнеры Центра стратегических разработок, которые участвовали в свое время при подготовке предвыборной программы президента В. Путина, продолжали работать и по административной реформе. Некоторые из них и сейчас

работают, но не самостоятельно, а через объединения предпринимателей, и, кстати говоря, не только бизнес, но, и например, Российская ассоциация менеджеров, которая представляла управленческую культуру, довольно активно этим занимались общества потребителей, экспертные организации, в частности, эксперты «ОПОРЫ».

Поддержка реформы со стороны государственных служащих и граждан

Если посмотреть на концепцию административной реформы, то в ней есть (или, уже точнее сказать – было) специальное направление организации обеспечения реформы, которое предусматривает материальную поддержку тех федеральных и региональных органов исполнительной власти, которые в эту работу специально вовлекаются. Это предполагало как бы конкурсные процедуры. «Как бы» – это не принижение этих процедур. Но это были квазиконкурсные процедуры, где ведомства и регионы представляют свои проекты по реализации, т.е. все они обязаны реализовывать мероприятия административной реформы, по крайней мере, федеральные органы исполнительной власти. Для регионов, скорее всего, это оставалось рекомендацией, да и сейчас тоже, т.к. напрямую деньги не выделяются. Но конкурс позволял тем, кто предлагал наиболее интересный проект (или проекты) по утвержденным направлениям административной реформы, получать дополнительные средства, и эти средства, согласно условиям конкурса, могли быть направлены в определенной доле на премирование тех государственных служащих, которые наряду со своей основной работой занимались продвижением административной реформы. Сначала это было особенно важно, потому что не было структурных подразделений, которые бы специально занимались совершенствованием государственного управления, в том числе административной реформы. Позже, в т.ч. благодаря конкурсам, появилась некоторая минимальная штатная численность людей, которые специально этим занимались, появились структурные подразделения, которые были наделены полномочиями по проведению этих мероприятий. После этого стало немного легче и потребность в конкурсах ослабла, но механизм уже существует, и так или иначе он действует. Вначале этот механизм был фактически единственным механизмом

мотивации и вовлечения государственных служащих, в том числе и руководящего состава, в процесс проведения административной реформы. Что касается граждан, то здесь вопрос более сложный. Мне кажется, что граждане не вовлечены в этот процесс в достаточной степени. Скорее можно сказать, что постепенно в это вовлекается экспертное сообщество, а именно – созданы какие-то пулы экспертных сообществ, у которых есть эксперты, которые занимаются подготовкой экспертов, которые предлагают экспертов, способных готовить соответствующие проекты нормативных правовых актов, методик, концепций, а также сопровождать, реализовывать их, проводить мониторинг и т.д. Это тоже своего рода гражданское общество. Но если говорить о гражданах в целом, то речь идет о том, что нужно активизировать информационную деятельность. Нельзя сказать, что этого сейчас нет вообще и что политики в этом отношении нет вообще. На это работают пресс-службы, Комиссия по проведению административной реформы постоянно заставляет предоставлять информацию, сведения об этой работе, демонстрировать уже достигнутые результаты, например электронные услуги. Сложность в том, что явных положительных результатов, которые можно было бы демонстрировать и за которыми бы люди уже тянулись, не слишком много. И главная проблема здесь, наверное, в том, что реализация того блока концепции административной реформы, который был специально посвящен развитию механизмов взаимодействия государственных органов и граждан, институтов гражданского общества, по-прежнему оставляет желать лучшего. Если даже взять публичное обсуждение федеральных законов «О полиции», «Об образовании» и т.д., то, с одной стороны, это давно забытое старое советское, а, с другой стороны, совсем новое, – здесь все-таки осваиваются новые механизмы и возможности участия людей в этом становится значительно больше, т.е. по крайней мере создается массовка. Например, множество откликов о Законе «О полиции», среди которых тысячи вполне конкретных. Но все равно механизм не отлажен, поскольку нет никакой уверенности, что эти люди действительно будут услышаны. А этот механизм обратной связи должен быть интерактивным, т.е. люди должны увидеть, что их мнение услышано. Пусть оно и не принято, но услышано. Тогда у людей появляется желание и дальше принимать участие в процессе. Это все

надо налаживать и дальше, и тогда, может быть, люди будут более активно принимать участие в административной реформе. На самом деле граждане участвуют не в целом в административной реформе, а в каких-то конкретных вещах, которые их напрямую затрагивают. В принципе, замысел административной реформы в этом направлении был в том, чтобы показывать, в чем состоит интерес людей и чтобы они боролись за этот интерес, а не за абстрактные идеалы административной реформы. Тут еще, по-моему, есть чем заниматься, во-первых, чтобы больше был положительный результат по усилиям по административной реформе, чтобы люди понимали, что нужно двигаться вперед; а во-вторых, чтобы они видели, как развиваются конкретные механизмы, которые демонстрировали бы реальность тех усилий, которые предпринимаются. Т.е. необходимо преодолеть неверие в то, что от власти можно дожидаться встречного движения.

Как планировалось выстраивать отношения между федеральными органами исполнительной власти и гражданами после проведения реформы

В реформе обозначено одно – развивать инструмент взаимодействия, включая развитие самых разных инструментов обратной связи, возможности граждан принимать участие в подготовке решений. Но это касается не только граждан, но и объединений граждан, и объединений бизнеса в подготовке участия в разработке решений, в аудите, в контроле. Созданы некоторые механизмы участия в мониторинге, – никто не мешает самостоятельно проводить мониторинг. Везде уже устоялось понимание необходимости вовлечения граждан и их объединений в подготовку решений. Как минимум, это касается традиционных объединений работодателей, традиционных объединений потребителей, разного рода общественных советов при ведомствах, Общественной палаты. Это все было создано. Где-то это все действует формально, где-то не формально. Например, при ФАС есть и общественный совет, и экспертный совет, которые действительно работают. Где реально приглашаются все заинтересованные стороны, там действительно степень участия – это уже вопрос заинтересованности самих участников. А где все формально делается и почетно приглашается певец или еще кто-то, и дальше под все это ком-

понуется формат участия, то там они формально и действуют, как аффилированные структуры. Здесь вопрос состоит в том, как сделать так, чтобы не было аффилированных общественных форм участия. Для этого нужно создавать возможность форм участия для объединений граждан, для объединений работодателей и потребителей. Этих механизмов, строго говоря, еще нет. То есть, если ведомство всерьез относится к этому, как к положительному фактору улучшения своей работы, оно действует так, как я сказал на примере ФАС. А если оно формально исполняет обязанности, установленные законом или решением президента, то у граждан, их объединений нет особой возможности добиться своего права. Везде, к сожалению, проявляется отсутствие важных звеньев участия в принятии решений. Например, есть такая вещь, которой мы долго и упорно занимались, – это разработка и внедрение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Она от начала до конца родилась в экспертном сообществе. Это тоже компонент административной реформы, он был записан с самого начала в административную реформу в рамках противодействия коррупции. Было предложено разработать методику устранения из нормативных правовых актов факторов, которые способствуют коррупции. Усилиям фонда «Индем» и молодых специалистов из Высшей школы экономики были подготовлены первые версии шагов, как это сделать. В ЦСР усилиями всех заинтересованных исследователейских и экспертных организаций подготовили методику антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, начали ее широко апробировать на разных законах, подзаконных актах. Потом провели тренинги по применению этой методики для чиновников, начиная с Государственной думы и Совета Федерации, правительства РФ и т.д., заканчивая в разном формате более 50 регионами Российской Федерации. В итоге было признано, что это действует. Все это вышло на уровень решений президента, на уровень принятия в конечном счете специального Закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов». Президент оценивает антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов как один из трех реальных инструментов, которые созданы в ходе противодействия коррупции. Этот инструмент был сначала сформулирован экспертами, создан и на-

чал действовать именно в рамках Концепции административной реформы, точнее в рамках одного из ее направлений, которое называется «Оптимизация государственных функций и противодействие коррупции». Но и этот инструмент предполагает активное участие граждан в независимой антикоррупционной экспертизе. Плюс к этому открытость и публичность, без чего сама антикоррупционная экспертиза не может быть использована в антикоррупционных целях. Например, экспертизу одного нормативного правового акта провели, а про другой сказали, что в экспертизе нет необходимости, а на самом деле именно его пытаются «провести». Или, например, указали коррупционные факторы, не имеющие реального значения для коррупционных практик, а те, которые имеют реальное значение для коррупционных практик и создают большой коррупционный рынок, их могли сознательно умолчать, не заметить, вывести их из поля зрения. Если это не публично, не прозрачно, то это легко можно сделать. К сожалению, именно такой результат в итоге и получился. В Госдуме РФ прошла версия закона, которая предусматривает, что публикация результатов антикоррупционной экспертизы не обязательна, не обязательно их излагать по одной и той же форме, которая позволяет проверить качество проведенной экспертизы. А независимыми экспертами признается не любая заинтересованная организация, а конкретные люди, которые аккредитуются Министерством юстиции. Минюст получает от них заключения и может их рассматривать, может не рассматривать. А прокуратура отчитывается. Сотни тысяч антикоррупционных экспертиз проводится в год, а проверить это невозможно, т.к. результаты нигде не публикуются. Таким образом, не хватает участия граждан, независимых экспертов. Не хватает тех механизмов, которые бы подтверждали, что это участие не формально, что оно дает результат, от него есть польза, и это стимулировало бы самих экспертов дальше в этом участвовать. В итоге получается, что формализованность приводит к тому, что сам Минюст стал признавать, что в эти независимые эксперты стремятся, в том числе, чтобы получить деньги за свою формальную подпись. Это частное подтверждение того, что такая общая проблема формирования механизмов участия граждан и объединения граждан и бизнеса существует. Есть не только проблема

непроработанности деталей механизмов участия независимых экспертов, но и другие проблемы.

Роль опроса граждан и представителей бизнеса по вопросу качества государственных услуг

Административная реформа состоит и в том, чтобы по результатам опросов граждан и представителей бизнеса органы исполнительной власти, предоставляющие государственные услуги, ставили задачи по повышению качества государственных услуг в соответствии с ожиданием граждан, а также своими финансовыми и техническими возможностями. Так ли это, пока сказать трудно. Административные регламенты и их стандарты были ориентированы на то, чтобы это соблюдалось, т.е. чтобы стандарт формулировался, исходя из ожиданий граждан. Для этого должен проводиться опрос среди получателей государственных услуг. Попытки такие делались, но пока это не стало обязательным и действенным механизмом. В концепции административной реформы закладывалось одним абзацем, что должен быть создан постоянно действующий механизм, чтобы раз в два года ведомства решали задачу повышения уровня стандартов, т.е. приближения их к ожиданию получателей государственных услуг. Надо понимать, что сами ожидания могли вырасти, и соответственно стандарты должны их догонять или работать на опережение. Но главное, нужно было обязать ведомства регулярно проводить такую работу. На сегодняшний день пока просто не накоплен такой опыт. Но если все-таки по этому пути будем двигаться, то, наверное, должна быть сформулирована, например, в законе № 210 «Об общих принципах организации предоставления государственных услуг», обязанность государственных органов проводить опрос. Когда закон готовился, как раз предусматривалось, что такой механизм должен быть. Он прямо пока не заложен в законе, но в законе все-таки отражены некоторые вещи, которые вытекают из опросов получателей государственных услуг. По результатам первичных опросов, для большинства граждан проблема состояла в том, что их гоняют из ведомства в ведомство, что за любой бумажкой, за любой информацией, за любыми сведениями они должны бежать в разные организации. В законе заложена принципиально важная норма, которая еще не начала действовать,

а начнет действовать с 1 июля 2011 года, которая запрещает федеральным органам исполнительной власти и, соответственно региональным органам власти и организациям, которые по их поручительству действуют, требовать с заявителя какие-либо документы, информацию, сведения, которые находятся в системе органов государственной власти, т.е. орган власти сам должен запросить и получить эту информацию, сам должен проводить необходимые согласования со «смежниками». Это требование, конечно, должно будет и уже начинает опираться на развитие единой базы данных органов исполнительной власти, на электронные технологии с тем, чтобы сами чиновники не бегали между ведомствами, а имели возможность получить эти сведения в электронном виде из единой базы данных. Истоки этого сюжета как раз в опросах получателей государственных услуг. Например, в прошлом году был своего рода опрос, мониторинг предоставления государственных услуг как бизнесу, так и гражданам. Более пятидесяти государственных услуг были рассмотрены в сорока российских регионах РФ с точки зрения качества их предоставления. Акцент был сделан прежде всего на издержки бизнеса и граждан, т.е. время, которое они тратят, материальные издержки, количество обращений, которые они вынуждены делать, общую оценку степени удовлетворенности получателей государственных услуг. Выявлен целый ряд критических ситуаций. Например, нередок случай, когда количество обращений, которые необходимо сделать в различные органы, чтобы получить услугу, равно семи. Вместо одного обращения, как это говорит 210-й закон. Значит, есть над чем работать – нужно в семь раз сократить количество обращений. Вторая проблема – время предоставления государственных услуг в среднем в два с небольшим раза превышает нормативно установленное время. А в некоторых случаях не в два, а в 4–5 раз превышает реально установленное время. Соответственно, как бизнес, так и граждане, не удовлетворены таким положением дел. Третья проблема – стоимость услуг. Во многих случаях нормативная стоимость не установлена и она ничем вообще не регулируется. А там, где она установлена, фактически она значительно превышает. Соответственно, недовольство граждан это тоже порождает. Результаты проведенного мониторинга рассмотрены на Правительственной комиссии по проведению адми-

нистративной реформы, после чего были даны достаточно конкретные поручения федеральным органам исполнительной власти по устранению выявленных критических ситуаций, по учету результатов опроса получателей государственных услуг. Как следствие, должна быть проведена работа по повышению качества оказания этих государственных услуг, в том числе и по снижению полных издержек, которые заявители несут при их получении.

Решение задачи по повышению степени удовлетворенности государственными услугами

Изначально концепцией адмреформы была поставлена задача достигнуть сначала 50%, а затем и 70% удовлетворенности граждан государственными услугами. Похоже, при подготовке концепции административной реформы были поставлены слишком завышенные требования. Они – как желательные рубежи – все равно сохраняют силу, но нужно более трезво смотреть, какими темпами эти рубежи достигаются. Но, мне кажется, все равно надо эти рубежи видеть и стремиться к ним. Сегодня речь идет о не тотальной оценке удовлетворенности по всем государственным услугам, здесь все-таки большие разрывы: одни государственные органы уже сориентировались на потребителя и реально заботятся о том, чтобы повысить их удовлетворенность, другие только начинают осознать, что это за работа. В результате средней температуры удовлетворенности не получается. Надо двигаться вперед по каждой конкретной государственной услуге.

Значение административной реформы для политических лидеров

Какое-то время административная реформа оставалась чем-то загадочным и потусторонним, но уже сейчас она используется как инструмент, в том числе при решении политических вопросов. Например, для президента России заявленным политическим вопросом является снижение уровня коррупции. При этом реализация административной реформы является

и глобальным инструментом противодействия коррупции. В частности, выше уже говорилось о том, что в рамках административной реформы начала проводиться антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов. Стали сокращаться избыточные полномочия государственных органов (хотя, как известно, возникло и встречное движение – создаются новые). Чем меньше этих полномочий, тем меньше возможностей получения взятки, используя свое служебное положение. Так же проводится оптимизация административных процедур. Тот же пример из 210-го федерального закона: чем меньше хождений по ведомственным органам, тем меньше зависимость заявителя от этих органов и меньше возможностей у чиновника вымогать у гражданина взятку. Переход к электронным услугам – следующий шаг в решении этой задачи. Тем самым еще более сокращается поле для возможностей коррупции. Это важный пример политического внимания к административной реформе, но это не означает, что такого внимания достаточно. На мой взгляд, президент в этом деле мог бы занимать более активную, центральную позицию. Пока получается, что он перепоручил ведение административной реформы правительству, Правительственной комиссии по проведению административной реформы. А президент занимается реформированием государственной службы, при нем действует соответствующая рабочая группа. Было бы полезно учитывать, что по сути дела есть единый процесс совершенствования государственного управления, который не разделишь на административную реформу и реформу государственной службы. В идеале президент должен иметь некий концептуальный взгляд на совершенствование государственного управления в целом, который в части реализуется правительством, соответственно регулируется правительственной комиссией по административной реформе, а в части – это рабочая группа президента. Но в целом должна быть единая зона ответственности президента. Все-таки государственное управление, его качество лежит в зоне его ответственности. Мне кажется, рано или поздно к этому придется прийти, т.е. признать, что этот вопрос более высокого уровня ответственности, чем сейчас.

СОЦИУМ

SOCIUM

Горелова Г.Г., Степанов В.А. Личностные проявления профессионального кризиса у работников госбюджетной сферы. Обсуждаются результаты исследования личностных проявлений у служащих государственных организаций в условиях профессионального кризиса. На основе представленных данных выявляются факторы социально-психологической адаптации.

Ключевые понятия: личностные особенности, профессиональный кризис, индикаторы социально-психологической адаптации.

Дуран Т.В., Костин В.А. Институциональное управление в системе видов государственного управления. В статье выделены виды государственного управления на основе институциональных и целевых типов управленческих решений, показаны варианты этих видов, выделена специфика государственного институционального управления по составу функций, субъектам и объектам управления, его роль для понимания места права в системе управления.

Ключевые понятия: институт, цель, вид управления, функции управления, институциональное управление.

Начкебия М.С. Теоретические аспекты исследования управленческой культуры в системе муниципальной службы. Для повышения эффективности управления в органах местного самоуправления необходимо разработать новый подход к формированию управленческой культуры в системе муниципальной службы путем исследования теоретических аспектов данного вопроса.

Ключевые понятия: местное самоуправление, муниципальная служба, культура, управленческая культура.

Волосникова Е.А. «Северный город»: новая трактовка понятия. В статье рассматриваются традиционные трактовки понятия «северный город». Делается вывод о необходимости появления его новых интерпретаций. Показывается изменение содержания понятия «северный город» под влиянием определенных социально-экономических процессов. Обращается внимание на важность изучения влияния социальных общностей на перспективное развитие северных городов.

Ключевые понятия: северный город, новоосвоенный северный город, моногород, хронотоп (пространственно-временная модель), социальное пространство северных городов, социальные общности.

Александров А.А., Карымова Л.С. Роль средств массовой информации в формировании этнонациональных отношений на региональном уровне. Статья посвящена анализу СМИ Свердловской области с использованием социологических исследований молодежи, как фактору формирования толерантных либо интолерантных отношений. Ключевые понятия: средства массовой информации, этнонациональные отношения, межнациональная стабильность.

ВЛАСТЬ

POWER

Белюсов А.Б. Пропаганда и демократия в России: проблемы, противоречия и вызовы современности. В статье рассматриваются проблемы,

Gorelova G.G., Stepanov V.A. Personal experience of professional crisis at employees of state organizations. Results of research devoted to revealing of personal experiences of employees of state organizations enduring professional crisis are discussed. On the basis of the presented data the indicators of socio-psychological adaptation are analyzed.

Key concepts: personal experience, professional crisis, indicators of socio-psychological adaptation.

Duran T.V., Kostin V.A. Institutional administration in State administration system types. The article singles out types of State administration based on institutional and target-based types of administrative solutions. The article shows the subvariants of these types as well as describes the specifics of State institutional administration based on functions, subjects, objects of administration, its role in understanding of the position of the Law in the system of administration.

Key concepts: institute, target, type of administration, functions of administration, institutional administration.

Nachkebiya M.S. Theoretical aspects of study of management culture of municipal service. In local governments it is necessary to develop the new approach for management efficiency increase to form administrative culture in system of municipal service by research of theoretical aspects of this point in question.

Key concepts: local government, municipal service, culture, administrative culture.

Volosnikova E.A. «Northern town»: new understanding of the concept. The traditional interpretation of the term "northern town" is considered in the article. The conclusion is made up about the necessity of the appearance of its new interpretations. The change is presented of the concept "northern town" below the impact of certain socio-economic processes. It's important to pay attention to researching the influence of social communities on the future development of northern towns.

Key concepts: northern town, recently developed northern town, monocity, chronotope (spatio-temporal model), social area of the northern towns, social communities.

Alexandrov A.A., Karymova L.S. The role of mass media in forming the interethnic relationships at a regional level. The article is about analysis of mass media in Sverdlovsk region as a factor of forming tolerant and intolerant relations, with use of peer sociological research of young people.

Key concepts: mass media, ethno-national relations, inter-ethnic stability.

Belousov A.B. Propaganda and democracy in Russia: problems, contradictions and challenges of modernity. The problems of lowering interest

связанные со снижением интереса к изучению пропаганды в российской политической науке и отказом использовать ее в политической практике. Ключом для их решения, по мнению автора, является рассмотрение вопроса о соотношении пропаганды и демократии.

Ключевые понятия: пропаганда, демократия, вертикаль власти, суверенная демократия.

Криворотова Г.А. Кризис представительной демократии в системе политического управления в современном обществе: теоретические проблемы исследования. Социально-экономические и социокультурные изменения, происходящие в жизни современного общества, диктуют потребность в дальнейшей демократизации системы политического управления. В статье рассматриваются теоретические аспекты исследования проблемы повышения уровня гражданского участия в управленческом процессе, в принятии политических решений и контроле за их исполнением.

Ключевые понятия: представительная демократия, партисипативная демократия, гражданское общество, управленческий процесс.

Ишменев Е.В. Опыт изучения концепта «символической политики»: основные традиции и перспективы. В статье рассматривается отечественный и зарубежный опыт изучения концепта «символической политики». Выделяются наиболее актуальные направления исследования символических аспектов политики. Особое место в статье занимает рассмотрение дискурсивного направления: его влияние на теории «рационального выбора» и «социального конструктивизма».

Ключевые понятия: символическая политика, легитимность, институт, дискурс-анализ, рациональный выбор.

Хубулури Е.И. Особенности государственной политики и управления социальной защитой населения: теоретико-методологический аспект. Статья посвящена изучению важного компонента развитого социального государства – системе социальной защиты населения, подходов к определению данного понятия, а также возможности использования принципов социального маркетинга при управлении социальной защитой населения.

Ключевые понятия: социальная защита населения, уровень жизни, социальное государство, модели социальной политики, принципы социального маркетинга.

Романьчев И.Г. Функционирование ветвей власти в контексте детерминант возможного перехода региона в нестабильное социально-политическое состояние. В статье отмечается, что экономическая ситуация в стране оказывает существенное влияние на общественную атмосферу. Необходимо понимание болевых точек, влияющих на нестабильность социально-политической системы региона. В процессе модернизации необходимо изменить структуру региональной власти, поскольку текущие экономические тенденции требуют новых стратегий развития.

Ключевые понятия: ветви власти, взаимодействие ветвей власти, региональные элиты, региональная власть.

Буяров Д.В. Межрегиональное взаимодействие России и Китая на примере Дальнего Востока. В статье рассматриваются политические аспекты взаимодействия России и Китая на Дальнем Востоке РФ в оценках специалистов и общественного мнения. Основное внимание уделяется позиции и

to propaganda researches in Russian politic science and refusal of using it in political practice are considered in the article. From author's point of view a clue is an examination of propaganda and democracy correlation.

Key concepts: propaganda, democracy, vertical of power, sovereign democracy.

Krivorotova G.A. Crises of representative democracy in the system of political governance in modern society: theoretical problems of the research. Socio-economic and socio-cultural changes that take place in modern society dictate the need for further democratization of the system of political governance. The article deals with theoretical aspects of researching the problems of raising the level of civil participation in the governmental process, taking the political decisions and monitoring their execution.

Key concepts: representative democracy, participatory democracy, civil society, governmental process.

Ishmenev E.V. Experience of studying the concept of «symbolic politics»: the basic traditions and prospects. The article describes the Russian and foreign experience of studying the concept of «symbolic politics». The most actual directions in research of symbolic politics are allocated. The special place in article is occupied by discourse direction: its influence on theories of a «rational choice» and «social constructivism».

Key concepts: symbolic politics, legitimacy, institute, discourse analysis, rational choice.

Khbuluri E.I. Characteristics of the State policy and social security of population: theoretical-methodological aspect. The article deals with studying the the important component of the developed social state – the system of social security of population. It deals with approaches of determining this concept, as well as with the possibilities of using the principles of social marketing in the management of social security of the population.

Key concepts: social security of population; standard of living; social State; models of the social policy; the principles of social marketing.

Romanytchev I.G. Functioning of branches of the power in context of the determinants of likely region transition into the state of the socio-political instability. The article notes that the economic situation in the country has a vital influence on the social atmosphere. It is necessary to understand the sore spots affecting the unstable socio-political system in the region. In the process of upgrading the structure of regional power must be changed, because of current economic trends require new strategies of development.

Key concepts: branches of the power, cooperation of the branches of power, regional elites, regional power.

Buyarov D.V. Inter-regional interaction of Russia and China with an example of the Far East. The article considers political aspects of interaction of Russia and China in the Far East by the Russian Federation in estimations of experts and public opinion. Most attention is given to a position and

интересам Российского правительства в рамках региональной и межгосударственной политики. Ключевые понятия: межрегиональное сотрудничество, регионализм, национальные интересы, центральное правительство, общественное мнение.

Петрова О.П. Политические акторы региональной экологической политики и сетизация третьего сектора. Статья посвящена изучению роли в формировании региональной экологической политики такого политического актора, как третий сектор. Особенности современных механизмов деятельности данного сектора оказывают влияние на выбор приоритетов региональной экологической политики в современном политическом процессе. Ключевые понятия: региональная экологическая политика, институциональная система экологической политики, политические акторы, третий сектор, сетевая деятельность.

Зайцева А.А. Отражение социальной политики в СМИ как критерий эффективности работы журналистики. В статье анализируются особенности взаимодействия социальной политики, социального настроения и журналистики. Автор определяет факторы формирования медиаобраза окружающей реальности и влияния телевизионной картины на развитие гражданского общества.

Ключевые понятия: социальная политика, социальное настроение, журналистика, медиаобраз, гражданское общество.

Рудой В.В., Понеделков А.В., Лысенко В.Д. Практика применения методов социологического анализа в политических исследованиях на Юге России. Анализируются некоторые результаты социологического опроса экспертов-политологов и государственных служащих в тринадцати субъектах РФ ЮФО. Выявляется отношение респондентов к востребованности политических исследований, к сотрудничеству ученых с органами власти и регионального управления на Юге России. Рассматривается тенденция возрастания интереса чиновников к подготовке диссертационных работ по политическим наукам.

Ключевые понятия: востребованность политических исследований, сотрудничество ученых с органами власти, политическая наука, эмпирическая база политологии.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Голованов А.И. Правовой аспект реализации концепции суверенной демократии в России. Статья посвящена правовому аспекту реализации концепции суверенной демократии в Российском государстве. В центре внимания автора находится противодействие коррупции как одного из основных элементов правового механизма реализации названной концепции.

Ключевые понятия: демократическое государство, суверенная демократия, правовой механизм, противодействие коррупции.

Пискунов С.А. Добровольное переселение соотечественников на российский Дальний Восток: прорыв или провал? В статье анализируется политика переселения соотечественников, проживающих за рубежом, на Дальний Восток в 2007–2009 гг. Выявлены основные противоречия между целью государственной программы и результатами ее реализации, дана оценка эффективности принимаемых мер.

Ключевые понятия: государство, соотечественники,

interests of the Russian government within the limits of the regional and interstate policy.

Key concepts: inter-regional cooperation, a regionalism, national interests, the central government, public opinion.

Petrova O.P. Political actors of regional environmental policy and the third sector networking. The article covers the role of political actor such as the third sector in the regional environmental policy forming. Modern patterns of this sector's activity influence the regional environmental policy model in the current political process.

Key concepts: regional environmental policy, institutional system of environmental policy, political actors, third sector, networking activity.

Zaitseva A.A. Media view on social politics as criteria of journalism's efficiency. The article analyses features of interaction between social politics, social mood and journalism. The author outlines the main factors of forming the media image of the reality and the influence of TV on civil society development.

Key concepts: social politics, social mood, mass media, media image, civil society.

Rudoy V.V., Ponedelkov A.V., Lysenko V.D. The Practice of using methods of sociological analysis in political research in the south of Russia. Some results of the sociological poll of experts in political science and civil servants in thirteen subjects of the Southern Federal Okrug of the Russian Federation are analyzed. The attitude of respondents to the necessity of political research to cooperation of the scientists with the bodies of power and regional management in the South of Russia are revealed. The tendency of increasing interest of public servants to writing dissertations on political sciences is dealt with.

Key concepts: demand of political research, cooperation of scientists with the bodies of power, political science, empirical basis of political science.

STATE AND LAW

Golovanov A.I. Legal aspects of realization of the «Sovereign Democracy» concept in Russia. This article follows the legal aspect of realization of the «Sovereign Democracy» concept in Russia. The author centers on fighting corruption as one of the primary elements of legal mechanism realization of the said concept.

Key concepts: democratic state, sovereign democracy, political and legal mechanism, the counteraction to corruption.

Piskunov S.A. Voluntary migration of compatriots to the Russian Far East: success or flop? The policy of migration of compatriots living abroad to the Far East in 2007–2009 is examined in the article. The basic contradiction between the aim of the public program and the results of its realization are revealed. Besides, the author gives a proper appreciation of the effectiveness of undertaken measures.

Key concepts: state, compatriots, voluntary

добровольное переселение, методы стимулирования, уровень жизни населения.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Лавров И.В., Лаврова М.И. Уровень жизни населения Уральского федерального округа в условиях экономического кризиса. В статье анализируются основные показатели социально-экономической статистики благосостояния населения Уральского федерального округа за 2004–2009 годы. С учетом доминирования городского населения базовой категорией классификации бюджетов домашних хозяйств и уровня жизни населения в регионах округа является денежный доход. Ключевые понятия: экономический рост, благосостояние, денежные доходы населения, инфляция, экономический кризис.

Коротина Н.Ю., Катаев С.И. Эволюционная динамика развития агропромышленного комплекса Пермского края. В статье рассмотрены способы управления хозяйствующими субъектами сельхозпроизводства, определена структура диверсификационного потенциала агропромышленного комплекса, определены понятие и цели диверсификационной политики АПК.

Ключевые понятия: диверсификационный потенциал, диверсификационная политика, агропромышленный комплекс, структура диверсификационного потенциала.

КУЛЬТУРА

Савин В.Н. Правовая культура студентов в современных условиях: социологический анализ. В статье проводится социологический анализ правовой культуры студентов вузов г. Челябинска. Автор предлагает собственное понятие «правовая культура личности», обосновывает его преимущества. В статье выявляется специфика правовой культуры студентов, раскрываются противоречия ее формирования.

Ключевые понятия: правовая культура, студенты, структура правовой культуры, противоречия формирования.

Киммель Н.В. Факторы формирования новой культурной идентичности представителей русскоязычной диаспоры в условиях культуры Турции. Статья посвящена проблеме формирования культурной идентичности эмигрантов. Автор предлагает факторный анализ формирования культурной идентичности личности эмигранта. По мнению исследователя, рассмотренные им факторы могут не только способствовать формированию новой культурной идентичности, но одновременно и препятствовать ее приобретению.

Ключевые понятия: диаспора, эмигрант, культурная идентичность, культурная дистанция.

Чернов Г.Ю. К вопросу о подходах к экспликации понятия «демассификация». В статье анализируются различные подходы к пониманию демассификации общества и личности.

Ключевые понятия: демассификация, социально-массовые явления.

migration, methods of stimulation, the level of life of inhabitants (population).

ECONOMIC POLICY AND MANAGEMENT

Lavrov I.V., Lavrova M.I. Standard of living of the population of the Ural federal district in conditions of economic crisis. In article the basic indicators of social and economic statistics of welfare of the population of the Ural federal district for 2004–2009 are analyzed. Taking into account the domination of urban population the monetary income is a base category of classification of budgets of house economy and standard of living of the population in district regions.

Key concepts: economic growth, welfare, monetary incomes of the population, inflation, economic crisis.

Korotina N.Yu., Kataev S.I. The evolutionary dynamic of development of agroindustrial complex of Perm region. This article observes the methods of managing subjects administration of agricultural production, it defines the structure of diversified potential of agroindustrial complex, it determines the concept and goals of diversified policy of agroindustrial complex.

Key concepts: diversified potential, diversified policy, agroindustrial complex, the structure of diversification potential.

CULTURE

Savin V.N. Legal culture of students in contemporary conditions: sociological analysis.

The article is devoted to the problem of sociological analyses of legal culture of students in contemporary conditions. The author offers his own notion of «legal culture», proves its advantages among the others. Much space is devoted to the problem of the distinctive features of the legal culture of students. The article gives attention to some contradictions of formation of this type of culture.

Key concepts: law culture, students, structure of law culture, contradictions of formation.

Kimmel N.V. Factors shaping cultural identity of representatives of Russian Diaspora in the conditions of «alien» culture. The headline of the article is the problem of shaping cultural identity of emigrants. The author suggests factor analyses to the problem of shaping of cultural identity of emigrants. She believes that the factors may not only promote formation of new cultural identity, but in the same time can interfere with its acquisition.

Key concepts: diaspora, emigrant, cultural identity, cultural distance.

Chernov G.Yu. On a matter of approaches to the explication of a «demassification» concept. In article various approaches to understanding of societies and persons demassification are analyzed.

Key concepts: demassification, the social-mass phenomena.

Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Развитие системы пенсионного обеспечения на Южном Урале в 1990-е годы. Статья посвящена анализу работы пенсионных служб на Южном Урале в период «шоковой терапии». В ней рассматриваются изменения в пенсионном законодательстве, структуре и функциях, условиях деятельности региональных пенсионных служб по пенсионному обеспечению населения, выявляются причины существенного падения уровня жизни получателей пенсий в период внедрения рыночных принципов социального обеспечения.

Ключевые понятия: Южный Урал, региональная пенсионная служба, система пенсионного обеспечения, получатели пенсий, реформирование, государственная социальная политика.

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Павлов А.В. История как всплеск. К публикации статьи В.Н. Сагатовского. Статья посвящена проблеме философии истории как концепции многообразия потенциалов современности.

Ключевые понятия: современность, монотелеологизм и политеологизм, комплементарность, экзистенциальный опыт, социокультурный субъект, смысл истории, резонансная волна истории.

Борисов С.В. «Донкихоты» постиндустриальной эры: о философии истории и об ответственности философа в современном мире. Современный взгляд на историю обретает свое содержание только в сравнении с философской традицией прошлого. Прошлое заставляет философа все время «смотреться в зеркало», что приводит к отрыву от реальности. Философия истории представляет собой акт узнавания нас самих, это своего рода ностальгия, посредством которой у философа появляется возможность расстаться с прошлым. Реализация этой возможности определяется мерой свободы и ответственности философа.

Ключевые понятия: философия истории, постиндустриальное общество, интеллигенция, свобода, ответственность.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИЯ

Рецензия на монографию А.Н. Бурмейстера «Духовность и просвещение. У истоков русского самопознания». Книга А.Н. Бурмейстера представляет собой историко-культурологическую реконструкцию российской философской мысли XIX века, выступающего ее главным «героем». Культурный климат XIX века трактуется как продукт революции Петра I и предшественник русских революций XX века. Книга написана литературно, слегка архаическим языком, вводящим в атмосферу эпохи. Она способна поставить перед вопросом: что происходит, когда революция осуществляется сверху, можно ли искусственно конструировать общественную жизнь. В книге использованы многочисленные материалы из архивов В.А. Черкасского, А.В. Головнина, гр. Киселева и др.

Ключевые понятия: XIX век, Московский университет, русский журнал, кружок Станкевича, Просвещение, духовность, либералы, радикалы.

Smirnov G.S., Smirnov S.S. Development of the Pension Fund Scheme in South Urals in the 1990's. The article is analyzing work of the pension fund in South Urals during the period of «shock therapy». The article considers changes in the pension legislation, structure and functions as well as operational environment of regional pension services that were providing pension fund schemes for the population. It also identifies causes of essential decrease in living standards of pension recipients while market principles were implemented into social welfare services.

Key concepts: South Urals, regional pension service, pension fund scheme, recipients of pensions, reforms, state social policy.

DISCUSSIONS AND DEBATES

Pavlov A.V. History as a burst. To the article of V.N. Sagatovsky. The article is devoted to the problem of historical philosophy as a concept of multitude of contemporary potentials.

Key concepts: contemporary, mono-teleologism and poly-teleologism, complementarity, existential experience, sociocultural subject, essence of history, resonating wave of history.

Borisov S.V. «Quixotes» of a postindustrial era: on philosophy of history and on responsibility of the philosopher in the modern world. The modern view on history finds its context only in comparison with philosophical tradition of the past. The past forces the philosopher all the time «to look into a mirror» that leads to separation from a reality. The historical philosophy represents the act of self-cognition, it is some kind of nostalgia by means of which the philosopher has a possibility to let go of the past. Realization of this possibility is defined by a measure of freedom and responsibility of the philosopher.

Key concepts: historical philosophy, postindustrial society, intelligentsia, freedom, responsibility.

CRITICS AND REVIEWS

Review of the article by A.N. Burmeister: Spirit and Enlightenment. From the origins of Russian self-conscience. The book by A.N. Burmeister is a historical and cultural reconstruction of the Russian philosophic ideas of the XIX century. The cultural climate of the XIX century is perceived as the product of the revolution by Peter I and the precursor to the Russian revolutions of the XX century. The book is written in a formal, albeit slightly archaic manner suitable for maintaining the historic environment. The book puts a question of what happens when the revolution is initiated from the top and whether it is possible to give artificial structure to the public life. The book employs different sources from the archives of V.A. Cherkassky, A.V. Golovnin, Geselev's group etc.

Key concepts: XIX century, Moscow university, Russian journal, Stankevich's group, Enlightenment, Spirit, liberals, radicals.

АВТОРЫ НОМЕРА

Александров Александр Александрович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Уральского академии государственной службы, доктор философских наук, г. Екатеринбург. E-mail: alexandrov@gov66.ru

Белоусов Александр Борисович, кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: ektb@yandex.ru

Борисов Сергей Валентинович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: borisovsvb9@mail.ru

Буяров Дмитрий Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры всемирной истории Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: buyarov_d@mail.ru

Волосникова Елена Алексеевна, декан факультета управления Сургутского государственного педагогического университета, кандидат экономических наук. E-mail: volosnikova_lena@mail.ru

Голованов Анатолий Игоревич, аспирант Челябинского Государственного университета. E-mail: ligol@csu.ru

Горелова Галина Газимовна, доктор психологических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Челябинского института (филиала) Уральского академии государственной службы. E-mail: ggorelova@yandex.ru

Дуран Татьяна Валентиновна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории социологии Уральского государственного университета имени А.М. Горького, г. Екатеринбург. E-mail: Tanyakostina2006@hotmail.com

Зайцева Анастасия Андреевна, аспирант кафедры теории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: azaitseva@mail.ru

Ишменев Евгений Васильевич, аспирант Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: ishmenev@mail.ru

Каримова Любовь Сабирдзяновна, аспирант кафедры теории и социологии управления Уральского академии государственной службы, г. Екатеринбург. E-mail: gosslugashiy@yandex.ru

Катаев Сергей Иванович, аспирант кафедры менеджмента Пермской государственной сельскохозяйственной академии. E-mail: kataev@inbox.ru

Киммель Надежда Викторовна, аспирант кафедры прикладной социологии Уральского государственного университета имени А.М. Горького, г. Екатеринбург. E-mail: nkimmel@yandex.ru

Коротина Наталья Юрьевна, заведующая кафедрой экономики и финансов Челябинского института Уральского академии государственной службы. E-mail: korotina@urags-chel.ru

Костин Валентин Алексеевич, доктор философских наук, профессор Уральского академии государственной службы, г. Екатеринбург. E-mail: Valentin.kostin@uapa.ru

Криворотова Галина Анатольевна, аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Лавров Игорь Валентинович, кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Челябинского института (филиала) Уральского академии государственной службы. E-mail: lavrovnauka@mail.ru

Лаврова Мария Игоревна, старший преподаватель кафедры оценки бизнеса и конкурентоспособности Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: lavrovnauka@mail.ru

Лысенко Владимир Дмитриевич, начальник информационно-аналитического центра обеспечения государственной службы Северо-Кавказской академии государственной службы, кандидат философских наук, доцент, г. Ростов-на-Дону. E-mail: infozentr@skags.ru

Начкебия Майя Севериановна, ассистент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета. E-mail: nachkebiya@bsu.edu.ru

Павлов Александр Валентинович, доктор философских наук, профессор Тюменского государственного университета. E-mail: av-pavlov@mail.ru

Петрова Ольга Петровна, старший преподаватель кафедры права Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург. E-mail: fpdo@usue.ru

Пискунов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: grew5@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич, проректор по работе с органами власти и учебными заведениями Северо-Кавказской академии государственной службы, доктор политических наук, профессор, г. Ростов-на-Дону. E-mail: ponedelkov@skags.ru

Романычев Игорь Геннадьевич, аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Рудой Василий Владимирович, ректор Северо-Кавказской академии государственной службы, кандидат экономических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону. E-mail: rector@skags.ru

Савин Валерий Николаевич, преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Челябинского филиала Академии управления и права. E-mail: aru-chel@bk.ru

Смирнов Геннадий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры информационной безопасности Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: sss45@inbox.ru

Смирнов Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Челябинского института (филиала) Уральского академии государственной службы. E-mail: sss45@inbox.ru

Степанов Владимир Алексеевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: ggorelova@yandex.ru

Хубулури Екатерина Ильинична, кандидат социологических наук, докторант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Чернов Геннадий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Челябинского института (филиала) Уральского академии государственной службы. E-mail: gchb1@bk.ru

Южаков Владимир Николаевич, директор департамента по вопросам административной реформы Центра стратегических разработок, доктор философских наук, профессор, г. Москва. E-mail: info@csr.ru

AUTHORS OF THIS ISSUE

Alexandrov Alexandr Alexandrovich, Head of State and Municipal Management of the Ural Academy of Public Administration, Ph.D., Yekaterinburg E-mail: alexandrov@gov66.ru

Belousov Alexandr Borisovich, Cand. Sc. (Political Science), fellow at the Institute of Philosophy and Law at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: ektb@yandex.ru

Borisov Sergei Valentinovich, Ph.D., Professor of Department of Philosophy at Chelyabinsk State Pedagogical University E-mail: borisovsv69@mail.ru

Buyarov Dmitri Vladimirovich, Cand. Sc. (Philosophy), Assistant Professor at the World History Department of Blagoveschensk State Pedagogical University. E-mail: buyarov_d@mail.ru

Chernov Gennadi Yurievich, Cand. Sc. (Philosophy), Assistant Professor at the Department of History and Philosophy at Chelyabinsk Institute (branch) of the Ural Academy of Public Administration. E-mail: gch61@bk.ru

Duran Tatiana Valentinovna, Cand. Sc. (Sociology), Assistant Professor at the Department of Theory of Sociology at A.M. Gorky Ural State University, Yekaterinburg. E-mail: Tanyakostina2006@hotmail.com

Golovanov Anatoli Igorevich, postgraduate student at Chelyabinsk State University E-mail: ligol@csu.ru

Gorelova Galina Gazimovna, Dr. Sc. (Psychology), Professor of Department of Political Science and Political Administration at Chelyabinsk Institute (branch) of the Ural Academy of Public Administration E-mail: ggorelova@yandex.ru

Ishmenev Evgeni Vasilievich, postgraduate student at The Institute of Philosophy and Law at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg E-mail: ishmenev@mail.ru

Karymova Lyubov Sabirdzyanovna, postgraduate student at the Department of Theory and Sociology of administration at the Ural Academy of Public Administration. E-mail: gosslugashiy@yandex.ru

Kataev Sergei Ivanovich, postgraduate student at the Department of Management at Perm State Agricultural Academy. E-mail: kataev@inbox.ru

Khubuluri Ekaterina Ilyinichna, Cand. Sc. (Sociology), doctoral student at the North-Caucasus Academy of Public Administration, Rostov-on-Don. E-mail: dopobr@skags.ru

Kimmel Nadezhda Viktorovna, postgraduate student at the Department of Applied Sociology at A.M. Gorky Ural State University, Yekaterinburg. E-mail: nkimmel@yandex.ru

Korotina Natalia Yurievna, Head of Department of Economy and Finance at Chelyabinsk Institute (branch) of the Ural Academy of Public Administration. E-mail: korotina@urags-chel.ru

Kostin Valentin Alekseevich, Ph.D., Professor at the Ural Academy of Public Administration, Yekaterinburg. E-mail: Valentin.kostin@uapa.ru

Krivorotova Galina Anatolievna, postgraduate student at the North-Caucasus Academy of Public Administration, Rostov-on-Don. E-mail: dopobr@skags.ru

Lavrov Igor Valentinovich, Cand. Sc. (Philosophy). Assistant Professor at the Department of Economy and Management at Chelyabinsk Institute (branch) of the Ural Academy of Public Administration. E-mail: lavrovnauka@mail.ru

Lavrova Maria Igorevna, Senior Lecturer at the Department of Business and Competitiveness Evaluation of South Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: lavrovnauka@mail.ru

Lysenko Vladimir Dmitrievich, Head of Information and Analysis center of Public Administration at the North-Caucasus Academy of Public Administration, Cand. Sc. (Philosophy), Assistant Professor, Rostov-on-Don. E-mail: infozentr@skags.ru

Nachkebia Maya Severianovna, teaching assistant at the Department of Social Technology at Belgorod State University E-mail: nachkebiya@bsu.edu.ru

Pavlov Aleksandr Valentinovich, Ph.D., Professor at Tyumen State University. E-mail: av-pavlov@mail.ru

Petrova Olga Petrovna, Senior Lecturer at the Department of Law at Ural State University of Economics, Yekaterinburg. E-mail: fpdo@usue.ru

Piskunov Sergei Aleksandrovich, Cand. Sc. (History), Assistant Professor at the Department of History at Blagoveschensk State Pedagogical University. E-mail: grew5@mail.ru

Ponedelkov Aleksandr Vasilievich, Vice-rector for Civil and Academic External Relations at the North-Caucasus Academy of Public Administration, Dr. Sc. (Political Science), Professor, Rostov-on-Don. E-mail: ponedelkov@skags.ru

Romanychev Igor Gennadievich, postgraduate student at the North-Caucasus Academy of Public Administration, Rostov-on-Don E-mail: dopobr@skags.ru

Rudoi Vasily Vladimirovich, Rector of the North-Caucasus Academy of Public Administration, Cand. Sc. (Economics), Assistant Professor, Rostov-on-Don. E-mail: rector@skags.ru

Savin Valeri Nikolaevich, lecturer at the Department of Social Science and Humanities at the Chelyabinsk Branch of the Academy of Law and Management. E-mail: apu-chel@bk.ru

Smirnov Gennadi Sergeevich, Cand. Sc. (History), Senior Lecturer at the Department of Information Security at the South Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: sss45@inbox.ru

Smirnov Sergei Sergeevich, Dr. Sc. (History), Professor at the department of Public and Municipal Administration at Chelyabinsk Institute (branch) of the Ural Academy of Public Administration E-mail: sss45@inbox.ru

Stepanov Vladimir Alekseevich, Cand. Sc. (Pedagogy), Assistant Professor at the Department of General Psychology at the South Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: ggorelova@yandex.ru

Volosnikova Elena Alekseevna, Dean of Management Department of Surgut State Pedagogical University, Cand. Sc. (Economics) E-mail: volosnikova_lena@mail.ru

Yuzhakov Vladimir Nikolaevich, Ph.D., Director of the Department of Administrative Reform at the Center for Strategic Research, Moscow. E-mail: info@csr.ru

Zaitseva Anastasia Andreevna, postgraduate student at the Department of Theory of Journalism at St.-Petersburg State University. E-mail: azaitseva@mail.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 “Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления”.

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.